НАСЕЛЕНИЕ СРЕДНЕГО ДОНА В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР • ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

НАСЕЛЕНИЕ СРЕДНЕГО ДОНА В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ

Издательство «Наука»
МОСКВА 1969

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР, № 151

В сборнике всесторонне исследованы среднедонские древности раннего железного века. Дана характеристика городищ и поселений, погребальных памятников, антропологического и остеологического материала, керамики, некоторых изделий художественного ремесла и т. д. На основе критического анализа письменных источников и археологических данных сделана попытка по-новому осветить проблемы этнической истории Среднего Подонья. Особое внимание уделено исследованию археологического материала с помощью естественнонаучных методов.

Ответственный редактор

А. П. СМИРНОВ

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3
П. Д. Либеров. Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных 5
П. Д. Либеров. Савроматы ли сирматы? 27
Г. Ф. Дебец. Черепа из курганов Среднего Подонья 38
А. И. Пузикова. Поселения Среднего Дона 41
А. И. Пузикова. Раскопки могильника скифского времени у села Дуровка в 1965 г. . . 82
А. Н. Москаленко, А. Д. Пряхин. Поселения раннего железного века у хутора Титчиха 96
Г. И. Корнюшин. Курган у села Левашовка 105
В. И. Гуляев. Зооморфные крючки скифского периода 109
В. И. Цалкин. Фауна из раскопок городищ скифского времени на Среднем Дону . . . 128
Е. Н. Черных, Т. Б. Барцева. Исследования металлического инвентаря из материалов Воронежской экспедиции 137
Г. Н. Лисицына. Результаты анализа растительных остатков из курганов и поселений эпохи бронзы и раннего железного века 143
Список сокращений 144

Население Среднего Дона в скифское время

Утверждено к печати Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор *М. Д. Полубояринова*. Редактор издательства *Н. И. Сергиевская*
Художник *Е. В. Крылов*. Технический редактор *Н. Ф. Егорова*

Сдано в набор 4/VII 1968 г. Подп. к печ. 25/XII 1968 г. Формат 84×108¹/₁₆. Бумага № 2.
Усл. печ. л. 15,1. Уч.-изд. л. 15,4. Т-18718. Тираж 1600 экз. Тип. зак. 932. Цена 92 коп.

Издательство «Наука». Москва К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». Москва Г-99, Шубинский пер., 10

1-6-2
76-1968/I

ВВЕДЕНИЕ

Институт археологии АН СССР в числе основных проблем древней истории нашей страны занимается изучением вопросов, связанных с этнической картой Восточной Европы, в частности скифского мира, сыгравшего прогрессивную роль в развитии европейской цивилизации.

Одной из областей, давно интересовавших историков, была область Среднего Дона и территорий, лежавших на границе между скифами и финно-угорскими племенами. По мнению ряда археологов и историков древнего мира, на этой территории обитали будины, известные по «Истории» Геродота. Здесь в продолжение многих лет работали экспедиции Института археологии АН СССР, которые, проведя значительные исследования, собрали огромный материал, позволяющий уточнить многие вопросы истории северо-восточной части скифского мира.

Ряд статей настоящего сборника содержит описание исследованных памятников и всестороннюю характеристику полученного материала. Вступительная статья П. Д. Либерова «Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных» посвящена критическому разбору истории вопроса и касается в основном анализа этнической истории указанных выше областей. Автор приписывает территорию Среднего Дона будинам и гелонам, усматривая в комплексе городищ у д. Волошино Острогожского района Воронежской области город Гелон. Он справедливо считает абашевскую культуру важнейшим компонентом, определившим своеобразие культуры раннего железного века на Среднем Дону.

Носители абашевской культуры, распространяясь от Среднего Поволжья до районов по течению Дона, в значительной мере ассимилировались финно-угорскими племенами. Во всяком случае мысль о принадлежности будинов к финно-угорским народам, хотя и спорна, однако заслуживает самого положительного отношения.

В материале такого могильника, как «Частые Курганы» на Дону, можно отметить группу вещей, которые характерны для финно-угорских народов. В их числе пронизки прикамского типа, сюльгамы, напоминающие мордовские, замечательный костяной гребень, завершающийся головкой зверя, повторяющий во всех деталях аналогичные гребни из Усть-Полуя. Наконец, следует отметить поселения городецкой культуры, а также городища с керамикой прикамского типа, расположенные по саратовскому течению Волги, ниже города Саратова, что свидетельствует о далеком проникновении финно-угорских племен на юг.

Статья П. Д. Либерова несомненно сыграет положительную роль в разрешении запутанной проблемы этнической карты скифов лесостепной полосы. Представляет интерес и другая статья того же автора «Савроматы ли сирматы?», посвященная вопросу этнической принадлежности сирматов. Автор склонен отнести сирматов к группе финно-угорских будинов. Статья спорная, однако она интересна по постановке вопроса. В ней с немногими известными в науке археологическими материалами сопоставлены противоречивые сообщения античных авторов и небольшой лингвистический материал. Весьма важной представляется статья Г. Ф. Дебеца «Черепа из курганов Среднего Подонья», посвященная анализу краниологического материала, имеющего значение одного из источников для реконструкции этнической карты Подонья. Статьи А. И. Пузиковой, а также А. Н. Москаленко и А. Д. Пряхина содержат публикации результатов исследований поселений. В первой статье приведены сведения по истории изучения городищ и селищ этого края и дана подробная характеристика материала со статистическими данными, являющимися основой для датировки. Статья

А. И. Пузиковой об исследовании курганов у с. Дуровка Белгородской области содержит детальную характеристику обряда погребения и могильных сооружений, еще слабо изученных археологами. Точный анализ материала позволил отнести группу курганов ко времени до IV в. до н. э. Небольшая статья Г. И. Корнюшина «Курган у с. Левашовка» представляет первичную публикацию одного из курганов, исследованных экспедицией. Статья В. И. Гуляева «Зооморфные крючки скифского периода» посвящена интересной категории находок, характерных для курганов скифского времени Среднего Дона и встречаемых на довольно широкой территории Восточной Европы. В статье дается систематика, разбор и датировка поясных крючков. Статьи В. И. Цалкина «Фауна из раскопок городищ скифского времени на Среднем Дону», Е. Н. Черных и Т. Б. Барцевой «Исследования металлического инвентаря из материалов Воронежской экспедиции» и Г. Н. Лисицыной «Результаты анализа растительных остатков из курганов и поселений эпохи бронзы и раннего железного века» содержат анализ материалов, позволяющих судить о климате и природной обстановке, о жизни древних людей, об их хозяйстве и технике металлургии. Публикуемый в настоящем сборнике материал значительно пополняет наши сведения о Среднем Подонье и в настоящее время дает возможность решать проблемы этнической истории края раннего железного века, проследить связи со степной Скифией и соседями с севера.

Настоящая коллективная работа дополняет публикации, вышедшие за последние годы, и подводит итоги проведенным исследованиям[1].

---

[1] П. Д. Либеров. Памятники скифского времени бассейна Северного Донца. МИА, № 113, 1962; он же. Памятники скифского времени на Среднем Дону. САИ, вып. Д1—31. М., 1965.

П. Д. Либеров

ПРОБЛЕМА БУДИНОВ И ГЕЛОНОВ В СВЕТЕ НОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Первые сведения о племенах будинов и живущих среди них гелонах дает греческий историк Геродот (V в. до н. э.).

Геродот составил краткую этнографическую характеристику будинов, описал их занятия, быт, место расположения и природную среду, т. е. все то, что при наличии археологических источников создает благоприятные условия для решения проблемы, связанной с изучением конкретной истории этих племен.

«Будины,— говорит Геродот,— народ многолюдный с светло-голубыми глазами и с рыжими волосами» (Herod., IV, 108). «Будины, туземцы в этой стране, ведут кочевой образ жизни... Гелоны, напротив, земледельцы, употребляют в пищу хлеб, занимаются садоводством и не похожи на будинов ни сложением, ни цветом кожи». «Первоначально гелоны были те же эллины, удалившиеся из торговых городов и поселившиеся среди будинов. Одни из них говорят на скифском языке, другие — на эллинском» (Herod., IV, 108).

Отмечая этнографические особенности будинов и гелонов, Геродот подчеркивает, что «хотя будины ведут такой же образ жизни, как и гелоны, но говорят на языке особом» (Herod., IV, 108). Следовательно, по Геродоту, будины и гелоны резко отличаются друг от друга не только по языку, но и по происхождению. Противоречие в его сообщении о том, что будины, с одной стороны, кочевники, а с другой — ведут такой же образ жизни, как гелоны, кажущееся: оно скорее отражает действительное положение вещей, если учесть другое его сообщение: «В земле их (будинов.— *П. Л.*) есть деревянный город по имени Гелон. Каждая сторона городской стены имеет в длину тридцать стадий; стена высока, вся из дерева, равно как и дома, и храмы будинов (разрядка наша.— *П. Л.*). Там есть святилища эллинских божеств с кумирами, алтарями и храмами из дерева, и в честь Диониса устраиваются там каждые два года празднества с оргиями» (Herod., IV, 108). Из слов Геродота со всей ясностью вытекает тот факт, что город Гелон принадлежит будинам. В нем наряду с эллинскими святилищами существуют дома и храмы будинов. Геродот подчеркивает, что, «впрочем, у эллинов и будины называются гелонами, но это неправильно» (Herod., IV, 109). Из всего сказанного вытекает, что будины вели не только кочевой, но и оседлый образ жизни. И это положение мы попытаемся доказать несколько ниже на археологическом материале.

Исходя из современного уровня знаний, сообщения Геродота о локализации будинов, представляются, на наш взгляд, довольно достоверными. Геродот плохо знает северную границу Скифии и потому нигде не говорит о границе земли будинов относительно Скифии. Однако восточная граница Скифии, по Геродоту, определяется довольно ясно: она доходит до Танаида (Дона) в его нижнем течении (Herod., IV, 20). Но уже «по ту сторону Танаида (имеется в виду восточный его берег.— *П. Л.*) нет более Скифии: первая из тамошних областей принадлежит савроматам, которые занимают пространство в 15 дней пути, начиная от угла Меотидского (Азовского.— *П. Л.*) озера по направлению к северу. Вся эта страна лишена диких и садовых деревьев. Над ними живут будины, занимающие второй участок земли, весь покрытый густым разнородным лесом»

(Herod., IV, 21). Обилие разнородного леса в стране будинов Геродот подчеркивает и в другом месте, где несколько более подробно говорит о будинах (Herod., IV, 109).

Таким образом, южная граница будинов, по Геродоту, начинается к северу от савроматов. Насколько обширна территория будинов к северу и где ее северная граница, Геродот не говорит. Он указывает лишь, что «выше будинов, к северу от них, лежит прежде всего пустыня на протяжении семи дней пути, а за пустыней, больше в восточном направлении, живут фиссагеты — народ особый и многолюдный; средства к жизни добывают они охотой» (Herod., IV, 22). В этом сообщении Геродота заслуживает особого внимания тот факт, что между землями будинов и фиссагетов указывается межплеменная незаселенная территория (но не пустыня в буквальном смысле), границу которой с южной стороны (между будинами и савроматами) Геродот не указывает. По всей видимости, такая нейтральная полоса земли определялась географическими факторами местности, менее всего пригодной для хозяйственного использования и находящейся между верховьями рек — притоками Дона с юга и Волги с севера. Подобная локализация будинов и фиссагетов не противоречит современным археологическим представлениям о культурах Среднего Дона и Среднего Поволжья в эпоху раннего железа [1]. Но если на основании географических особенностей территории Среднего Дона возможно определить южную и северную границы Будинии, то восточная и западная границы ее совершенно теряются, о них Геродот или ничего не говорит, или говорит лишь в связи с перечислением лесостепных племен в восточном направлении. Это перечисление он повторяет неоднократно и всегда в одном и том же порядке. Напомним некоторые из его указаний. В числе нескифских народов, живущих к северу от Скифии в лесостепных и лесных областях, Геродот перечисляет ряд племен. Так, к западу от Днепра он находит невров, к востоку от Днепра — андрофагов, еще далее к востоку за андрофагами живут меланхлены и, наконец, за меланхленами обширную территорию занимают будины (Herod., IV, 17—22). В другом месте в связи с походом Дария в Скифию Геродот перечисляет соседей Скифии, начиная от реки Истр, и называет агафирсов, невров, андрофагов и меланхленов (Herod., IV, 100). А при описании соседних народов, приглашенных скифами на совещание в связи с наступлением Дария, названия их повторяются опять в том же порядке или даже с большей четкостью. Среди этих народов мы видим «тавров, агафирсов, невров, андрофагов, меланхленов, гелонов, будинов и савроматов» (Herod., IV, 102). Знаменательно, что это перечисление идет по той великой дуге, которая окаймляет северную, северо-западную и северо-восточную границы Скифии, а среди ранее упоминавшихся народов появляются и гелоны. Вряд ли случайно Геродот упомянул их между меланхленами и будинами.

Заранее укажем, что такой порядок перечисления имеет глубокий смысл, который станет ясным при характеристике археологических памятников Среднего Дона.

Любопытно, что Геродот сохранил тот же порядок в перечислении этих народов и в другом месте, сообщая об организации отпора Дарию. Цари гелонов, будинов и савроматов оказались на стороне скифов, а агафирсы, невры, андрофаги и меланхлены дали уклончивый ответ (Herod., IV, 119). Как видно, повествуя о делении народов на две группы, Геродот сохранил тот же порядок их наименования, который он принял раньше. Не изменяет он порядок перечисления народов и рассказывая об отступлении скифов перед персами, когда скифы пошли обратно из земли будинов. От них они попали в землю меланхленов, потом андрофагов и далее невров (Herod., IV, 123—125).

Таким образом, мы видим, что Геродот неукоснительно и твердо придерживается той мысли, что земля будинов и гелонов находится в крайней северо-восточной части территории относительно Скифии.

Он ни разу не сбивается при перечислении народов, в том числе будинов, находившихся за пределами Скифии. И не его вина, что в последующее время римская традиция в сочинениях многих латинских поэтов и риторов то ли в силу полного незнания географии Восточной Европы, то ли из-за действительного изменения политической карты, не знает местоположения гелонов, называя их «отважные», «вооруженные колчанами», «живущие на краю света», «летучие» и т. д. [2]

Территория расселения гелонов, по данным римских авторов, была совершенно неясной. Вот, к примеру, Гораций Флак (I в. до н. э.) говорит о них как о «живущих на краю света».

[1] Н. В. Трубникова. Племена городецкой культуры. Археологический сборник. Труды ГИМ, XXII. М., 1953; А. П. Смирнов, Н. В. Трубникова. Городецкая культура. САИ, вып. Д1—14. М., 1965; П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону. САИ, вып. Д1—31. М., 1965.

[2] В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, т. II, вып. I. СПб., 1904, стр. 15, 29, 30, 148.

Вибий Секвестр (IV в. н. э.) размещает их во Фракии. Мартиан Капелла (V в. н. э.) сообщает, что «внутри страны живут авхеты, у которых берет начало Ипанид, и невры, у которых Борисфен, далее гелоны, агафирсы, людоеды и в тылу у них аримаспы»[3]. Явная путаница римских авторов в локализации гелонов не вызывает сомнений, и поэтому основывать на ней решение вопроса о гелонах Геродота абсолютно невозможно. Не случайно вопрос о будинах и гелонах был предметом широкой исторической дискуссии на протяжении почти 150 лет вплоть до наших дней. Мы не ошибемся, если скажем, что существует не один десяток больших и малых работ, нередко сохраняющих научное значение до настоящего времени, в которых затрагивался вопрос о будинах и гелонах.

Сведения о локализации будинов и гелонов, полученные Геродотом от его информаторов — греческих и скифских купцов и путешественников, вероятно, неоднократно бывавших в далеких землях, расположенных к северо-востоку и востоку от Скифии, вызвали большое недоверие у значительной части исследователей XIX и XX столетий. По данному вопросу существует множество противоречивых работ, что вызвано, на наш взгляд, недостаточным знанием археологических источников, а вначале — полной их неизученностью на территории Среднего Дона.

Отчасти этому благоприятствовала и известная неточность сообщений Геродота, которая в зависимости от субъективных представлений исследователей, а иногда и явных натяжек в решении вопроса, позволяла им по-разному определять территорию будинов. Нам кажется, что такое положение фактически существовало вплоть до середины XX в., до того времени, когда здесь развернулись большие археологические исследования, давшие исключительно разнообразный и богатый материал.

В связи с этим следует напомнить высказывание одного из авторов XIX в. — Ф. Брауна, который сам с большим доверием относился к сообщениям Геродота и много сделал в области исследования скифской проблемы.

Решая вопрос о славянах и в связи с этим касаясь скифской проблемы, Ф. Браун говорил, что «разногласия между учеными зависят... не столько от неточности или неясности материала, сколько от методологических ошибок некоторых ученых, бравшихся за исследование, а часто от тех предвзятых идей и тенденций, с которыми они приступали к нему и которые заставили их мириться с явными натяжками»[4].

За последние годы, начиная с 1954 г., археологические памятники Среднего Дона подверглись широкому и более глубокому изучению, чем это было сделано раньше за многие десятилетия. Изучались курганы, городища и открытые поселения эпохи бронзы и раннего железа по правобережью и левобережью.

В результате этих работ получен большой и разнообразный археологический материал, который позволяет подойти к решению проблем древней истории края в самом широком аспекте: происхождение памятников эпохи раннего железа, особенности и ареал культуры, быт и занятия населения, этническая его принадлежность и связи с внешним миром.

Существующая историография по этим вопросам полна противоречий не только потому, что в предшествующий период, особенно в дореволюционное время, не было фактических данных, связанных с археологическими исследованиями, но часто из-за неправильных методологических построений.

Наиболее многочисленная группа исследователей, принимавших с доверием сообщения Геродота и пытавшихся согласовать их с современными географическими, этнографическими и археологическими данными, локализует будинов на территории Среднего Дона или между Волгой и Доном.

Небольшие отклонения в ту или иную сторону, допускаемые некоторыми авторами в локализации будинов, мы во внимание не принимаем, поскольку на раннем этапе при отсутствии археологических данных они были вполне закономерны. К числу этих исследователей мы с полным основанием можем отнести некоторых авторов дореволюционного времени, таких как И. Потоцкий, Ф. Браун, С. Мароньский, В. Н. Семенкович, К. Кёппен, С. Риттер[5], а также советского периода — Б. Н. Граков, А. И. Тереножкин, В. А. Ильинская, К. Ф. Смирнов и др.[6]

---

[3] В. В. Латышев. Указ. соч., стр. 29; вып. II, 1906, стр., 390, 410.

[4] Ф. Браун. Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб., 1899, стр. 71.

[5] И. Потоцкий. Археологический атлас Европейской России (карта первая). СПб., 1823; Ф. Браун. Указ. соч.; С. Мароньский. Гелоны Геродота не прусско-литовский народ. См.: В. Н. Семенкович. Гелоны и мордва. Вып. I. Гелоны. М., 1913; К. Кёппен. Древности северного берега Понта. М., 1828, стр. 26; C. Ritter. Die Vorhalle europäischer Völkergeschichten vor Herodotus, um den Kaukasus und an den Gestaden des Pontas. Berlin, 1820.

[6] Б. М. Граков. Скіфи. Київ, 1947, стр. 8 (карта); он же. Основные культуры скифского времени в Причерноморье и в лесостепной зоне. Доклады на VI научной конференции Института археологии АН УССР.

Одной из самых ранних работ по этой тематике является труд И. Потоцкого, изданный уже в первой четверти XIX в. На одной из пяти карт, посвященных Геродотовой Скифии, автор поместил народ будинов в междуречье Дона и Хопра, почти от их верхнего течения и до излучины Дона, достигающей устья Хопра. На наш взгляд, такая локализация будинов на основании лишь сообщений Геродота и при отсутствии в то время археологических источников не могла быть более точной.

Три четверти века спустя Ф. Браун, опираясь на сведения Геродота относительно расселения племен на территории Северного Причерноморья и примыкающих к нему областей, локализовал будинов в несколько более широких территориальных рамках, в пределах бывших Воронежской, Тамбовской и Саратовской губерний [7].

Следуя за Геродотом, Ф. Браун устанавливает непрерывную цепь нескифских племен, селившихся вдоль северной границы Скифии: невры, андрофаги, меланхлены, гелоны и будины. Гелоны и будины, по мнению автора, занимают крайнюю восточную область в границах Тамбовской, Саратовской и отчасти Воронежской губерний. Руководствуясь указанием Геродота о том, что савроматы занимали территорию к северу от угла Меотидского озера на протяжении 15 дней пути, Ф. Браун высчитал, что северная их граница должна находиться в 525 км от указанного пункта. А это означает, что северная граница савроматов находилась в том месте, где Дон особенно близко подходит к Волге, т. е. где-то близ Волгограда. Севернее этого места, по Геродоту, земля принадлежала будинам, так как никакой промежуточной межплеменной территории он не указывает.

В связи с определением границы будинов Ф. Браун обратил внимание на весьма любопытный факт, который был дважды упомянут в античных источниках, но оставался до того незамеченным [8]. Речь идет о племенах сирматов, которых Геродот не знал и которых совершенно независимо от него в IV в. до н. э. упомянули в приписываемом им перипле Скилак Кариандский и Евдокс Книдский [9]. Согласно этим указаниям сирматы жили за скифами на правом берегу Дона. Использовавший сообщения Евдокса Стефан Византийский говорит, что сирматы — то же, что и савроматы, и живут они близ Дона. В. Миллер не обратил внимания на различия в названиях савроматов, живших к востоку от Дона, и сирматов — к западу от него. Поэтому он счел возможным объединить их под одним общим названием, согласившись в этом отношении со Стефаном Византийским [10].

Однако Ф. Браун не согласился с утверждением Стефана Византийского о тождестве савроматов и сирматов и принял сообщения о сирматах как сведения о самостоятельно существовавших племенах, не связанных с савроматами. Он считал, что сирматы не имели ничего общего ни с савроматами, ни со скифами. По его мнению, они были скорее всего крайней южной частью финских будинов [11]. Автор утверждал их финскую языковую принадлежность на том основании, что Геродот отличал язык будинов от иранского языка скифов и савроматов.

В недавно вышедшей в свет большой монографии К. Ф. Смирнова «Савроматы» вновь устанавливается тождество названий савроматов и сирматов, а территория междуречья Дона и Северного Донца, занимаемая сирматами, включается в территорию сарматского мира. Однако и К. Ф. Смирнов в доказательство этой точки зрения не приводит ни исторических, ни археологических фактов [12].

В связи с тем, что вопрос о сирматах не может быть решен только на базе письменных источников и является очень важным и сложным, мы посвятили ему специальную статью нашего сборника [13].

Большой интерес представляет исследование Станислава Мароньского, который отстаивает точку зрения ученых, принимающих геродотовскую локализацию будинов и гелонов [14]. Не имея никакого представления об археологических источниках и опираясь только на сообщения Геродота относительно будинов и гелонов, автор, как нам представляется, правильно разрешил стоящую перед ним задачу. Он считал, что южная граница будинов начинается там, где Дон уходит от Волги вверх в западном, а затем в северо-западном направлении, и продолжается выше вдоль левого берега

Киев, 1953; А. И. Тереножкин. Предскифский период на днепровском побережье. Киев, 1961, стр. 225 (карта); В. А. Ильинская. О скифах-пахарях и будинах Геродота. КСИИМК, вып. XL, 1951, стр. 28 и сл.; К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 261 и сл.

[7] Ф. Браун. Указ. соч., стр. 71—73.

[8] Там же, стр. 85.

[9] В. В. Латышев. Указ. соч., т. I, вып. I—III, стр. 85, § 68. Эти сведения по Ф. Брауну повторяет и В. Н. Семенкович (см.: В. Н. Семенкович. Указ. соч., стр. 62—63).

[10] В. Миллер. Осетинские этюды, ч. III. М., 1882, стр. 84.

[11] Ф. Браун. Указ. соч., стр. 87.

[12] К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 196.

[13] См. статью П. Д. Либерова «Савроматы ли сирматы?» в настоящем сборнике, стр. 27.

[14] С. Мароньский. Указ. соч., стр. 147.

Дона вплоть до лесостепи. Восточная граница будинов, по его мнению, уходила вверх по Волге до Саратова. Северная граница приблизительно образует линию от Воронежа на Тамбов и далее на Саратов [15].

Относительно гелонов автор говорит, что «ответ на этот вопрос опять находим у Геродота в его группировке народов. По его предположениям, гелоны живут к западу от будинов, значит на западном берегу Дона» [16].

Такое представление, на наш взгляд, соответствует результатам современных археологических исследований. Однако ему противоречит локализация города Гелона, поскольку С. Мароньский считает, что Гелон должен находиться между устьями Медведицы и Иловли на том лишь основании, что именно здесь скрещиваются торговые пути, идущие из Северного Причерноморья на северо-восток и восток [17]. Мы полагаем, что С. Мароньский был прав в основной части своей локализации будинов и гелонов и справедливо критиковал взгляды многих исследователей, селивших будинов к западу от среднего и верхнего течения Днепра, между реками Вислой, Западным Бугом и Припятью (Байер, Нарушевич), или в лесистых долинах между Западным Бугом и Наревом (Садовский), или на Волыно-Белорусской равнине, простирающейся от истоков Днепра по Припяти и Пинским болотам до Березины (Шафарик, Сенкевич, Данилович), или в лесистой области между Средним Днепром и Доном (Рейхард) [18].

Сестренцевич-Богуш так же, как предшествующие исследователи, локализовал будинов и гелонов в левобережной части Среднего Дона [19]. Однако, отдавая дань противоречивым сообщениям Геродота о переселении невров в страну будинов, он разделил будинов на две части, оставив одну часть на левобережье Дона и передвинув другую ближе к Днепру, севернее меланхленов. Меланхленов же он поместил к востоку от Днепра вдоль Сейма.

Такое совершенно произвольное деление будинов на две части не может быть объяснено ни с точки зрения логических рассуждений, ни с точки зрения археологических фактов. Не соответствует оно и сообщениям Геродота, поскольку идет в разрез с основными сведениями Геродота о локализации будинов.

С локализацией будинов на Среднем Дону согласно большинство советских археологов, касавшихся этой темы. Так, если Б. Н. Граков еще в 1947 г. был склонен располагать будинов к востоку от верхнего течения Дона, главным образом в Тамбовской, Пензенской, Саратовской областях и по существу за пределами верховий Битюга, Хопра и других левобережных притоков Дона [20], что соответствовало точке зрения Ф. Брауна, то позднее, в 1953 г., Б. Н. Граков указывал их территорию на Среднем Дону [21].

Здесь же локализует будинов и А. И. Тереножкин [22]. Однако недоумение вызывает выделение памятников воронежской правобережной группы («Частые Курганы», Мастюгино) в какую-то иную группу, не относящуюся, по его мнению, к будинским памятникам.

Сходную локализацию будинов дают В. А. Ильинская [23] и К. Ф. Смирнов [24], которые определяют территорию будинов в границах Воронежской и Харьковской областей. К сожалению, эти авторы не указывают сколько-нибудь четкой западной границы будинов. Но это необходимо сделать, поскольку Харьковская область обширна и в археологическом отношении значительно отличается от Воронежской.

Не учитывается этими авторами и географическая среда, реки, служившие не только источником жизни первобытных племен, но и естественной межплеменной границей. Исходя уже из этих соображений, можно думать, что вряд ли Харьковская область, расположенная далеко за пределами Донской водной системы, тем более Среднего Дона, могла быть местом обитания будинов и гелонов.

О локализации будинов и гелонов существуют и другие мнения, согласно которым эти племена жили на Волге — главной водной артерии, связывающей причерноморские народы с народами востока и северо-востока Европы и Азии.

К этой группе исследователей относятся И. Е. Забелин, Л. Л. Голицын, С. С. Краснодубский, Е. Минз, Рейхард [25].

---

[15] С. Мароньский. Указ. соч., стр. 156—157.
[16] Там же, стр. 157.
[17] Там же, стр. 158.
[18] Там же, стр. 147.
[19] S. Siestrencewicz de Bohysz. Recherches historiques sur l'origine des sarmates de esclavons et des Slaves. СПб.— Лондон [б. г.]. Перевод извлечений сделан В. Н. Семенковичем в приложениях (см.: В. Н. Семенкович. Указ. соч., стр. 240 и две карты: стр. 32, рис. 10; стр. 240, рис. 45).

[20] Б. М. Граков. Скіфи, стр. 8 (карта).
[21] Б. Н. Граков. Основные культуры скифского времени..., стр. 165.
[22] А. И. Тереножкин. Указ. соч., стр. 225 (карта).
[23] В. А. Ильинская. Указ. соч., стр. 28 и сл.
[24] К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 262.
[25] И. Е. Забелин. История русской жизни с древнейших времен, ч. I. М., 1908; Л. Л. Голицын, С. С. Краснодубский. Укек. Доклад князя Л. Л. Голицына и С. С. Краснодубского Саратовской ученой архивной комиссии 15 октября 1890 г. Саратов, 1891; E. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913; Reichard. Der Feldzug im Lande der Skythen. Stuttgart, 1928.

По И. Е. Забелину, территория будинов простиралась к северу от места сближения Дона и Волги и охватывала Саратовскую и Рязанскую губернии [25]. Объединяя все геродотовские племена нескифского происхождения в одну финскую группу под именем мордвы — вудинов, этот историк помещал их даже к западу от Оки до самого верхнего течения Днепра [27].

Такое широкое толкование территории будинов при современном состоянии археологических знаний, разумеется, совершенно неприемлемо, хотя финская языковая общность всех этих племен, расположенных к северу и северо-востоку от Скифии, имела место и признается современными исследователями.

И. Е. Забелин отрицал славянскую принадлежность будинов и ряда других племен, объединенных им под именем мордвы, в то время как П. Шафарик считал будинов славянами. П. Шафарик и некоторые другие исследователи расселяли будинов на территории Волыни и Белоруссии [28] на том основании, что Геродот будто бы ошибся в локализации будинов [29]. Ошибку П. Шафарика использовали немецкие ученые. Сам П. Шафарик, говорит И. Е. Забелин, вынужден был признать, что немецкий ученый Маннерт объявил будинов «праотцами немцев и самым старшим тевтонским народом», а «позднейшие писатели (немцы) с особенным восторгом приняли такую его догадку как одно из важнейших исторических открытий» [30].

И. Е. Забелин твердо придерживался сообщений Геродота о локализации будинов. «Геродот,— писал он,— прямо, точно и очень ясно говорит, что на Дону живут савроматы, а выше их (к северу) живут будины, народ многочисленный» [31].

Город Гелон, по И. Е. Забелину, находился где-то на Волге ниже Саратова. Он предполагал, что наиболее вероятным местом Гелона могут быть развалины города Увека (Укека). Этот район в геродотовское время мог быть важным перевалочным пунктом торгового пути из греческих причерноморских городов к Уральским горам [32].

Мысль о принадлежности развалин Укека древнему городу Гелону была высказана в 1890 г. Л. Л. Голицыным и С. С. Краснодубским [33]. Но в последующие годы она не была проверена путем специальных полевых исследований, несмотря на горячую поддержку этого дела Саратовской ученой архивной комиссией [34].

Между Доном и Волгой будинов локализовали и другие исследователи [35].

По Е. Минзу, будины жили в Среднем Поволжье, по обоим берегам Волги, между Куйбышевом и устьем Камы [36].

Таким образом, большинство ученых — историков и археологов досоветского и советского периодов помещали будинов и гелонов к востоку от Дона или между Доном и Волгой и отчасти непосредственно в Среднем Поволжье, строго придерживаясь указаний Геродота.

Однако не все исследователи были склонны придерживаться этих сообщений. В историографии существуют и другие предположения о локализации будинов и гелонов. Хотя авторы их также опираются на сообщения Геродота, но они ставят под сомнение некоторые из этих сообщений, считая их ошибочными или противоречивыми, и потому ищут место обитания будинов и гелонов в других районах.

К этой группе ученых можно отнести прежде всего Ф. Бруна, который, используя сообщения Геродота и исследования своих предшественников в этой области, попытался составить новую карту Геродотовой Скифии [37].

Ф. Брун, поставив под сомнение столь далекий поход Дария — до Волги, где, по Геродоту, жили савроматы и будины,— не счел возможным локализовать эти народы за Доном. Для того чтобы представить поход Дария Гистаспа более достоверным с точки зрения времени и пространства, автор перенес восточную границу Скифии и вместе с ней земли народов, живших к востоку от Дона, далеко на запад. Соответственно он произвольно перенес названия рек: река Оар (Волга) стала у него рекой Кальмиус, Танаис (Дон) — Молочной. Подобным же образом этот автор решал и многие другие вопросы, касающиеся локализации

---

[25] И. Е. Забелин. Указ. соч., стр. 238.
[27] Там же, стр. 221—222, 239.
[28] Там же, стр. 241.
[29] Там же.
[30] Там же.
[31] Там же.
[32] Там же, стр. 243.

[33] Л. Л. Голицын, С. С. Краснодубский. Указ. соч.
[34] Там же, стр. 9—11.
[35] Д. Я. Самоквасов. История русского права, т. I, вып. 2. Варшава, 1884, стр. 34—37; Ф. Г. Мищенка. Геродот, т. II. М., 1886, указатель с примечаниями, стр. 38; А. Лихачев. Скифский след на билярской почве. Известия Общества археологии истории и этнографии при Казанском университете, т. V, 1884.
[36] E. Minns. Указ. соч. (карта).
[37] Ф. Брун. Опыт согласования противоположных мнений о Геродотовой Скифии и смежных с ней землях. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России (1852—1877 гг.), ч. II. Одесса, 1880; он же. О попытках объяснить известия Геродота относительно похода Дария Гистаспа против скифов. Там же.

земли будинов. Так, земля будинов, по Ф. Бруну, находилась в верховьях рек Миуса, Кальмиуса и Самары с ее притоком р. Волчья, а Будинское озеро он расположил в районе современного Павлограда, между реками Самарой и Волчьей. В нашей работе нет надобности более подробно рассматривать этот довольно объемистый труд. Достаточно сказать, что автору не удалось решить поставленную задачу прежде всего потому, что он исходил из ложных позиций, приняв за достоверное сообщение Геродота о давно уже ставшем легендой походе Дария, и усомнился в показаниях современников, бывших почти свидетелями описываемых событий, на основании которых были записаны сведения о гидрографии Скифии и о племенах и народах Восточной Европы.

Таким образом, Ф. Бруну не удался опыт согласования противоположных мнений о Геродотовой Скифии; гипотеза его не была поддержана в русской историографии в силу явной ее несостоятельности.

Многие исследователи досоветского и даже советского периодов локализуют будинов и гелонов в области Поднепровья. К таким исследователям относятся Н. Надеждин [38], П. Шафарик, Маннерт, Г. Эйхвальд, О. И. Сенькoвский [39], Л. Нидерле [40]. Из советских исследователей такой локализации будинов и гелонов придерживается М. И. Артамонов [41].

Попытаемся кратко сформулировать основные положения этих авторов относительно локализации будинов и гелонов.

Исходя из сообщений Геродота, Н. Надеждин предпринял попытку дать новое объяснение карты Геродотовой Скифии. Совершенно по-иному трактуя географию и гидрографию Геродотовой Скифии, он изменил соответственно и расселение племен и народов Северного Причерноморья.

Только в результате искажения карты у автора получилось так, что территория будинов и гелонов оказалась в области между северными краями Харьковской и Подольской губерний, а также в губерниях Полтавской (на севере), Черниговской (на юге), Киевской (на севере) и Волынской (на западе) [42]. И поскольку гелоны жили среди будинов, то отсюда «самый крайний север полагался древними еллинами именно на северо-западе, а не на северо-востоке Европы» [43]. Нам нет надобности повторять все рассуждения автора, на основании которых он пришел к такому выводу. К нему мы еще вернемся несколько ниже в связи с рассмотрением точки зрения М. И. Артамонова, давшего наиболее широкое и глубокое обоснование этой гипотезы.

Обратимся к взглядам П. И. Шафарика. В своем большом труде [44] этот автор вслед за Оссолинским [45] рассматривал будинов как славянские племена. Эта его точка зрения подверглась сильной критике со стороны И. Е. Забелина [46]. П. И. Шафарик на основании сообщений Геродота располагал невров на территории от истоков Днестра на западе до рек Нурку и Нарев на востоке; восточными соседями невров, по его мнению, были будины. Следовательно, территория будинов могла находиться на северо-востоке от верховий Днестра, в нынешней Волыни и Белоруссии, где их помещают и некоторые поздние античные авторы: Птоломей, Агафодамон, Мела, Плиний, Аммиан Марцеллин, Юлий Гонорий, Стефан Византийский и др. «Судя по этим свидетельствам,— писал П. Шафарик,— нет сомнения, что великий и многолюдный народ будины занимали когда-то жилищами своими всю нынешнюю Волынь и Белоруссию» [47]. Геродот, по мнению автора, ошибся, помещая будинов далеко за Доном на основании сомнительного сообщения о походе Дария на такое далекое расстояние. Тем более, что за Доном нет таких природных условий, о которых рассказывает Геродот: озер, болот, лесов [48]. Основываясь на сообщении Геродота относительно языка будинов, а также опираясь на многочисленные названия рек, речек, населенных местечек и селений на территории Волыни и Белоруссии, получивших свои названия от народа будинов, автор приходит к выводу о том, что будины — народ славянский, представляющий племена венедов [49]. Этой же точки зрения придерживался и Г. Эйхвальд: территория расселения

---

[38] Н. Надеждин. Геродотова Скифия. Объяснения через сличение с местностями. ЗООИД, т. I, 1844, стр. 3—114.

[39] П. И. Шафарик. Славянские древности. М., 1847; Mannert. Geographie der Griechen und Römer. Göttingen, 1820; Г. Эйхвальд. О древнейших обитателях племен. БЧ, т. XXVVII, отд. III. СПб., 1838, стр. 53—93; О. И. Сенькoвский. Два примечания к Геродотову описанию Скифии. Там же, стр. 94 и сл.

[40] Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956.

[41] М. И. Артамонов. Этногеография Скифии. Ученые записки ЛГУ, вып. 13, 1949; он же. Этнический состав населения Скифии. Доклады на VI научной конференции Института археологии АН УССР. Киев, 1953, стр. 169 и сл.

[42] Н. Надеждин. Указ. соч., стр. 92 и карта.

[43] Там же, стр. 102.

[44] П. И. Шафарик. Указ. соч.

[45] Ossolinski. Wiadomosci Historyczno. Kryt... II 487—494.

[46] И. Е. Забелин. Указ. соч.

[47] П. Шафарик. Указ. соч.

[48] Там же.

[49] Там же.

славян-будинов, по его мнению, была в лесах к северу от савроматов и к западу от Дона, в верховьях Припяти и в окрестностях Пинска, а невры являлись их соседями. Г. Эйхвальд считал, что сведениям Геродота об озере соответствуют Пинские болота или так называемая болотистая низменность Полесья [50]. В защиту этой гипотезы и против гипотезы И. Потоцкого, рассмотренной выше, выступил и О. И. Сеньковский [51]. Л. Нидерле в работе «Славянские древности» категорически утверждал, что «среди упомянутых Геродотом северных соседей скифов не только невры на Волыни и Киевщине, но, вероятно, и будины, обитавшие между Днепром и Доном, и даже скифы, именуемые пахарями и земледельцами... и помещаемые Геродотом к северу от собственно степных областей между Верхним Бугом и Средним Днепром, были, несомненно, славянами, которые испытывали влияние греко-скифской культуры, свидетельством чего являются многочисленные курганы Киевской и Полтавской областей» [52]. В другом месте этот автор писал, что будинов Геродота, вероятно, можно считать славянами, а не финнами, и место их жительства было где-то на Десне и в ближайших к ней районах Подонья [53].

О славянском происхождении будинов и гелонов писал и М. И. Артамонов. Если все перечисленные выше авторы в большей или меньшей степени опирались лишь на письменные источники, то М. И. Артамонов кроме того использовал археологические источники. Археологические исследования последнего десятилетия внесли и будут вносить важные коррективы во многие проблемы древней истории, в том числе и в гелоно-будинскую проблему. Решая гелоно-будинскую проблему на базе новых археологических данных, мы считаем своим долгом рассмотреть некоторые основные положения, выдвинутые М. И. Артамоновым, которые сводятся к следующему:

1. Территория, занимаемая гелоно-будинами, расположена в среднем лесостепном Поднепровье в границах Киевской и Полтавской областей и частично в Харьковской и Воронежской областях [54].

2. В составе будинов было много локальных групп, к которым как этнически им родственные относятся и племена андрофагов и меланхленов [55].

3. Гелоны были племенами фракийского происхождения, коренной территорией их в скифское время было Побужье, откуда они переселились в земли будинов, где и растворились среди будинского массива [56].

4. Утверждая славянство будинов, проживавших в указанных выше границах, М. И. Артамонов писал: «Что касается Среднего Поднестровья, то, по моим заключениям, его населяли племена, которые Геродот считал нескифскими. В их составе наиболее значительным было племя будинов, в котором я усматриваю предков восточных славян» [57].

Таким образом, уже из этих далеко не полностью приведенных основных положений автора мы узнаем о территории расселения гелоно-будинов, о родственных им в культурно-этническом отношении племенах андрофагов и меланхленов, о фракийском происхождении гелонов, которые в процессе смешения с будинами потеряли этнические особенности, а также о том, что будины — предки восточных славян.

Основным и наиболее достоверным источником по истории Скифии и ее периферии до сих пор считался и считается труд Геродота. В нем проявляется глубокое и достоверное по тем временам знание географии, гидрографии и племенного состава населения, его занятий, обрядов и обычаев, а также политических событий, имевших место не только на территории, непосредственно примыкающей к Причерноморью, но и далеко к северу за его пределами. Используя «Историю» Геродота как источник первостепенной важности, историческая наука за истекшие полтораста лет достигла очень многого. Факты, сообщенные Геродотом, подтверждаются археологическими материалами, а археологические материалы в свою очередь дополняют и обогащают конкретную историю.

Исходя из принятого положения о том, что Геродот ошибся в локализации будинов и гелонов, М. И. Артамонов ищет для них другое место. Для доказательства их расселения на Среднем Днепре он, во-первых, использует весьма туманную легенду, сообщенную Геродотом, о переселении невров к будинам за одно поколение до Геродота; во-вторых, вопреки ясным географическим координатам, сообщенным Геродотом относительно Танаиса (Дона), разделяющего Европу и Азию, и расселения племен савроматов за Танаисом, он переименовал Северный Донец в Дон и соответственно поселил савроматов в столь раннее время на

[50] Г. Эйхвальд. Указ. соч., стр. 53—93.
[51] О. И. Сеньковский. Указ. соч., стр. 94—116.
[52] Л. Нидерле. Указ. соч., стр. 36.
[53] Там же, стр. 30 и сл.
[54] М. И. Артамонов. Этнический состав населения Скифии, стр. 184.
[55] Там же.
[56] Там же, стр. 186.
[57] Там же, стр. 171.

правый, западный берег Дона, в междуречье Дона и Северного Донца, вплоть до Оскола; в-третьих, приняв положение о том, что гелоны селились на Южном Буге, где якобы жили и их древние предки во главе с легендарным Гелоном, сыном Геракла[58], М. И. Артамонов переселил их в среду будинов. В последнем случае его не смутил тот факт, что Геродот, рассказывая об этой легенде, ничего не говорит о месте их расселения на Южном Буге и в то же время довольно убедительно рассказывает о гелонах-эллинах, переселенцах из торговых городов в землю будинов, территория которых находится за Танаисом (Доном).

Однако если на основании легенды о переселении невров к будинам невозможно установить территорию расселения последних, то, как увидим ниже, тезис о расселении савроматов в междуречье Дона и Северного Донца совершенно не имеет никакой основы. Не доверяя Геродоту в определении фактического положения Танаиса, а следовательно, и расселения будинов на территории современного Среднего Дона, автор, напротив, излишне доверчив к сообщениям позднеантичных и средневековых авторов, сведения которых чрезвычайно общи и неясны, вероятно, из-за неустойчивости политической карты Восточной Европы в послегеродотовское время и весьма плохой осведомленности о происходивших в Причерноморье событиях.

Кстати говоря, еще Помпоний Мела (I в. н. э.), отбрасывая все легендарное в сообщениях Геродота, использовал положительные факты. О будинах он говорил, что они «населяют деревянный город Гелоний», а ближними соседями их называл фиссагетов и иирков (турки), живущих в обширных лесах и добывающих средства к жизни охотой[59]. Сообщения о гелонах после Геродота становятся совершенно неопределенными (М. Капелла[60], Арриан[61], Дионисий[62]), авторы или помещают их далеко на востоке (Гонорий[63], Марцеллин[64]), или далеко на западе (Марцеллин[65], Солин[66], Авиен[67]). Это характерно для авторов и римского времени и эпохи средневековья. Так, один из позднейших авторов, Стефан Византийский, повторяет сообщения Геродота относительно города Гелона: «Гелон — город в Европейской Сарматии, названный по имени Ираклова сына Гелона, брата Агафирса... Город этот деревянный, лежащий в стране будинов, великого народа, по словам Геродота»[68]. Евстафий (XII в. н. э.), опираясь на сочинения Стефана Византийского, упоминает о расселении гелонов и агафирсов к северу от Истра (Дуная) и говорит, что «Гелоны — сарматское государство от Гелона, брата Агафирса и сына Геракла. У них есть, по Геродоту, большой деревянный город, лежащий в стране многолюдного племени будинов»[69]. Таким образом, уже из приведенных только частично данных о территории будинов и местонахождении города Гелона видно, что у древних авторов после Геродота был полный разнобой в определении этой территории, несмотря на то, что все они следуют за геродотовской традицией. И если еще относительно будинов геродотовская традиция сохраняется более прочно, то о гелонах у этих авторов совершенно нет единого мнения. Они помещают гелонов в разных местах, в том числе в западных районах Восточной Европы. Получается весьма странное положение, заключающееся в том, что чем дальше во времени отстоят предания, сообщаемые Геродотом о расселении народа будинов и гелонов и чем туманнее они становятся для позднейших авторов, тем больше усиливается разноречивость сообщений этих поздних писателей и становится очевиднее их отход от более ранних традиций. Чем это объясняется?

Прежде всего заметим, что со времени, когда Геродот писал историю Скифии и окружающих ее народов, и до сообщений поздних греческих и римских авторов, прошло много столетий, в течение которых народы Северного Причерноморья резко изменили места прежнего бытования. Это особенно стало заметно во II в. до н. э., когда сарматы начали движение на запад. И если письменные источники не всегда ясно отражают это явление, то археологические памятники показывают его особенно четко. Движение сарматов сказалось и на расселении народов Среднего Дона.

Наши исследования показывают, что густо населенная в прошлом, т. е. в VI—III вв. до н. э., область Среднего Дона с ее характерными памятниками материальной культуры во II в. до н. э. в этом отношении совершенно меняет свое лицо. Именно со II в. до н. э. сарматские памятники становятся на Среднем Дону все более многочисленными. Не могло ли это движение сарматов отразиться на будинах и гело-

[58] М. И. Артамонов. Этнический состав населения, Скифии, стр. 182.
[59] В. В. Латышев. Указ. соч., т. I, вып. I—III, стр. 119.
[60] Там же, стр. 410.
[61] Там же, стр. 282.
[62] Там же, стр. 181.
[63] Там же, стр. 441.
[64] Там же, стр. 327.
[65] Там же, стр. 339.
[66] Там же, стр. 276.
[67] Там же, стр. 357.
[68] Там же, стр. 257—258.
[69] Там же, стр. 196.

нах? Не могли ли гелоны Геродота вместе с сарматами попасть туда, куда их помещают некоторые позднегреческие и римские авторы?

Достаточно допустить этот факт, и многим исследователям, в том числе М. И. Артамонову, не пришлось бы обвинять Геродота в маловероятной для него ошибке и тем более исправлять его, не имея для этого достаточных оснований. Не опровергая выдвинутого М. И. Артамоновым положения о том, что в позднескифское время гелоны могли быть на Южном Буге, где их знают позднеантичные авторы, мы лишь не считаем обязательным или даже вероятным исконное пребывание их там и особенно переселение оттуда на левобережье Днепра. Мы не считаем правомерным и положение о раннем обитании будинов на этой территории. Геродотовских будинов М. И. Артамонов находит в лесостепной части правого и левого берегов Среднего Днепра. Для этого ему достаточно было объявить, что Танаис (Дон) это не современный Дон, а всего лишь Северный Донец. А раз так, то местоположение будинов по данным Геродота надо искать не ниже верховий Северного Донца[70]. Не слишком ли велико недоверие автора к сообщениям Геродота? Мы уверены в том, что местное население, путешественники, купцы античного мира хорошо знали Танаис (Дон) как одну из важнейших водных артерий Восточной Европы, которая служила для них прекрасным водным путем в северные и северо-восточные страны. Многочисленные информаторы не обманывали Геродота. В этом нетрудно убедиться, если сравнить длину рек Дона и Северного Донца, если учесть, что Северный Донец настолько далеко заходит на запад Восточной Европы, что даже по представлениям древних не мог служить границей между Европой и Азией.

В самом деле, течение Дона простирается к северу на протяжении 1970 км, а Северного Донца — лишь на 1050 км. Эти реки совершенно различны как по многоводности, так и по судоходности. Дон мог быть судоходен на протяжении 1355 км (или до г. Лиски), а в то время может быть и далее, между тем как Северный Донец — лишь на 222 км (или до г. Донецка). Нельзя не принять во внимание эти данные при решении вопроса о будинах. Нет надобности доказывать, что древнее население, а следовательно и Геродот, знали об этом. Танаис (Дон) как торговый путь в глубь нашей страны был известен им с глубокой древности. Это подтверждается и богатством погребального инвентаря греческого и северопричерноморского происхождения во многих могильниках типа «Частые Курганы» на Среднем Дону. Есть противоречия и в рассуждениях М. И. Артамонова о расстоянии до места расселения будинов. Допустим, что будины жили в верховьях Северного Донца и даже на правом и левом берегах Днепра. Дневной путь Геродота определяется, конечно, не на основе дневного пути кочевой орды, как это полагает автор[71], а скорее из расчета расстояния, пройденного путешественником речным или сухопутным путем. Исходя из этого, за 15-дневный путь вдоль Танаиса (Дона), о котором говорит Геродот, путешественники пройдут, по подсчетам М. И. Артамонова, 630 км, что будет соответствовать месту, где Дон ближе всего подходит к Волге. Так примерно этот путь определяет и Ф. Браун, который считает, что за 15 дней можно пройти 525 км[72]. Здесь, по Геродоту, была граница савроматов, и дальше к северу жили будины. А если принять во внимание тезис М. И. Артамонова о расселении будинов в верховьях Северного Донца, то расстояние до них будет свыше 1000 км от устья этой реки. Но Геродот считал начало пути к будинам не от устья Северного Донца, а от угла Меотидского озера; это удлиняет путь до будинов в трактовке М. И. Артамонова еще на 150—200 км. Как видно, даже простой подсчет расстояний противоречит выдвинутой автором теории. Не все благополучно у автора и с археологическими данными. М. И. Артамонов, вопреки сообщениям Геродота, распространяет территорию савроматов на правый берег Дона, на все междуречье Дона и Северного Донца вплоть до Оскола. Это ему необходимо для того, чтобы не отрывать будинов от савроматов. Но на каком основании производится такой перенос территорий савроматов? Для этого нет данных ни в письменных, ни в археологических источниках. Те небольшие пока археологические коллекции, которые известны с территории междуречья Дона и Северного Донца, где расселяет автор савроматов, совершенно не содержат савроматских материалов[73]. Все известные сарматские памятники на Среднем Дону и в междуречье Дона и Северного Донца относятся ко времени не раньше II в. до н. э. Поэтому расширять территорию савроматских племен в столь раннее время так далеко на запад, чтобы

[70] М. И. Артамонов. Этногеография Скифии, стр. 161.

[71] Там же.

[72] Ф. Браун. Указ. соч.

[73] Нам удалось просмотреть все материалы из разведок С. А. Плетневой, проведенных в течение 1958—1964 гг. на реках Осколе, Айдаре, Калитве, Чире и на Нижнем Дону. См. также материалы разведок И. И. Ляпушкина в 1958 г., опубликованные в МИА, № 62, и наших разведок по рекам Тихой Сосне и Дону в 1962 и 1965 гг. (Архив ИА АН СССР).

доказать локализацию будинов в лесостепном Среднем Поднепровье, совершенно невозможно.

Однако допустим на минуту локализацию будинов и других племен на Среднем Днепре и одновременно поставим вопрос: каким образом эти многочисленные народы, этнически и культурно родственные друг другу, могли расселиться на столь небольшой территории? Ответа на этот вопрос автор нам не дает. Его не смущает тот факт, что он расселяет эти племена без учета географических особенностей территории и вне зависимости от них, а равно и письменных, и археологических источников. Так, по автору, будины и гелоны занимали верховья рек Сулы, Псла, Ворсклы и Северного Донца, а меланхлены — среднее и, вероятно, нижнее течение этих рек, т. е. в ряде случаев степные районы [74]. Но, по Геродоту, будины и гелоны никогда не жили выше, т. е. севернее, меланхленов, а всегда расселялись к востоку от них. Не соответствует это и указанию Геродота относительно того, что будины вели кочевой образ жизни, а меланхлены были оседлыми. По Геродоту, андрофаги занимали левый берег Днепра и вели кочевой образ жизни. Однако М. И. Артамонов решил этот вопрос весьма своеобразно. Мало того, что андрофаги оказались у него, так же как и меланхлены, ниже будинов и гелонов [75]. Он, вопреки Геродоту, переселил скифов-пахарей из правобережного Поднепровья к западу от Южного Буга [76], а на их место поселил племена андрофагов-кочевников. Но, поскольку многочисленные археологические памятники оседло-земледельческих племен скифов-пахарей коренным образом противоречат кочевому образу жизни андрофагов, автор вынужден был объявить кочевников-андрофагов оседлыми племенами.

Трудно согласиться и с тезисом о славянской принадлежности будинов, меланхленов и андрофагов. Территориальная их близость, если даже принять этот тезис автора, не может служить тому доказательством, равно как и кажущееся единство культуры племен лесостепной области, о котором говорит автор, только на первый взгляд и по самым общим признакам представляется таковым. На самом деле такого единства не существует, а локальные особенности культур правобережья и левобережья лесостепи довольно выразительны. Тем более эти различия свойственны культурам левобережья Днепра и Посеймья.

М. И. Артамонов также проходит мимо того факта, что Геродот, много раз говоривший о племенах будинов, меланхленов и андрофагов, ни разу не сказал, что это один народ, но под тремя названиями. Геродот представлял эти племена совершенно обособленными и самостоятельными народами. М. И. Артамонов не доказал противоположного. Он писал, что между гелонами — будинами и приднепровскими славянами он не представлял прямой связи и что делать это было бы «неверным упрощенством» [77].

На основании письменных источников и особенно археологических материалов, ставших теперь широко известными в связи с интенсивными полевыми и камеральными исследованиями, проведенными за последние 12 лет, мы попытаемся установить иную локализацию будинов и гелонов. Она в принципе не нова, поскольку была отчасти установлена уже рядом исследователей в предшествующее время.

Остановимся кратко на характеристике общих результатов археологических исследований за указанное время. Сейчас полностью доследованы курганные могильники в урочище «Частые Курганы» [78] и у с. Мастюгино [79], осуществлены широкие разведки памятников по среднему течению Дона, правым и левым его притокам: Тихой Сосне, Потудани, Ведуге, Битюгу, Хопру и др. Разведки привели к открытию многочисленных памятников эпохи бронзы и раннего железа. За это время удалось произвести раскопки многих новых курганных могильников и отдельных курганов, городищ и открытых поселений эпохи бронзы и раннего железа, позволивших шире взглянуть на историю возникновения и развития поселений этого района, на быт и занятия населения Среднего Дона, установить периодизацию культуры, ее локальные особенности и этническую принадлежность.

В результате изучения многочисленных и богатых по содержанию археологических ма-

---

[74] М. И. Артамонов. Этногеография Скифии, стр. 70 и карта.

[75] Там же.

[76] М. И. Артамонов. Венеды, невры и будины в славянском этногенезе. Вестник ЛГУ, 1946, № 2; он же. Этногеография Скифии.

[77] М. И. Артамонов. Этнический состав населения Скифии, стр. 171.

[78] За исследованием 19 курганов в урочище «Частые Курганы» Воронежской ученой архивной комиссией в 1910—1915 гг. и В. А. Городцовым в 1927 г. нами раскопаны еще 22 кургана. См.: С. Н. Замятнин. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем. СА, VII, 1946; В. А. Городцов. Раскопки «Частых курганов» близ Воронежа в 1927 г. СА, IX, 1947.

[79] За исследованием 3 курганов А. А. Спицыным в 1905—1906 гг. и 5 курганов Н. Е. Макаренко в 1908 г. у с. Мастюгино нами раскопаны 39 курганов. См.: А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей. ИАК, 1918, вып. 65, стр. 132—133; см. также ОАК за 1905 г., стр. 82 и ОАК за 1906 г., стр. 109; Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг., ИАК, 1911, вып. 43, стр. 47 и сл.; П. Д. Либеров. Мастюгинские курганы и Волошинские городища. СА, 1960, № 3, стр. 162 и сл.; он же. Мастюгинские курганы. СА, 1961, № 3, стр. 152 и сл.

териалов из наших раскопок и исследований наших предшественников, а также коллег, работавших на территории Среднего Дона, нам удалось в предварительной форме изложить важнейшие положения и выводы в ряде работ, охватывающих периоды бронзы и раннего железа. Среди этих работ мы назовем «Племена Среднего Дона в эпоху бронзы»[80], «Гелоны и будины на Среднем Дону»[81], «К вопросу об этнической принадлежности археологических памятников I тысячелетия до н. э. в районе Среднего Дона»[82] и доклад, посвященный этому же вопросу, на научной сессии по этногенезу мордовского народа[83]. Кроме того, археологические материалы Среднего Дона опубликованы в специальном Своде археологических источников[84].

Наиболее полно обследованы и изучены курганы, городища и открытые поселения эпохи бронзы и раннего железа, расположенные на протяжении 250 км по правому берегу р. Дона, от р. Сосны на севере до р. Тихой Сосны на юге. Изучение этих памятников показало, что вдоль правого берега Дона и по его притокам находится большое количество курганов, курганных групп, насчитывающих нередко 40—50 насыпей в могильнике, а также городищ и открытых поселений. Богатство погребальных комплексов и, как правило, хорошо насыщенный культурный слой городищ и открытых поселений, а равно и специфика археологического материала, показывают весьма густую заселенность людьми в древности этой части Воронежской области. Весь комплекс памятников правобережья Среднего Дона доказывает также оседло-земледельческий образ жизни населения. Таков первый наш вывод.

Иную картину представляют памятники эпохи раннего железа, расположенные в левобережной части Среднего Дона. Это довольно убедительно доказывается результатами обследований памятников Аннинского района Воронежской области, находящихся на среднем течении р. Битюг, в 100 км к востоку от Воронежа. Здесь за последние годы проведено широкое изучение памятников местным краеведом, учителем географии аннинской средней школы Г. И. Корнюшиным[85] и нашей экспедицией.

В Аннинском районе зафиксировано свыше 500 курганов, более 100 поселений и в том числе 2 городища. Из указанных поселений только два-три содержали весьма скромный керамический материал эпохи раннего железа. Заслуживает внимания также то обстоятельство, что отмеченные два городища, относящиеся, судя по отдельным фрагментам лепной керамики, к скифскому времени, почти совершенно не имеют культурного слоя. Курганы располагаются небольшими группами в восемь-девять насыпей, чаще одиночно или несколькими насыпями, разбросанными вдоль рек и по высоким междуречьям. Известны единичные погребения эпохи раннего железа, впущенные в курганы эпохи бронзы.

На основании этих наблюдений мы пришли к выводу о том, что территория Аннинского района в эпоху бронзы была густо заселена, а наличие сравнительно насыщенного культурного слоя на некоторых поселениях указывает на оседлый образ жизни населения. Но это положение резко меняется в эпоху раннего железа, когда признаки оседлости отсутствуют или почти отсутствуют не только на открытых поселениях, но и на городищах. И, надо полагать, уменьшение признаков оседлости возникает не столько на почве уменьшения населения вообще, сколько в результате изменения характера его занятий. По-видимому, в конце эпохи бронзы и в начале раннего железа совершился переход от оседлого образа жизни, связанного в основном с земледелием, к кочевому скотоводству. Кочевое скотоводство распространилось на широких просторах левобережья Среднего Дона. Это подтверждают наши разведки и по среднему и нижнему течению р. Хопра. Таков второй наш вывод.

Изучение памятников левобережья Среднего Дона привело и к третьему очень существенному выводу. Он заключается в том, что небольшой керамический материал, который удалось собрать в результате кропотливых поисков, оказывается идентичным керамическому материалу западных районов Среднего Дона и в том числе его правобережной части. Характерно, что он не имеет себе аналогий в керамике савроматской культуры на юге и городецкой культуры на севере.

Отсюда следует наш четвертый вывод о том, что левобережная часть населения Среднего Дона ближе всего по культуре к правобереж-

---

[80] П. Д. Либеров. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964.

[81] П. Д. Либеров. Тезисы доклада на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований. М., 1963, стр. 42—46.

[82] П. Д. Либеров. Тезисы доклада на научной сессии по этногенезу мордовского народа. Саранск, 1964.

[83] П. Д. Либеров. Исследование лесостепной скифской экспедиции Института археологии АН СССР на Среднем Дону за 11 лет. Сб. «Этногенез мордовского народа». Саранск, 1965, стр. 36 и сл.

[84] П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону.

[85] Г. И. Корнюшин. Археологические памятники в Аннинском районе Воронежской области (материалы к археологической карте). См. в кн.: П. Д. Либеров. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы, стр. 174 и сл.

ной, но отличается от нее по характеру своих занятий и образу жизни. Иначе говоря, если население правобережья Среднего Дона вело оседлый образ жизни и занималось земледелием и скотоводством, то основным занятием населения левобережья было кочевое скотоводство.

Такое распределение населения на данной территории в хозяйственном отношении произошло не по желанию людей, а вследствие географических и ландшафтных особенностей этих двух территорий [86]. Природа сама определила занятия и быт населения и на данном этапе благоприятствовала развитию производительных сил в этих двух направлениях. Начало развития хозяйства по этим двум путям было заложено еще в эпоху бронзы. В то время на территории Среднего Дона существовали три основные культуры: катакомбная, срубная и абашевская. Наиболее ранней здесь является культура катакомбная, которая определяется характерным погребальным инвентарем: керамикой, орудиями, оружием [87]. Любопытно, что инвентарь погребений в катакомбах идентичен инвентарю обычных могил. На Среднем Дону известно два бронзовых ножа, близких по форме. Один из них найден в катакомбе кургана 2 у д. Ильмень Мазурского сельсовета Борисоглебского района [88], другой — в обычной могиле с характерной керамикой катакомбного типа в кургане 3 у с. Нижняя Ведуга Семилукского района Воронежской обл.[89] Нам представляется, что катакомбная культура доживает до конца эпохи бронзы и сохраняет формы керамики и, вероятно, ее орнаментацию в виде защипов до эпохи раннего железа. Срубная культура приходит на Средний Дон значительно позже катакомбной. Все исследователи считают, что она была принесена сюда с Нижнего Поволжья. Хронология ее на Среднем Дону разработана еще слабо. Однако и элементы срубной культуры доживают здесь до конца эпохи бронзы и проявляются иногда в виде баночных сосудов уже в эпоху раннего железа.

Наконец, на Среднем Дону еще до начала наших исследований были известны памятники абашевской культуры. Но в силу недостаточной исследованности этого края в прошлом или скорее из-за отсутствия внимания к памятникам абашевского происхождения и вследствие преувеличения роли срубной культуры, которая якобы вытеснила все остальное, памятники абашевской культуры или не замечались, или объявлялись срубными.

В результате наших исследований установлено наличие следующих культур на Среднем Дону: катакомбной, абашевской и срубной. Говорить о единой срубной культуре и о вытеснении ею других культур не представляется возможным [90]. Поскольку в настоящее время памятники абашевской культуры открыты на широкой территории Среднего Дона и за его пределами, то сбрасывать со счета ее роль в образовании культуры эпохи раннего железа нельзя. Абашевская культура появляется на Среднем Дону позднее катакомбной и срубной культур, вероятно, не ранее последней четверти II тысячелетия до н. э., а потому последующее ее развитие здесь возможно было только на базе ее преобладания. Следы ее в культуре эпохи раннего железа представляются достаточно выразительными.

Насколько позволяет судить современное состояние изучения абашевской культуры, ее носители пришли на Средний Дон из Среднего Поволжья.

Поэтому можно сделать вывод, что абашевская культура развивалась в финно-угорской среде и попала на Средний Дон с племенами финно-угорскими по происхождению или, может быть, с большим налетом их влияния. Мы признаем решающую роль абашевской культуры и ее финно-угорских носителей в сложении культуры эпохи раннего железа на Среднем Дону. Это не противоречит сообщениям Геродота о том, что язык будинов является особым и отличается от скифского. Мы согласны и с Ф. Брауном, который устанавливал финскую языковую принадлежность будинов. Таков вывод, вытекающий из изучения памятников эпохи бронзы и раннего железа.

Обратимся к некоторым локальным особенностям памятников эпохи раннего железа на Среднем Дону.

Начнем с погребальных сооружений и погребального обряда. Начиная с VI—V вв. и особенно в V в. до н. э. погребения совершаются в больших и глубоких грунтовых могилах с мощными деревянными камерами на столбовом каркасе, состоящем часто из 9, 12 и даже 17 столбов,

---

[86] Г. И. Танфильев. Пределы лесов на юге России. СПб., 1894; он же. Доисторические степи. Землеведение, кн. II. СПб., 1896; П. Д. Либеров. К истории скотоводства и охоты на территории Северного Причерноморья в эпоху раннего железа (IX в. до н. э.— V в. н. э.). МИА, № 53, 1960, стр. 115 и сл., рис. 1.

[87] На Среднем Дону нам известно теперь несколько катакомб эпохи бронзы, открытых у д. Ильмень Борисоглебского района Воронежской области в 1965—1966 гг.

[88] П. Д. Либеров. Отчет за 1965 г. Архив ИА АН СССР.

[89] П. Д. Либеров. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы, стр. 94. рис. 42, *6*.

[90] Анализу и доказательствам типологической связи керамики эпохи бронзы и раннего железа автор посвящает специальный раздел в своей монографии, готовящейся к печати.

а сами могилы достигают иногда 60 кв. м[91]. В виде особого варианта таких могил с деревянным склепом на столбах нередко встречаются могилы с входом (дромосом). Значительно реже и хронологически позже встречается катакомба. И если деревянные склепы на столбовом каркасе могут иметь местную основу, то могилы с входом (дромосом) и катакомбы, по-видимому, были заимствованы в первом случае в лесостепном правобережном Поднепровье, во втором — в степной Скифии.

Однако исследования курганов в 1965—1966 гг. на реках Хопер и Битюг привели к открытию погребений в катакомбах (близ д. Ильмень на р. Хопер), в могильных ямах с дромосом (там же), а также со столбовым каркасом (у с. Старая Тойда), относящихся к эпохе бронзы. Поэтому не исключено, что такие погребальные сооружения имеют вообще местную подоснову[92].

Однако наиболее ярким проявлением местных особенностей среднедонской культуры было сооружение на древнем горизонте под насыпью кургана огромных колец из земли, выброшенной из могильной ямы. Они окружали могильную яму в виде сплошного или с разрывами вала диаметром иногда до 14 м, представлявшего в разрезе конус высотой до 0,6 м, шириной от 2 до 4 м и более.

На дне могилы нередко встречается глиняная подмазка или деревянная подстилка как под костяком, так и под погребальным инвентарем и заупокойной пищей.

Кроме того, на дне могилы часто встречаются ритуальные ямки («бофры», по В. А. Городцову)[93], устроенные в центре могилы. Удалось проследить, что традиция устройства подмазки, подстилки и ритуальных ямок уходит корнями глубоко в эпоху бронзы на Среднем Дону, поэтому с полным основанием ее можно считать местной[94].

Локальные особенности прослеживаются и в инвентаре. На Среднем Дону найдено много поясных крючков, сделанных в зверином стиле из самых различных материалов: золота, бронзы, железа и кости. Кроме изображений фантастических животных, на крючках мы встречаем часто оленя, медведя и других хищников.

Здесь уже с V в. до н. э. особенно широко использовались плоские и трехлопастные втульчатые железные наконечники стрел, тогда как везде господствовала бронза, а железо или совсем не применялось, или употреблялось очень редко. Весьма широко использовалось и метательное оружие: дротики, копья. Следует заметить, что по массовости находок дротиков и копий район Среднего Дона аналогичен территории Скифии и лесостепного Поднепровья, тогда как в савроматском мире и на Северном Донце копья редки, а дротики совершенно отсутствуют. Мы полагаем, что дротики как вид оружия были распространены на Среднем Дону более широко, чем в Скифии и лесостепном Поднепровье.

Своеобразие материальной культуры Среднего Дона проявляется и в некоторых типах керамики. Следует прежде всего обратить внимание на особого типа ритуальные сосудики с двумя отверстиями, расположенными на венчике с двух сторон. Такие сосуды, вероятно, подвешивались. Они получили в археологии название «ритуальных» потому, что найдены были в погребениях, иногда и в так называемых ритуальных ямках (бофрах). Они представляют собой чашечки на высоком поддоне, часто лощеные снаружи. Сейчас, после широких раскопок поселений, обломки таких чашечек встречены и в культурном слое.

Другим характерным видом керамики являются высокогорлые кувшины с ручкой, получившие широкое распространение в IV в. до н. э. Но их местное происхождение устанавливается при сравнении с вазами аналогичного типа без ручек, которые известны на Среднем Дону уже с VIII—VII вв. до н. э.[95]

Среди лепной керамики большей частью встречаются разного рода миски и чашки, широко использовавшиеся на Среднем Дону уже в позднюю бронзу. В эпоху раннего железа они приобрели более изящные формы, лучше обрабатывались и ставились на поддон.

Чертой, отличающей нашу керамику от керамики лесостепного Северного Донца и левобережья Среднего Днепра, является также и то, что в качестве украшения на ней редко встречаются сквозные проколы под венчиком, тогда как в указанных районах украинской лесостепи они господствуют в орнаментации сосудов.

Суммируя все эти локальные признаки культуры Среднего Дона, мы приходим к выводу о том, что она отличается от соседних культур многими чертами и представляет особую самостоятельную культуру, в ряде случаев, особенно в керамике, уходящую корнями в культуры,

[91] С. Н. Замятнин. Указ. соч., стр. 33. К VI—V вв. до н. э. относится погребение в кургане 8.

[92] П. Д. Либеров. Отчет за 1965 г. Архив ИА АН СССР; А. И. Пузикова. Отчет за 1966 г. Архив ИА АН СССР.

[93] В. А. Городцов. Указ. соч., стр. 18 и сл.

[94] П. Д. Либеров. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы.

[95] П. Д. Либеров. Мастюгинские курганы, стр. 156, рис. 4.

бытовавшие здесь в эпоху бронзы. Относительно керамики это доказано еще Г. В. Подгаецким [96]. Отсутствие сквозных проколов в лепной керамике Среднего Дона и у савроматов не является признаком сходства этих культур, так как типологически керамика Среднего Дона все-таки стоит ближе к посуде степной скифской культуры и лесостепной культуры Поднепровья.

Здесь нет надобности подчеркивать те элементы культуры, которые представляются довольно общими почти для всей территории Восточной Европы в ее степной и лесостепной частях, а именно: некоторые виды оружия, конскую сбрую и предметы звериного стиля, хотя и в этой части своеобразие не исключено.

Ясно одно: при сопоставлении погребальных сооружений, обряда, инвентаря и материала, взятого с открытых поселений и городищ Среднего Дона [97], с аналогичного рода памятниками Среднего Северного Донца [98], левобережья Среднего Днепра [99], Нижнего Поволжья и Приуралья [100], а также Среднего Поволжья к северу и северо-востоку от Среднего Дона [101], мы всюду находим локальные особенности и иной облик культуры, отражающие наличие больших этнокультурных общностей.

Археологические памятники Среднего Дона невозможно объединить ни с савроматскими, ни с городецкими, ни с северодонецкими, ни с сейминскими. Это особая культура, существовавшая на широких пространствах правобережья и левобережья Среднего Дона, включая и его левые притоки: Воронеж, Битюг, Хопер и, возможно, Медведицу. Разведки по р. Хопру в 1964—1965 гг. показали, что от ст. Балашов до устья р. Бузулук, левого притока р. Хопра, нет никаких признаков савроматской керамики, тогда как керамика среднедонского типа обнаружена неоднократно (рис. 1, *2, 4*). Аналогичная картина наблюдается и по р. Битюг (рис. 1, *1, 3*). Разведки Б. Б. Пиотровского, проведенные в 1934 г. по правому и левому берегам р. Дона от ст. Мигулинской до г. Сера-

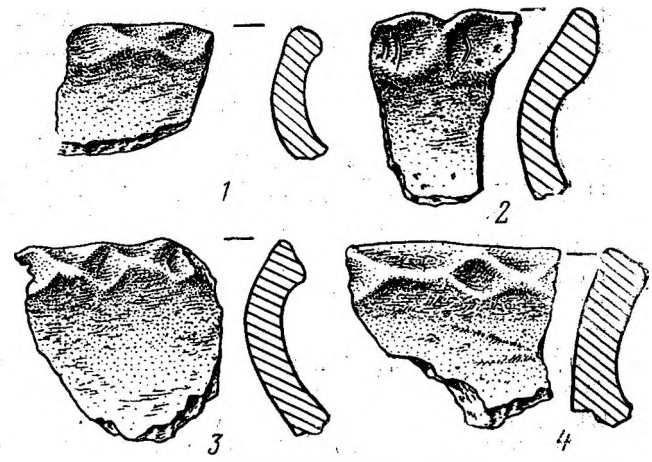


Рис. 1. Лепная керамика

1 — поселение 3 у пос. Анна, р. Битюг; *2* — поселение 4 у хут. Угольное, левый берег р. Хопер; *3* — курган 1 у с. Левашовка, р. Битюг; *4* — поселение 5 у д. Ильмень, левый берег р. Хопер

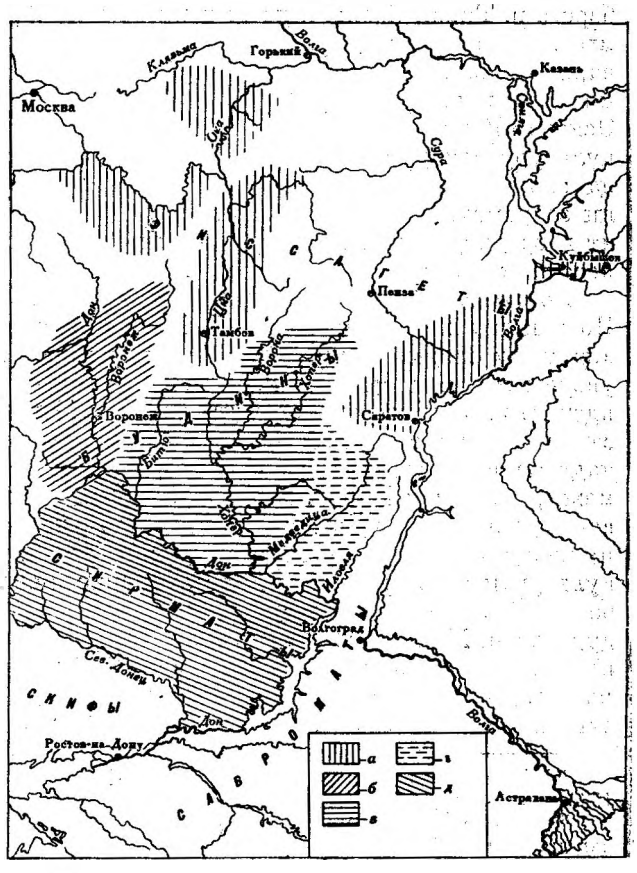


Рис. 2. Племена в междуречье Дона и Волги в эпоху раннего железного века

а — городецкая культура; *б* — будины оседлые; *в* — будины-кочевники; *г* — предполагаемая территория будинов-кочевников; *д* — сирматы

[96] Г. В. Подгаецкий. Поселения эпохи бронзы на Среднем Дону. КСИИМК, вып. II, 1939, стр. 18—19; П. Д. Либеров. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы, стр. 4.

[97] П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону.

[98] П. Д. Либеров. Памятники скифского времени бассейна Северного Донца. МИА, № 113, 1962; Б. А. Шрамко. Древности Северского Донца. Харьков, 1962.

[99] В. А. Ильинская. Керамика скифских погребений Посулья. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954; Г. Т. Ковпаненко. Племена скифского времени на Ворскле. Автореф. канд. дисс. М., 1963.

[100] К. Ф. Смирнов. Указ. соч.

[101] Н. В. Трубникова. Указ. соч.; А. П. Смирнов, Н. В. Трубникова. Указ. соч.

фимович, а также разведки Г. В. Подгаецкого — от г. Серафимович до ст. Голубинской, находящейся близ Волгограда, не дали никаких признаков савроматской керамики [102]. Не дали савроматской керамики и разведки С. А. Плетневой в междуречье Дона и Северного Донца на реках Чир, Айдар, Калитва, Оскол и по правобережному Дону, проведенные в 1958, 1960—1964 гг., а также наши раскопки городища Костомарово Подгорненского района Воронежской области. Это трудно объяснить случайностью.

Данные Геродота и указанные выше археологические факты позволяют установить следующую территорию будинов (рис. 2) [103].

Относительно южной границы мы согласны с расчетами Ф. Брауна и определяем ее несколько севернее Волгограда, но не южнее устья Иловли или, возможно, между реками Медведицей и Иловлей. Далее к западу эта граница, по-видимому, идет вдоль левого берега Дона до р. Тихой Сосны, а затем также вдоль левого берега р. Тихой Сосны и до ее верховья. Однако мы считаем, что эта граница установлена предварительно, пока хорошо не изучены еще памятники междуречья Дона, Северного Донца и Оскола. Имеющиеся данные показывают, что культуру междуречья Дона и Северного Донца эпохи раннего железа невозможно считать ни савроматской, ни скифской. Она ближе стоит к среднедонской культуре и может быть отнесена к племенам сирматов [104].

Восточная граница еще не достаточно ясна. Но так как на левом берегу р. Хопра находят керамику среднедонского типа, то нельзя быть уверенным в том, что восточная граница не идет до р. Медведицы или даже дальше. Мы не считаем хорошо доказанной савроматскую принадлежность памятников, расположенных в междуречье рек Иловли и Волги, на том основании, что они по характеру довольно общи и присущи не только савроматам, но и другим культурам того времени [105]. Это сомнение в еще большей степени относится к памятникам междуречья р. Хопра и Медведицы [106]. К. Ф. Смирнов попытался включить их в число якобы савроматских памятников и случайных находок, охватывающих огромную территорию Среднего Дона, начиная от окрестностей г. Острогожска или даже выше его (Мастюгино), расположенных на правом берегу Дона и далее на северо-восток до Саратова [107]. Ошибочность этого положения, на наш взгляд, не вызывает сомнений. Относить территорию Среднего Дона к территории савроматов на основании лишь самого общего сходства погребальных сооружений из дерева (погребений на горизонте или с небольшим углублением в почву) по меньшей мере неосторожно, поскольку подобное явление довольно широко известно на территории всей лесостепи Восточной Европы.

Что касается отдельных вещей в погребениях и случайных находок, то большинство из них также не только типично для савроматов, но широко распространено на территории всего Северного Причерноморья. Обратимся к краткой характеристике отдельных предметов. Длинный железный меч из кургана 7 у с. Русская Тростянка не обязательно должен быть савроматским (IV—III в. до н. э.), поскольку сопровождающий его инвентарь (большое количество железных наконечников стрел, железный крючок в зверином стиле) и «бофр» (ритуальная ямка) на дне могилы совершенно не характерны для погребений савроматов. В свете этих фактов правдоподобнее было бы допустить местное производство подобного рода мечей, разнообразие которых в эпоху раннего железа на Среднем Дону, так же как и у савроматов, весьма велико [108]. Далеко не весь инвентарь из погребений у с. Владимировки типологически близок инвентарю савроматских погребений. Достаточно указать хотя бы на два железных подтока копья рюмкообразной формы [109]. Как известно, на савроматской территории они почти отсутствуют. К. Ф. Смирнов опубликовал только два подтока в виде обычной цилиндрической трубки, которые были найдены в кургане А12 у с. Блюменфельд [110]. Тем более невозможно относить к савроматской культуре бронзовый псалий северокавказского типа, найденный у слободы Толучеева в степном левобережье Подонья [111].

Значительно большее число находок К. Ф. Смирнов отмечает в верхнем и среднем течении Хопра и Медведицы. Но что это за находки? Погребение у с. Мазурки Борисоглебского района Воронежской области, открытое С. Е. Зверевым в 1889 г., сопровождалось коль-

[102] Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.— Л., 1941, стр. 169 и сл.

[103] На карте границы расселения будинов по р. Медведице и правобережью р. Иловли даны штриховой линией из-за слабого исследования этой территории.

[104] См. статью автора «Савроматы ли сирматы?», публикуемую в данном сборнике, стр. 27.

[105] К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. САИ, вып. Д1—9. М., 1963, рис. 1.

[106] Там же, рис. 1.

[107] К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 373.

[108] П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону, табл. 17.

[109] К. Ф. Смирнов. Указ. соч., В. Г. Петренко. Указ. соч., рис. 16, *17*.

[110] К. Ф. Смирнов. Указ. соч., табл. 14, *14, 15*.

[111] Там же, табл. 16, *6*; рис. 1, *52*.

ем и некоторым инвентарем [112]. Заслуживает особого внимания большой бронзовый котел скифского типа [113]. Чтобы убедиться в том, что этот котел не савроматского происхождения, достаточно сравнить его с савроматскими котлами [114] и котлами среднедонского типа из курганов урочища «Частые Курганы» и у сел Мастюгино и Русская Тростянка [115].

Не являются убедительными доказательствами савроматской принадлежности и случайные находки бронзовых наконечников стрел у сел Дурникино [116] и Уваровки [117], а также бронзовый псалий у ст. Ртищево, выполненный в зверином стиле, с тремя отверстиями [118], и обломок бронзовых удил у с. Красавка [119].

Это же можно сказать и о ряде других вещей, найденных к востоку от р. Медведица. Распространение подобного рода инвентаря на широкой территории представляется нам скорее как результат межплеменных связей, благодаря которым отдельные типы вещей, особенно оружие, распространяются далеко за пределы локальных границ. Поэтому они не могут служить основанием для определения территории той или иной культуры или этноса.

Поэтому мы не склонны поддерживать мнение К. Ф. Смирнова о распространении савроматов на север от основной их территории.

Северная граница среднедонской культуры может быть отодвинута до верховьев левых притоков Дона: Хопра, Вороны, Савалы, Битюга, Воронежа, а на правобережье Дона — до Сосны, а может быть, и несколько выше.

Вряд ли есть основания сомневаться в том, что верховья речной системы Дона с юга и верховья речной системы Средней Волги с севера могли быть межплеменной территорией между среднедонской и городецкой культурами (соответственно племена будинов и фиссагетов). На это указывает Геродот, когда говорит, что «выше будинов, к северу от них, лежит прежде всего пустыня на протяжении семи дней пути, а за пустыней больше в восточном направлении живут фиссагеты, народ особый и многолюдный...» (Herod., IV, 22). Этому не противоречит и карта распространения памятников городецкой культуры [120].

Вся правобережная часть Среднего Дона, по крайней мере в границах от р. Сосны с севера и до р. Тихой Сосны с юга, вместе с другими притоками, находящимися между реками, были заняты оседлыми будино-гелонскими племенами. С востока к этой области примыкала территория, расположенная вдоль р. Воронеж, насколько это удается установить на основании разведок Н. В. Валукинского [121].

С запада к Среднему Дону примыкают реки Оскол и Сейм, но они уже не входят в территорию среднедонской культуры.

Мы полагаем, что именно такая локализация будинов и гелонов наиболее соответствует сообщениям Геродота; она не противоречит ни географическим, ни археологическим данным.

Здесь мы подходим к другому не менее интересному, но столь же сложному вопросу о гелонах. В постановке и решении этого вопроса нельзя исходить из легендарных сведений, сообщаемых Геродотом о происхождении гелонов от древнего предка Гелона, поскольку сам же Геродот писал, что «гелоны были те же эллины, удалившиеся из торговых городов и поселившиеся среди будинов». Поэтому попытаемся разобраться в этом вопросе на основе других данных, которые сообщает Геродот.

Итак, кто такие гелоны? Был ли город Гелон? И если был, то где его местоположение? Следует ли доверять сообщениям Геродота относительно этого города? Эти вопросы волновали умы многих историков дореволюционного и советского периодов. Стремление исследователей раскрыть тайну этого города привело к выдвижению ряда гипотез о расселении будинов и локализации города Гелона. Но, пока не стали известны результаты широких полевых исследований, раскрывающие характер материальной культуры целых этнокультурных областей, расположенных на определенной территории, локализация будинов и города Гелона оставалась неясной.

Историография знает немало попыток определить местоположение города Гелона, но все они в силу недостаточности полевых археологических исследований не шли дальше предварительных догадок. Одни исследователи помещали город Гелон на правом берегу Волги, на месте древнего города Укека, расположенного в 12 км южнее Саратова, где, якобы, скрещивались торговые пути северных и восточных народов Восточной Европы и причерноморских

---

[112] К. Ф. Смирнов. Указ. соч., рис. 1, *54*.
[113] Там же, стр. 361, рис. 70А, *5*.
[114] Там же, стр. 361, рис. 70А, *1—4*, *6*.
[115] П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону, табл. 27, *1—5*.
[116] К. Ф. Смирнов. Указ. соч., рис. 1, *55*.
[117] Там же рис. 1, *56*.
[118] Там же, табл. 16, *9*; рис. 1, *57*.
[119] Там же, рис. 1, *59*.
[120] А. П. Смирнов, Н. В. Трубникова. Указ. соч. (карта).
[121] Н. В. Валукинский. Материалы к археологической карте территории г. Воронежа. СА, X, 1948, стр. 293 и сл.; он же. Разведки в Воронеже. СА, IV, 1937, стр. 308 и сл.

античных колоний[122]. Другие, располагая народ будинов в среднем междуречье Волги и Дона, на тех же основаниях указывают местоположение Гелона на Дону, между устьями Медведицы и Иловли, т. е. там, где Дон своим течением ближе всего подходит к Волге[123]. Третьи в соответствии с расположением будинов на территории правобережной и левобережной лесостепи Среднего Приднепровья помещают город Гелон на р. Ворскле внутри стен Бельского городища[124].

Эту точку зрения поддерживает и М. И. Артамонов, который расселяет будинов на днепровской правобережной и левобережной территории украинской лесостепи[125]. Все эти гипотезы исходят из сообщений Геродота, но иногда они противоречат довольно ясным указаниям Геродота. М. И. Артамонов приложил огромные усилия, чтобы доказать локализацию будинов в Среднем Приднепровье. Наши исследования на Среднем Дону привели к несколько иным выводам, которые мы излагаем в настоящей работе. Но прежде всего обратимся к самому Геродоту. Геродот говорит, что «в земле их (будинов. — *П. Л.*) есть деревянный город по имени Гелон. Каждая сторона городской стены имеет в длину тридцать стадий; стена высока, вся из дерева, равно как и дома, и храмы будинов. Там есть святилища эллинских божеств с кумирами, алтарями и храмами из дерева, и в честь Диониса устраиваются там каждые два года празднества с оргиями. Первоначально гелоны были те же эллины, удалившиеся из торговых городов и поселившиеся среди будинов. Одни из них говорят на скифском языке, другие — на эллинском. Хотя будины ведут такой же образ жизни, как и гелоны, но говорят на языке особом» (Herod., IV, 108). Далее Геродот пишет: «Будины, туземцы в этой стране, ведут кочевой образ жизни... Гелоны, напротив, земледельцы, употребляют в пищу хлеб, занимаются садоводством и не похожи на будинов ни сложением, ни цветом кожи. Впрочем, у эллинов и будины называются гелонами, но это неправильно» (Herod., IV, 109).

При отсутствии археологических данных одни сообщения Геродота не внесли бы ничего нового в те изыскания, которые были выполнены исследователями в предшествующее время. Но теперь, когда в наших руках имеется огромный археологический материал, возвращение к тексту Геродота напрашивается само собой, так как его сообщения представляются более достоверными и приобретают особую ценность.

Из сообщения Геродота следует, что в земле будинов есть город (полис) Гелон, окруженный высокими деревянными стенами.

Допустимо предположение, что стены были квадратной формы, каждая сторона имела длину 30 стадий, что в современных мерах соответствует длине около 6 км. Мы подчеркиваем в сообщении Геродота основную мысль, которая заключена в том, что город был укреплен только высокими деревянными стенами. О земляных валах здесь речи нет. Далее сказано, что дома, храмы будинов и святилища эллинов были построены также из дерева. Отсюда следует, что в городе Гелоне жили и будины, и эллинские пришельцы; последние, по Геродоту, говорили на скифском и эллинском языках.

Сообщения Геродота о том, что будины ведут такой же образ жизни, как и гелоны, хотя и говорят на языке особом, а также наименование будинов одновременно гелонами, практиковавшееся у эллинов, не будут представляться противоречивыми, что отмечают некоторые исследователи[126], если эти указания рассматривать в свете археологических данных.

Археологические исследования показывают, что вся правобережная часть Среднего Дона от Сосны до Тихой Сосны и вдоль левобережья последней была занята племенами оседлых земледельцев-скотоводов.

Известно также, что памятники типа «Частых Курганов», расположенные на всей этой территории, имеют связи с памятниками эпохи бронзы, и на этом основании устанавливается генезис местного населения. И надо ли доказывать, что эллинские переселенцы, если верить Геродоту, пришли сюда в оседло-земледельческую, а не в кочевую местную среду племен, слившись с ними и, может быть, внеся некоторые новые элементы в земледельческое хозяйство (садоводство).

Ведь говорит же Геродот, что в городе Гелоне жили не только эллины с их деревянными святилищами, но и будины с их деревянными храмами и жилищами. Отсюда, вероятно, вытекает и сообщение Геродота о том, что образ жизни местного и пришлого населения один, а язык разный.

Более того, на этом основании вполне допустимо предположение о том, что местным земледельческим племенам правобережных бу-

---

[122] Л. Л. Голицын, С. С. Краснодубский. Указ. соч. См. также ИАК, прибавление к вып. 27, 1908, стр. 63.

[123] С. Мароньский. Указ. соч. См.: В. Н. Семенкович. Указ. соч., стр. 158.

[124] V. Scerbakivskyj. La situation géographique de la ville de Gelone d'Hérodote. Biblioteka Prehistoryczna, t. I. Poznań, 1930.

[125] М. И. Артамонов. Этногеография Скифии.

[126] Там же, стр. 162—163.

динов было дано название «гелоны» из-за города Гелона и эллинских пришельцев гелонов.

Таковы наши самые общие и предварительные соображения относительно сообщений Геродота о городе Гелоне и так называемых противоречиях в его тексте.

Если мы согласимся с указанием Геродота о городе Гелоне у будинов, то возникает вопрос: где находился этот город и как он должен выглядеть в археологическом отношении? Ведь невозможно принять за город любое более или менее крупное и значительное по укреплению городище, которых в общей сложности на Среднем Дону насчитывается сейчас уже более 20. Известно, что даже сравнительно крупные городища на территории степи и лесостепи, за исключением Неаполя скифского, да и то более позднего, до сих пор не назывались городами. Не знает их и Геродот, хотя Бельское и Немировское городища возникли значительно раньше V в. до н. э., когда жил Геродот. По своим размерам эти городища далеко превосходят любое городище лесостепи Среднего Дона [127]. Каковы те признаки, которые могли бы лечь в основу определения того или иного населенного пункта в качестве города Гелона? Обратимся к некоторым аналогиям из античной Греции. Возьмем, к примеру, город Спарту. Вот что пишет о Спарте Фукидид (460—395): «Предположим, что город лакедемонян был бы разорен и от него уцелели бы только святилища да фундаменты строений; при таких условиях, полагаю, у наших потомков по прошествии долгого времени возникло бы сильное сомнение в том, что могущество лакедемонян соответствовало их славе. Между тем они владеют двумя пятыми Пелопоннеса, имеют гегемонию над всем им и над множеством союзников за его пределами. Тем не менее город лакедемонян мог бы показаться ниже присущего ему значения, так как он не был объединен путем синэкизма, в нем нет пышных храмов и строений, но, по древнему обычаю Эллады, он состоит из селений. Напротив, если бы той же участи, что Спарта, подверглись афиняне, то по наружному виду их города могущество их могло бы показаться вдвое большим сравнительно с действительностью» (Herod., I, 10, 2). Подчеркнем, кстати, что в этой цитате Фукидида содержатся две прекрасные мысли, которые, с одной стороны, указывают на необходимость большой осторожности в выводах и исторической интерпретации памятника, а с другой — показывают путь образования древних античных городов-полисов.

[127] Мы не ссылаемся на Каменское городище, так как оно возникло в послегеродотовское время и, естественно, не могло быть ему известно.

Однако применительно к нашей теме следует обратить внимание на особое значение сообщения Фукидида и других античных авторов относительно путей образования античных городов, в том числе полиса Спарты.

Оказывается, полис Спарта, по Фукидиду, сформировался из пяти сельских поселений [128] уже в IX в. до н. э., по древнему обычаю Эллады, без пышных храмов и строений. Предполагается, что Спарта стала местопребыванием наиболее экономически сильного племени и центром объединения всей Лаконики путем экономического подчинения и завоевания других общин и городских поселений, осуществленных на протяжении ряда последующих веков вплоть до VI в. до н. э., когда Спарта превратилась в один из самых сильных центров Пелопоннеса [129].

Не стремясь к более полной характеристике Спарты, мы остановимся на этом, ибо основной нашей задачей являются поиски аналогий образования полиса, а не раскрытие сущности государства в его классической форме.

Нам кажется, что приведенный образец как аналогия вполне применим для решения поставленной нами задачи. Поэтому обратимся к рассмотрению памятников этого типа на территории Среднего Дона, описанной Геродотом. Из всей массы укрепленных и неукрепленных поселений на Среднем Дону мы обращаем особое внимание на группу или систему городищ, расположенных у д. Волошино Острогожского района Воронежской области. Волошино находится на левом лесостепном берегу р. Тихая Сосна, в 10 км от Острогожска, в 11 км от берега реки, в глубоком логе древнейшего происхождения (рис. 3).

Здесь в течение последних шести-семи лет экспедиции удалось зафиксировать шесть городищ, находящихся на небольшом расстоянии друг от друга таким образом, что они хорошо умещаются на площади, соответствующей размерам города Гелона, приводимым Геродотом.

Первые три городища (1, 2, 3) нами открыты в 1957—1958 гг., что не составляло большого труда, поскольку они расположены в границах деревни на совершенно открытой местности. Остальные три городища (4, 5, 6) расположены в лесу и обнаружены были в 1964 г. с помощью местного населения. Первые три городища были подвергнуты раскопкам (городище 1) и шурфовке (городища 2, 3). Городище 1 находится на правой стороне лога, на высоком и длинном мысе, с двух боковых сторон

[128] История древнего мира. Т. II. Древняя Греция, ч. I. М., 1937, стр. 210.

[129] Там же.

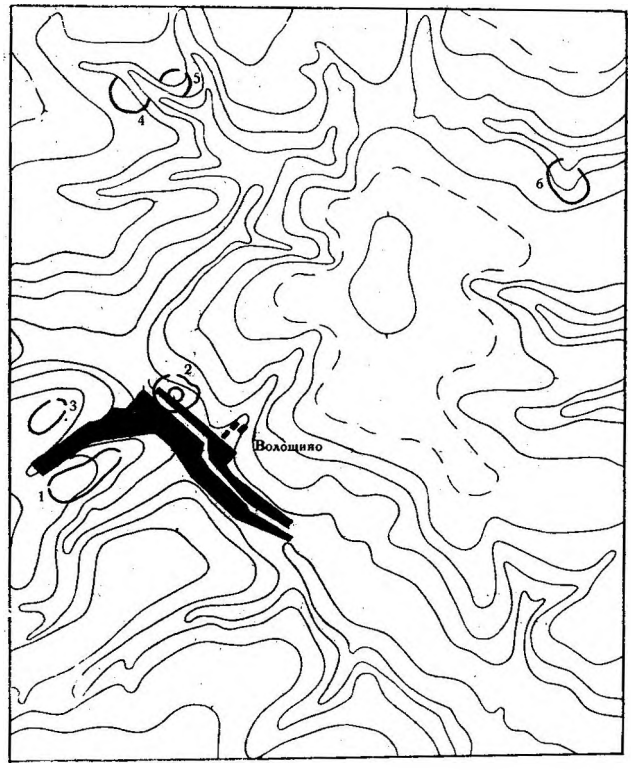


Рис. 3. Расположение городищ у д. Волошино
Цифры обозначают номера городищ

окаймленном древними оврагами (рис. 3, *1*). С напольной западной, с южной и восточной сторон городище окружено двойными валами и рвами, а с северной — крутизна усилена, по-видимому, двойными эскарпами. Площадь этого городища достигает 16 га, имеет хорошо насыщенный культурный слой. Раскопки вскрыли остатки наземных и полуземляночного типа жилищ. Найдено много предметов местного производства, особенно много лепной керамики, обломков греческих амфор, чернолаковой греческой посуды, а также костей домашних и диких животных. На основании амфорного материала городище датируется IV в. до н. э. Для времени более раннего хорошо датирующих вещей пока не обнаружено. Однако такая дата не может быть окончательной, так как на огромной площади этого городища вскрыто лишь 1200 кв. м. Уже раскопки 1965 г. на этом городище дали новый материал в виде фрагментов венчиков лепной керамики с валиками на венчике, сделанными техникой оттягивания края сосуда в наружную сторону, а иногда и техникой лепки (рис. 4, *1—10*). Подобные валики обычно не доживают до IV в. до н. э. и особенно характерны для VI—V вв. до н. э. Следовательно, уже этот небольшой материал свидетельствует о более ранней дате Волошинского городища, чем IV в. до н. э. Это подтверждается и раскопками ряда других городищ (Большое Сторожевое, у хут. Городище) и курганов, где доказано наличие вещей VI—V вв. до н. э., в том числе предметов античного производства. Городище 2 находится на левой стороне лога, примерно в 275 м от городища 1 (рис. 3, *2*). Оно окружено хорошо выраженным валом и отчасти рвом, имеет круглоовальную форму. Нижняя часть вала городища застроена домами д. Волошино. В центре городища имеется второй невысокий, но круглый вал. Общая площадь этого городища достигает 9 га, а внутренней обвалованной части — 2 га.

В разведывательных целях экспедиция произвела шурфовку этого городища в пяти местах, главным образом в центральной части. В шурфах обнаружено ничтожное количество обломков лепной керамики и два железных предмета: серп и бритва.

Городище 3 находится за оврагом в 500 м к северо-западу от городища 1. Форма городища овальная, вал низкий и совершенно распахан, местами расчленен. Особенно большие разрывы наблюдаются со стороны лога. Площадь городища достигает 6 га (рис. 3, *3*). При шурфовке найдено несколько обломков лепной керамики, синхронной керамике городищ 1 и 2.

Городища 4 и 5 находятся примерно в 4 км к северо-востоку от городища 2. Расположены они по обеим сторонам глубокого оврага: первое городище площадью 4,5 га вдоль оврага, несколько выше второго (рис. 3, *4*); второе городище — с левой стороны оврага, площадь его равна 3 га (рис. 3, *5*).

Оба городища заросли густым лесом: форма их, конструкция валов и рвов, а также въезды и входы на городище представляются обычными для городищ эпохи раннего железа.

Наконец, городище 6 расположено в 3—4 км к востоку от последних двух, на таком же или несколько большем расстоянии от городища 1 у д. Волошино, на правом склоне большого древнего лога, обросшего густым лесом. Основной широкий вход на городище, вероятно, был из лога, где ныне имеется открытое место без вала на протяжении 70 м. Здесь, по-видимому, существовал забор, соединяющий оба конца вала. Остальная часть городища окружена нешироким и неглубоким рвом, низким и узким валом. Площадь городища около 6 га (рис. 3, *6*).

В 1965 г. последние три городища были подвергнуты специальной шурфовке. В результате этого на городищах 5 и 6 удалось собрать

небольшой керамический материал, доказывающий синхронность их городищу 1.

Таким образом, у д. Волошино имеется целая система городищ, хронологически относящихся к одной эпохе и расположенных на площади, не превышающей указанную Геродотом. Поверхностное ознакомление с этими городищами, а также исследование их путем раскопок приводят к следующим основным выводам.

Во-первых, самое большое городище (1) представляет жилой комплекс с хорошо насыщенным культурным слоем и с остатками жилищ; во-вторых, городища 2 и 3 по формам совершенно различны; по насыщенности культурными остатками они не идут ни в какое сравнение с первым городищем. Если городище 1 представляется жилым комплексом, то городище 2 вряд ли было таковым. В нем как в жилом комплексе при наличии городища 1 не было особой необходимости. Скорее всего на основании положения в системе других городищ, формы, размеров и слабой насыщенности культурного слоя его предположительно можно трактовать как религиозно-культовое место. И в этом случае оно могло служить таковым не только для населения, жившего в черте указанной системы укрепленных поселений, но и всего земледельческого населения или значительной его части.

Остальные четыре городища могли быть использованы и как жилой комплекс (городище 5) и в качестве загонов для скота (городища 3, 4, 6).

В целом это очень интересный и пока что слабо изученный комплекс укрепленных поселений. Подобное скопление городищ встречается не часто в лесостепных областях Восточной Европы. Бельское городище состоит из трех отдельных городищ, которые связаны общим валом, охватывающим огромную площадь, в несколько раз превосходящую территорию наших городищ. Но оно отличается от наших городищ тем, что имеет общий вал, отсутствующий в системе городищ близ д. Волошино. Отсюда естественно возникает вопрос, не имеет ли эта система городищ какое-то отношение к городу Гелону Геродота? Разумеется, не все сказанное Геродотом можно проверить. Так, если Геродот говорит о высоких деревянных стенах, то при отсутствии внешних признаков на поверхности земли, к примеру валов, на которых возвышались бы стены, ныне их трудно обнаружить. Они полностью исчезли, и открытие их может быть чистой случайностью. Однако возможно также и то, что за такой забор могли быть приняты и деревянные заборы, обычно устраиваемые на гребне валов городищ.

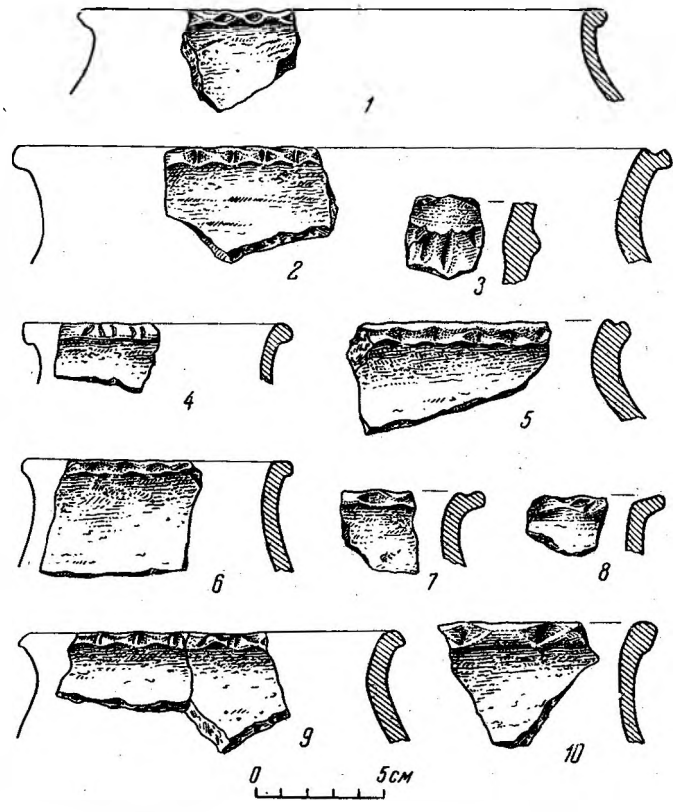


Рис. 4. Лепная керамика с городища 1 у д. Волошино (*1—10*)

Сам Геродот не был в этой области и мог пользоваться рассказами, передававшими описание деревянных стен неточно.

На основании раскопок валов и рвов городища у с. Сторожевое Давыдовского района Воронежской области в 1962 г. мы можем лишь подтвердить, что практика сооружения деревянных стен в качестве укреплений в период, предшествующий сооружению мощных валов и рвов на городищах Среднего Дона, имела место [130].

Но если волошинскую систему городищ принять за город Гелон, то что же представляет собой Бельское городище, в котором В. Щербаковский [131], а позднее М. И. Артамонов [132] видели также город Гелон Геродота? Где истина?

Надо признать, что характер Бельского городища как одного из уникальнейших памятников эпохи раннего железа на территории лесостепи, игравшего, вероятно, огромную роль в истории племен не только лесостепи, но и далеко за ее пределами, до сих пор не выяснен.

[130] П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону, табл. 5, *1, 2*.
[131] V. Scerbakivskyi. Указ. соч.
[132] М. И. Артамонов. Этногеография Скифии.

Исследователи древности в прошлом не уделяли этому городищу, как и другим памятникам, его окружавшим, должного внимания. Это произошло, по-видимому, по той простой причине, что размеры его потребовали бы колоссальных денежных затрат. Эта неизученность Бельского городища отразилась на полноте наших знаний культур лесостепи скифской эпохи, на разноречивости, а подчас и путанице в исторической трактовке памятников этой территории.

Нам кажется, что по аналогии с системой городищ у д. Волошино, принятой нами пока предположительно за город Гелон Геродота, Бельское городище также может быть понято как город. В самом деле, Бельское городище состоит из системы трех городищ, окруженных общим мощным валом протяженностью до 30 км. В. Щербаковский совершенно правильно обратил внимание на этот факт, признав городище городом. Это соответствует и античным аналогиям. Согласно исследованиям, Бельское городище являлось одним из центров ремесленного производства. Но размеры его и характер валов, особенно в южной части (остатки вала посредине городища), допускают использование территории в качестве земледельческих угодий и загона для крупных стад домашних животных. Загонами для скота, по-видимому, могла служить южная часть городища, отделенная от большей северной части остатками поперечного вала в центре, продолжением которого к западу и востоку могли быть деревянные заборы.

Таким образом, Бельское городище было мощным экономическим и, может быть, политическим центром — городом оседлых земледельческо-скотоводческих племен.

Насколько известно, ни один район правобережной и левобережной части среднего лесостепного Поднепровья не дает пока таких памятников. Такие памятники могут возникнуть только у многочисленного и сильного народа, имеющего сравнительно высокий уровень культуры и развитую экономику. И тем не менее, не считая правомерной и обоснованной точку зрения авторов, утверждавших, что территория Среднего Поднепровья являлась местом расселения многолюдного народа будинов, мы не можем согласиться и с тем, что Бельское городище было городом Гелоном Геродота.

Наши исследования доказывают, что территория расселения будинов находится на Среднем и отчасти Нижнем Дону с его основными правобережными и левобережными притоками. Следовательно, и город Гелон должен находиться на этой территории. Поэтому пока предположительно мы склонны считать систему Волошинских городищ тем центром, который, по Геродоту, являлся городом Гелоном. Будущие исследования подтвердят или опровергнут это предположение.

П. Д. Либеров

САВРОМАТЫ ЛИ СИРМАТЫ?

В настоящей статье мы попытаемся раскрыть на основании письменных и археологических источников происхождение племен, обитавших в древности на территории междуречья Нижнего Дона и Северного Донца, ограниченной с запада р. Осколом, левым притоком Северного Донца.

В позднейшей историко-археологической литературе существует мнение, что территория в указанных выше границах в эпоху раннего железа была заселена савроматами — сирматами. Такую точку зрения высказал в 1930 г. В. Щербаковский [1]. Позднее ее поддержал и М. И. Артамонов в связи с локализацией будинов и гелонов в лесостепной части Среднего Днепра [2]. И, наконец, в самое последнее время к этой же мысли пришел в докторской диссертации «Савроматы» [3] К. Ф. Смирнов.

В указанной работе К. Ф. Смирнов сообщает, что «среди передовых савроматских племен к западу от Дона не позднее 30-х годов IV в. до н. э. появляются сирматы (Ps.-Scyl., 68). В степное междуречье Дона и Северного Донца, который соответствовал Иргису, или Сиргису, Геродота (Herod., IV, 57, 123), савроматы могли проникнуть довольно рано. Археологически эта эпоха в степных районах, прилегающих к правому берегу Дона, так плохо исследована, что мы не можем проследить первое постепенное продвижение савроматов на запад» [4]. Далее автор указывает лишь два пункта археологических находок на правом берегу Дона.

Первая находка — каменный жертвенник савроматского типа у хут. Краснодворского, расположенного около устья Дона и, следовательно, далеко за пределами междуречья Дона и Северного Донца. Вторая находка — погребение IV в. до н. э. у хут. Карнауховского, расположенного на интересующей нас территории, которое автор считает савроматским [5]. Обратимся теперь к письменным источникам.

Скилак Кариандский сообщает, что «сирматы... [за скифами сирматы] народ и река Танаид, (которая) составляет границу Азии и Европы» (Ps.-Scyl., 68). И, чтобы подчеркнуть, что сирматы — особый, не савроматский народ, автор одним параграфом ниже (Ps.-Scyl., 70) при описании народов Азии, а не Европы, говорит, что «от реки Танаида начинается Азия, и первый народ ее на Понте — савроматы». Таким образом, нет никакого смешения сирматов с савроматами, и если первые находятся на правом берегу Дона — в Европе, то вторые — на левом его берегу, т. е. в Азии.

Заслуживает особого вниманич и вставка, заключенная в квадратные скобки: «за скифами сирматы», которая не относится к тексту Скилака, а добавлена в XIX столетии немецким историком-антиковедом Б. Г. Нибуром с целью уточнения мысли Скилака [6]. Этот исследователь трактовал текст в том смысле, что сирматы жили на европейском берегу Дона и что они находятся за скифами.

Напомним сообщение и другого античного автора Евдокса (IV в. до н. э.), дошедшее до нас в передаче Стефана Византийского. Стефан Византийский сообщает, что «сирматы —

[1] V. Scerbakivskyj. La situation géographique de la ville de Gelon d'Hérodote. Biblioteka Prehistoryczna, t. I. Poznań, 1930, стр. 269 (карта).

[2] М. И. Артамонов. Этногеография Скифии. Ученые записки ЛГУ, вып. 13, 1949, стр. 170 (карта). Рассмотрению этой точки зрения уделено особое внимание в нашей статье «Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных», опубликованной в настоящем сборнике.

[3] К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 196.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Приношу глубокую благодарность А. И. Болтуновой за консультацию по этому вопросу.

то же, что савроматы, как говорит Евдокс в первой книге: „Вблизи Танаида живут сирматы“» [7]. Как видно, сам Евдокс знает сирматов близ Дона, но не отождествляет их с савроматами, а такое отождествление сделал сам Стефан Византийский, которому последовали, как писал Ф. Браун, и все новейшие историки [8].

Скифы в геродотовское время занимали степную территорию до Дона, простиравшуюся к северу, вероятно, до Северного Донца при его впадении в Дон. По-видимому, эта часть территории находилась в руках скифов и в IV в. до н. э. Согласно исследованию Т. Н. Книпович, Елизаветовское городище (не савроматское по происхождению) находилось на подъеме еще в IV в. до н. э. и существовало в начале III в. до н. э.[9] Поэтому вряд ли следует доверять полностью сообщениям Псевдо-Гиппократа (460—377 гг. до н. э.), который говорил, что «в Европе есть скифский народ, живший вокруг озеры Меотиды и отличающийся от других народов. Название его савроматы». Это сообщение Псевдо-Гиппократа послужило основанием К. Ф. Смирнову для констатации переселения савроматов на правый берег уже вскоре после Геродота [10].

Допустим, что Псевдо-Гиппократ, почти современник Геродота, сведения которого ему были доступны, действительно знал о расселении племен Приазовья и что в его словах о том, что савроматы были в Европе, назывались скифами и жили вокруг озера Меотида, есть какая-то доля истины. Достаточно ли этого сообщения для перенесения имени савроматов на сирматов? Это трудно допустить, поскольку Псевдо-Гиппократ так не говорит. Территория сирматов находилась за пределами Скифии, выше Северного Донца и не могла окружать оз. Меотиду. Сам К. Ф. Смирнов локализует сирматов в междуречье Дона и Северного Донца. Сведения Псевдо-Гиппократа, на наш взгляд, никакого отношения к сирматам не имеют. Также трудно признать достоверным сообщение Стефана Византийского, неудачно использовавшего сведения Евдокса.

Таким образом, из всего сказанного выше вытекает, что античные авторы, упомянувшие сирматов, не отождествляли их с савроматами, так как первых они знали на правом берегу Дона — в Европе, вторых на левом — в Азии. В связи с этим можно было бы спросить, насколько правомерно отождествление сирматов с савроматами; можно ли принять положение о том, что сирматы являются передовым отрядом савроматов, переселившихся в IV в. до н. э. из-за Дона в междуречье Дона и Северного Донца; почему в V в. до н. э. Геродот не знал сирматов; кто же такие сирматы в культурно-этническом отношении?

Попытаемся во всем этом разобраться.

Начнем с вопроса, почему у Геродота отсутствует указание о населении междуречья Дона и Северного Донца? Ответ на этот вопрос, вероятно, надо искать в том, что Геродот далеко не ясно представлял северную границу Скифии и особенно в ее восточной половине. Однако было бы неправильно упрекать его в абсолютном незнании этой области. Более того, он знал р. Гиргис (Северный Донец), впадающую в р. Танаид (Herod., IV, 57) и, по-видимому, отделяющую Скифию от северных ее соседей. Река Гиргис (Северный Донец) является самым крупным правым притоком Дона, и он не мог остаться не замеченным античными авторами еще и потому, что нес свои воды в Дон и был к Меотиде ближе всех рек, впадающих в Дон. Геродот знал и восточную границу Скифии, указывая, что «владения их частью доходят и до р. Танаида» (Herod., IV, 20). В сообщении его о том, что скифы «частью доходят до р. Танаида», выражена, на наш взгляд, мысль о том, что не слишком-то обширны были земли скифов на этой территории. Это, кстати говоря, не противоречит и позднейшим сообщениям, упомянутым выше. Знал Геродот и территорию, занимаемую савроматами, определив ее в строго очерченных границах, к востоку от Дона (Herod., IV, 21).

Геродоту известны были и более северные страны и населяющие их народы. Так, к северу за савроматами, сообщает он, живет многолюдный народ будины (Herod., IV, 21, 22, 108, 109), а еще выше — фиссагеты (Herod., IV, 22). Поэтому маловероятно, чтобы Геродот совершенно не имел представления о землях и народах, которые находятся значительно ближе, чем земля будинов и фиссагетов. Но то, что не сообщил нам Геродот, дополнили Скилак и Евдокс. Мы полагаем, что Геродот умолчал об этом факте потому, что население междуречья Дона и Северного Донца отличалось в культурном и этническом отношении от скифов и савроматов, но в какой-то степени было близко населению северных областей.

Геродот мог умолчать об этой территории еще и потому, что она была за пределами тех торговых путей, которые связывали Скифию и античные причерноморские колонии с народами востока и северо-востока Европы: само население, ведущее кочевой образ жизни, вероят-

---

[7] Steph. Byz., s. v. Syrmatae.

[8] Ф. Браун. Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб., 1899, стр. 85.

[9] Т. Н. Книпович. Танаис. М.— Л., 1949, приложения, стр. 129.

[10] К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 196.

но, не представляло особенно большого интереса в торговом отношении для путешественников и купцов.

Некоторые соображения о сирматах высказал Ф. Браун. Несмотря на то, что его работа была написана свыше 60 лет назад, она во многих частях не утратила значения и по настоящее время. Ценность этой работы заключается в том, что многие факты и племена, описанные Геродотом и привлекшие внимание Ф. Брауна, находят подтверждение в археологическом материале. Наряду с рассмотрением будинской проблемы автор коснулся и племен сирматов, определив их отношение к финским племенам на основе анализа слова «сирматы».

Опираясь на указания Скилака и Евдокса, Ф. Браун подчеркивает, что эти указания до сих пор остались незамеченными. Но они-то и доказывают, что сирматы не совпадают с савроматами.[11].

На основе лингвистического анализа слова «сирматы» Ф. Браун приходит к выводу о том, что европейские сирматы Скилака и Евдокса «не могут быть скифской ордой, так как оказались бы здесь на иранском востоке скифской области. Не могут они также совпадать с сарматами вообще, так как двойственность наименования сама по себе невероятна. Скорее они могли быть передовым отрядом сарматов в их движении на запад»[12]. Но Ф. Браун в этом сомневается, так как «ясные следы сарматов по правую сторону Дона появляются лишь со II в. до н. э.»[13] Поэтому он приходит к выводу о том, «что сирматы действительно не имели ничего общего ни с теми (скифами.— *П. Л.*), ни с другими (сарматами.— *П. Л.*); они составляли крайнюю южную часть финноязычных будинов...»[14]

Таков окончательный вывод Ф. Брауна.

Разобрав письменные источники, касающиеся сирматской проблемы, обратимся к рассмотрению археологических материалов, которые в настоящее время в результате обширных разведок С. А. Плетневой несколько расширили наши представления о памятниках эпохи раннего железа в междуречье Дона и Северного Донца. С. А. Плетнева представила в наше распоряжение все материалы разведок 1958, 1960, 1962, 1963, 1964 гг. на р. Чире (правый приток Дона), от устья р. Хопра вверх по правому берегу Дона до Маяцкого городища и по левым притокам Северного Донца —Калитве, Айдару и Осколу (рис. 1)[15].

В результате изучения этих коллекций мы пришли к следующим выводам.

1. Основная масса материала принадлежит к эпохе раннего средневековья и представляет салтово-маяцкую культуру; вторая по количеству поселений группа памятников относится к эпохе бронзы, в том числе поздней бронзы, и дает материал, относящийся к катакомбной, срубной и абашевской культурам; третья группа памятников относится к эпохе раннего железа, но она представлена весьма небольшим количеством керамического материала, датирующегося в широких хронологических рамках, вероятно, от VIII в. до н. э. до IV—III вв. до н. э.

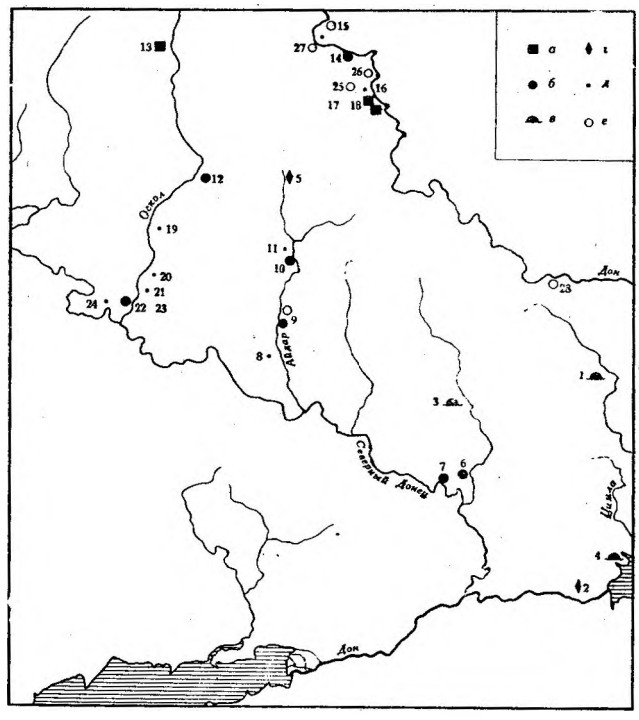


Рис. 1. Расположение археологических памятников

1 — хут. Обрывский; *2* — ст. Филипповская; *3* — пос. Алексеевка, сл. Криворожье; *4* — хут. Карнаухов; *5* — хут. Клименков; *6* — р. Калитва; *7* — р. Северный Донец; *8* — с. Спеваковка; *9* — с. Шульгинка; *10* — с. Константиновка; *11* — с. Танюшовка; *12* — с. Уразово; *13* — д. Холок; *14* — с. Залужное; *15* — д. Щедрино; *16* — поселение у с. Костомаровка; *17* — городище большое у с. Костомаровка; *18* — городище малое у с. Костомаровка; *19* — с. Пришиб; *20* — хут. Большие Базы; *21* — с. Оскол; *22, 23* — хут. Шведовка; *24* — урочище Бондариха; *25* — с. Марки; *26* — с. Переезжее; *27* — с. Копанище; *28* — ст. Белогорка

а — городища; *б* — поселения с материалом эпохи раннего железа; *в* — курганы с материалом эпохи раннего железа; *г* — случайные находки эпохи раннего железа; *д* — поселения эпохи поздней бронзы; *е* — поселения и курганы с керамикой абашевской культуры

---

[11] Ф. Браун. Указ. соч., стр. 85.
[12] Там же, стр. 86.
[13] Там же.
[14] Там же, стр. 87.
[15] Приношу глубокую благодарность С. А. Плетневой за предоставленную возможность ознакомления с материалами этих разведок.

2. Особо следует заметить, что в просмотренном материале совершенно не обнаруживаются сколько-нибудь явные следы савроматской и сарматской керамики.

3. Немногочисленность материала эпохи раннего железа на фоне большого количества материала эпохи бронзы и средневековья допускает предположение о том, что в эпоху раннего железа население этой области вело кочевой образ жизни. Наличие двух городищ (большого и малого) у с. Костомаровка, относящихся к эпохе раннего железа (найден материал этого времени на большом городище), не противоречит заключению о кочевом образе жизни населения, так как подобного рода явления известны и на р. Битюг (Аннинский район Воронежской области), где кочевой образ жизни населения хорошо доказывается почти полным отсутствием поселений того времени. Нам кажется, что такого типа городища могли служить опорными пунктами особенно в неспокойный период жизни.

Обратимся к рассмотрению вещевого материала эпохи раннего железа.

Геродот ничего не говорит относительно населения междуречья Дона и Северного Донца, надо полагать, не потому, что в его время столь обширная территория не была заселена [16]. Нет, она была заселена, по-видимому, достаточно густо, но малое количество известных нам археологических памятников эпохи раннего железа в данном случае объясняется, вероятно, тем, что население этой территории вело кочевой образ жизни, при котором следы быта остаются очень редко.

Известен ряд довольно выразительных случайных находок, которые относятся к самому началу эпохи раннего железа. Напомним находку бронзовых удил кобанского типа с такими же псалиями и бронзовыми наконечниками стрел, найденными в 1887 г. кладоискателями в кургане у хут. Обрывского Чернышевской станицы на р. Чир (см. карту, рис. 1, *1*) [17]. Такие удила и наконечники стрел датируются А. А. Иессеном VIII—VII вв. до н. э. [18]

Подобного рода удила случайно найдены в 1894 г. и у станицы Филипповской, расположенной выше станицы Цимлянской, на правом берегу Дона [19]. Там же был найден в 1896 г. бронзовый псалий (рис. 1, *2*) [20].

Большой интерес представляет находка целого комплекса вещей из кургана у пос. Алексеевка, расположенного немного южнее слободы Криворожье на правом берегу р. Калитвы. Вещи были найдены в погребении с трупосожжением при раскопках кургана в связи с добычей камня. Из них сохранились золотой венец, серебряная головка теленка, кувшин с головой барана (рис. 1, *3*).

Изучение этих находок привело Т. Н. Книпович к выводу о том, что все они привозные: кувшин с головкой барана — самосского происхождения, золотой венец и серебряная головка бычка представляют восточный импорт и датируются временем не позднее начала VI [21] или даже VII—VI вв. до н. э. [22]

В силу ли исключительно слабой изученности этого края или потому, что изменилось направление торговых связей в V в. до н. э., но в настоящее время не представляется возможным привести хотя бы одну находку, которая указала бы на то, что в эпоху Геродота этот край был тесно связан с внешним миром. Это весьма знаменательно.

При таком положении в последующих исследованиях подобный факт из констатации может превратиться в объяснение того, почему Геродот умолчал об этой территории.

К IV в. до н. э. относится только один интересный погребальный комплекс из кургана 43 Карнауховского могильника, раскопанного И. И. Ляпушкиным в 1950 г. [23] Могильник расположен у хут. Карнаухова к западу от Дона, на водоразделе между реками Котлубанкой и Цимлой. В группе насчитывается до 40 невысоких, но заметно возвышающихся над поверхностью курганов (рис. 1, *4*). Под насыпью раскопанного кургана были обнаружены две могильные ямы, ориентированные по линии северо-запад — юго-восток. Обе могилы оказались ограбленными. Однако по сохранившемуся небольшому материалу И. И. Ляпушкин определил, что первое погребение относится к позднескифскому времени (IV—III вв. до н. э.), второе — к более позднему, сарматскому времени. Отсутствие поселения эпохи раннего железа в районе этого могильника позволило автору прийти к заключению, что погребения принад-

[16] Эта площадь достигает свыше 8400 кв. км, густо пересекается речными долинами и очень удобна для кочевого скотоводческого хозяйства.

[17] А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, XVIII, 1953, стр. 67, рис. 10.

[18] Там же.

[19] Там же, стр. 66, рис. 9, *1*.

[20] Там же, стр. 66. рис. 9, *4*.

[21] Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях греков с областью р. Танаиса в VII—V вв. до н. э. ИГАИМК, вып. 104, М.—Л., 1934, стр. 90 и сл.; А. П. Манцевич. Головка быка из кургана VI в. до н. э. на р. Калитве. СА, 1958, № 2, стр. 196 и сл.

[22] Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. V, *16*; VI, *1*.

[23] И. И. Ляпушкин. Курганный могильник близ Карнауховского поселения. МИА, № 62, 1958, стр. 317 и сл.

лежат не оседлому, а кочевому населению [24]. Нам кажется, что характеристика погребений, данная И. И. Ляпушкиным, вполне справедлива. Однако наибольший интерес представляет первое погребение. Поэтому к более подробной характеристике его мы и обратимся.

Автор сообщает, что на дне могильной ямы лежали остатки двух человеческих костяков, вытянутых на спине головой на юго-восток [25]. Около костяка, лежавшего в юго-западной стороне могилы, находилась кучка сильно окислившихся железных и бронзовых наконечников стрел (рис. 2, *2—14*). У юго-западной стены могилы против костей голени находились ребра лошади, а среди них — железный нож с костяной ручкой (рис. 2, *1*). Несколько конских костей было и у северо-восточной стены могилы. В засыпке могильной ямы были обнаружены кости животных и человека. Кости животных имели на себе следы окиси меди и соприкасались, очевидно, с бронзовым котлом, обломки стенки которого найдены в засыпке. Здесь же был найден обломок железной ручки зеркала (?) с бронзовой головкой кабана (?) на одном конце (рис. 2, *16*). Кроме этих вещей, при снятии насыпи ниже первого штыка найдены обломки двух сосудов: лепного хорошо профилированного сосуда с защипным орнаментом по внешнему краю венчика (рис. 2, *15*) и чернолощеного тонкостенного сосуда.

Другой чернолощеный обломок сосуда, повидимому, относится ко второму, сарматскому погребению, в котором также были найдены аналогичные обломки.

Более внимательное изучение комплекса вещей из первого погребения позволяет нам несколько уточнить хронологию погребения и высказать некоторые соображения относительно его принадлежности. Они сводятся к следующему.

Дату комплекса можно отнести к началу IV в. до н. э., если исходить из некоторой архаичности формы бронзового наконечника стрелы. Но, учитывая, что эта форма наконечников стрел у соседних савроматских племен сохраняется несколько дольше, чем у скифов, указанную нами дату (IV в. до н. э.) можно считать наиболее вероятной. Такую дату принимает и К. Ф. Смирнов [26]. Он связывает этот комплекс вещей с савроматской культурой [27]. Однако, на наш взгляд, это не совсем так. Дело в том, что наиболее характерные вещи комплекса, такие как железные наконечники стрел, железный

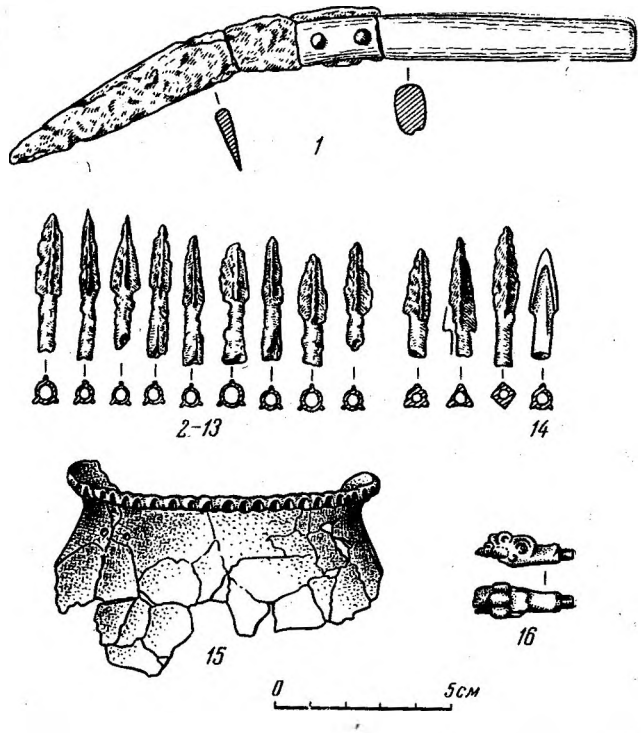


Рис. 2. Комплекс вещей из кургана 1, погребения 1 у хут. Карнаухова (*1—16*)

ножичек с костяной рукояткой и сохранившаяся часть лепного горшка, не являются типичными для савроматских памятников. Железные наконечники стрел уже с V—IV вв. до н. э. наиболее характерны для памятников среднедонской группы и менее всего представлены в группах савроматской и скифской. Железный нож с горбатой спинкой у савроматов почти не встречается или встречается очень редко. Мягкая профилировка лепного сосуда и особенно защипной орнамент на его венчике наиболее близки керамике Среднего Дона и украинской лесостепи и совершенно не показательны для савроматской керамики. Кроме того, для савроматских погребений характерно, что в качестве заупокойной пищи кладется часть барана, тогда как в этом погребении обнаружена часть туши лошади. Что касается обломка каменной стелы в виде головы, найденного около кургана, то ни по оформлению, ни по месту нахождения он никакого отношения к описанному погребению не имеет. Мы склонны думать, что указанный комплекс вещей не связан с савроматскими памятниками и скорее всего относится к памятникам среднедонского круга.

Рассмотрим еще один очень интересный комплекс вещей, происходящий, вероятно, из погребения, случайно открытого у истоков р. Айдара близ хут. Клименкова (рис. 1, *5*).

---

[24] И. И. Ляпушкин. Курганный могильник.., стр. 322.
[25] Там же, стр. 318, рис. 4.
[26] К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 196.
[27] Там же.

Этот комплекс опубликован И. В. Яценко как комплекс из сарматского погребения и датирован автором пока предварительно II в. до н. э.[28] В свете интересующей нас темы мы хотели бы кратко коснуться лишь двух вопросов: имеются ли основания называть этот комплекс сарматским и нельзя ли считать его более ранним.

Даже при беглом взгляде на клименковские находки мы убеждаемся в том, что вещи по происхождению не однородны. Во-первых, среди них имеются предметы явно не местного происхождения (светильник и, может быть, бляхи с изображением грифонов); во-вторых, вещи, относящиеся к уздечному набору,— местного производства (налобник, нащечные бляхи и удила с псалиями).

Обращает на себя внимание отсутствие типично сарматских вещей, на основании которых можно было бы хоть сколько-нибудь убедительно назвать этот комплекс сарматским. И. В. Яценко датирует их II в. до н. э., т. е. временем, когда сарматы широким фронтом двинулись на соседние территории и особенно на запад, но оснований для такого решения нет.

Автор правильно устанавливает широкий хронологический диапазон распространения железных удил с дополнительными кольцами. Действительно, они появляются в V в. до н. э.[29] и сохраняются в быту в среднесарматское время. Поэтому удила такого типа не могут лежать в основе датировки комплекса.

В том же комплексе с железными удилами найдены железные S-образные псалии с двумя отверстиями, расположенными в виде восьмерки. Такие псалии известны уже в IV в. до н. э. Целая серия подобных псалиев найдена в погребальном комплексе кургана Солоха[30]. Они зафиксированы также на некоторых памятниках III—II вв. до н. э.[31]

На Среднем Дону при раскопках курганов у с. Русской Тростянки найден уздечный набор, датированный IV в. до н. э. Здесь оказались псалии, значительно отличающиеся от S-образных изгибом. Один (верхний) конец их сохранил прежнее положение, другой (нижний) конец оказался повернутым вперед на 90°[32]. Эта форма свидетельствует о том, что псалии начали уже изменяться. Вполне возможно, что этот процесс в III в. до н. э. завершился. Следовательно, и псалии, хотя они и суживают хронологические рамки погребения, также не дают еще надежной основы для датировки его. Изменение формы и глубокую стилизацию орнамента можно отметить и на налобнике. Изображение частей тела животных и птиц в раннескифское и среднескифское время[33] сменяется совершенно неузнаваемой схемой уже на рубеже IV—III вв. до н. э. Вместо головы животного на изогнутом верхнем конце налобника остается лишь шарик или конус, а лопасть чаще всего вытягивается и превращается в узкую пластину или лопатку[34].

По-видимому, в III—II вв. до н. э. исчезает и это утолщение на верхнем конце налобника, а крючок представляет собой изогнутый или совершенно прямой стержень. Именно такие налобники мы находим в Клименковском[35] и Антиповском[36] комплексах. Нет никаких оснований сомневаться в том, что это налобники от уздечки[37].

Не меньший интерес вызывают и два других предмета этого комплекса: серебряная бляха с двумя грифонами, стоящими в геральдической позе, и серебряные бляхи с лучевым завихрением. Геральдическое изображение львиногрифонов не было результатом творческого искусства местных мастеров. Источником его является скорее всего искусство древних восточных государств (Урарту)[38]. Насколько мне известно, бляшки с изображением подобного рода грифонов попали в Скифию[39] и на Средний Дон[40] не раньше IV в. до н. э., когда шел усиленный процесс классовой дифференциации и сложения государства.

Может быть, этим и объясняется тот факт, что такие бляшки до сих пор найдены в Скифии

---

[28] И. В. Яценко. Раннее сарматское погребение в бассейне Северного Донца. КСИА, вып. 89, 1962, стр. 42 и сл.

[29] П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону. САИ, вып. Д1—31. М., 1965, рис. 2, *160*.

[30] ОАК за 1913—1915 гг., стр. 127, рис. 205; стр. 130, рис. 211—212.

[31] А. Е. Паржиков. О находке клада у с. Плоское Одесской области. Доклад, прочитанный 24.III 1964 г. на годовом отчетном пленуме в г. Киеве; П. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя скифского. М., 1953, табл. XII, *6*.

[32] А. И. Пузикова. Два кургана из могильника скифского времени у с. Русская Тростянка. КСИА, вып. 102, 1964, стр. 24 и сл., рис. 10, *23*.

[33] П. Д. Либеров. Отчет за 1964 г. Архив ИА АН СССР, альбом, табл. XX, *1, 2*.

[34] П. Д. Либеров. Отчет за 1962 г. Архив ИА АН СССР, альбом, табл. XLVI, *5*; он же. Отчет за 1963 г. Архив ИА АН СССР, альбом, табл. XIX, *3, 3а*.

[35] И. В. Яценко. Указ. соч., стр. 43, рис. 8.

[36] И. И. Гущина. Случайная находка в Воронежской области. СА, 1961, № 2, стр. 241 и сл.; рис. 2, *3*.

[37] И. В. Яценко. Указ. соч., стр. 48—49.

[38] Б. Б. Пиотровский. Ванское царство. М., 1959, стр. 255, рис. 88, *а, в*; табл. LIII.

[39] ОАК за 1913—1915 гг., стр. 135, рис. 221.

[40] ОАК за 1905 г., стр. 96, рис. 19, *8*; Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43, 1911, стр. 57—59, табл. 1, *12, 14*; П. Д. Либеров. Отчет за 1960 г. Архив ИА АН СССР, альбом, табл. XXIII, *6*; он же. Отчет за 1962 г. Архив ИА АН СССР, альбом, табл. XXXVI, *4—7*.

и на Среднем Дону в погребениях с богатым инвентарем.

Что касается рога как новой детали в иконографии львиногрифонов, в данном случае на бляшках Клименковского комплекса, то и в этом отношении мы не видим ничего нового. Грифон с рогом на Среднем Дону появляется уже в конце V в. до н. э.[41] Мы имеем в виду золотую бляху с изображением человека, сидящего на львиногрифоне, и оленя, которого терзает львиноголовый грифон. Нет никаких оснований считать эти бляхи сарматскими, где подобного рода бляшки совершенно неизвестны.

Аналогичное положение наблюдается и при изучении выпуклых серебряных блях, орнаментированных лучевыми завихрениями. Достаточно сказать, что на Среднем Дону в IV—III вв. до н. э. золотые и бронзовые небольшие бляшки с подобным орнаментом в погребальных комплексах и на поселениях также иногда встречаются[42]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в более позднее время они продолжают оставаться в обиходе в несколько измененном виде. Возможно, они были импортированы с юга. Но сарматскими их называть нельзя, ибо в сарматских памятниках прохоровского этапа такой орнамент отсутствует. Близкий к этому орнаменту узор на бляшках уздечного набора встречается в савроматском мире, по датировке К. Ф. Смирнова, не позднее VI—V вв. до н. э.[43] Поэтому связать их с Клименковским комплексом не представляется возможным из-за слишком большого хронологического разрыва. С бо́льшим успехом такая связь может быть установлена между этими бляхами и бляхами из Васюринского кургана, погребальный комплекс которого датируется 180 г. до н. э.

Все это позволяет нам сделать следующий вывод: во-первых, Клименковский комплекс не имеет никакого отношения к сарматам и ближе всего стоит к среднедонской группе памятников; во-вторых, датировка его только II в. до н. э., на наш взгляд, весьма сомнительна; вероятнее всего, он может быть датирован временем не позднее рубежа III—II вв. до н. э. или даже начала II в. до н. э., т. е. периодом, который в междуречье Дона и Северного Донца предшествует сарматскому продвижению на запад. Однако это совершенно не исключает более раннего перехода сарматов через Дон на территорию Скифии, в местах к югу от устья Северного Донца.

Таким образом, погребальные комплексы и отдельные находки, относящиеся к эпохе раннего железа, весьма интересны, но немногочисленны. В этом сказалось, несомненно, отсутствие организованных раскопок. Но известные нам пока комплексы и отдельные находки не подтверждают сарматскую их принадлежность.

Обследование и систематические разведки, проведенные в послевоенное время по берегам Северного Донца и Дона и их многочисленных притоков, показали, что на территории междуречья Дона и Северного Донца имеется огромное количество открытых и иногда укрепленных поселений, относящихся к различным эпохам. Характерно исключительно малое количество поселений эпохи раннего железа, обнаруживаемых по отдельным обломкам керамики, встречающейся среди массового материала эпохи бронзы и средневековья.

Так, например, обследование правого берега Дона и его притоков Цимлы и Чира, проведенное И. И. Ляпушкиным в 1950—1951 гг. на протяжении сотен километров от Цимлянска вверх по течению вплоть до станицы Голубинской, не дало ни одного поселения скифского времени, хотя на этом пути имеется много поселений эпохи бронзы и средневековья[44].

Обследование берегов рек Северного Донца и Дона, а также Чира, Калитвы, Айдара и Оскола в 1958—1964 гг. привело к открытию многих десятков поселений; среди них не оказалось ни одного поселения с культурным слоем скифского и сарматского времени. Отдельные обломки лепной керамики эпохи раннего железа встречались вместе с керамикой эпохи бронзы.

Известные городища в междуречье Дона и Северного Донца, в частности у с. Костомаровки (два городища), исключительно бедны керамикой эпохи раннего железа[45].

Шурфовка одного большого Костомаровского городища в пяти местах дала очень малое количество керамики среднедонского типа и только в двух шурфах[46].

Нам не удалось обнаружить сколько-нибудь выразительной керамики эпохи раннего железа

---

[41] П. Д. Либеров. Отчет за 1964 г. Архив ИА АН СССР, альбом, табл. XXI, *2*, *2а*.

[42] ОАК за 1905 г., стр. 96, рис. 19, *4*; П. Д. Либеров. Отчет за 1962 г. Архив ИА АН СССР, альбом, табл. XXXIX, *26—27*; он же. Памятники скифского времени на Среднем Дону, табл. 24, *13*, *14*.

[43] К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. САИ, вып. Д1 — 9. М., 1963, табл. 17, *44*, *50*, *59—60*.

[44] И. И. Ляпушкин. Археологические памятники зоны затопления Цимлянского водохранилища. МИА, № 62, 1958, стр. 227 и сл.

[45] С. А. Плетнева. Отчеты за 1958, 1960, 1962, 1964 гг. Архив ИА АН СССР. Коллекция хранится в ИА АН СССР.

[46] П. Д. Либеров. Отчет за 1965 г. Архив ИА АН СССР. Коллекции хранятся в Воронежском областном краеведческом музее.

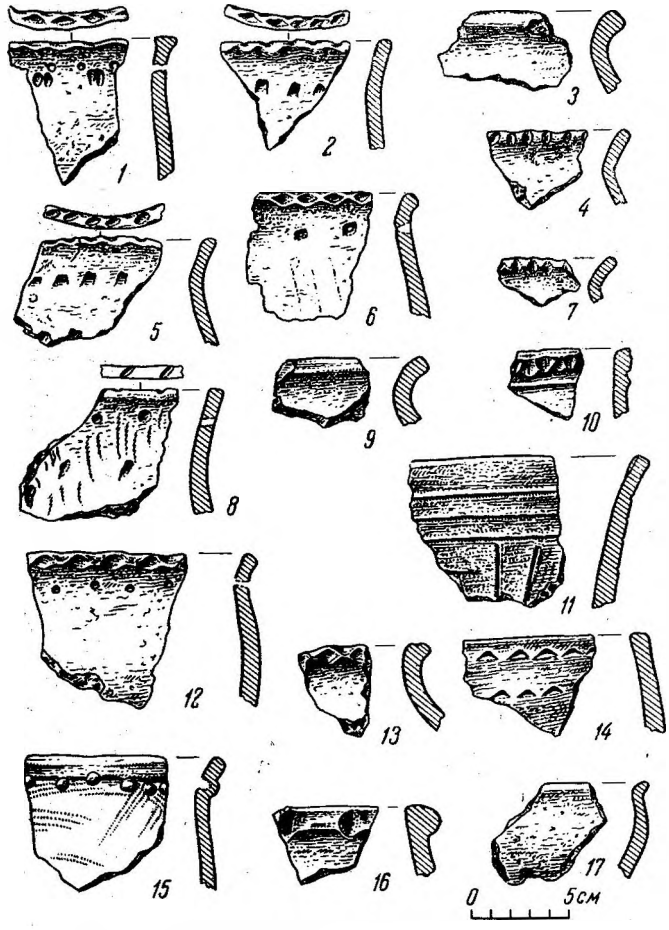


Рис. 3. Лепная керамика. Подъемный материал

1, 2, 5, 6 — поселение у с. Уразово; *3, 4, 7* — городище у дер. Холок; *8* — поселение у с. Шульгинка; *9* — поселение у с. Константиновка; *10* — поселение у с. Спеваковка; *11* — поселение 20 у с. Танюшовка; *12* — поселение у с. Залужное; *13* — поселение на р. Калитва; *14, 17* — поселение у дер. Щедрино; *15* — поселение у с. Костомаровка; *16* — поселение на Северном Донце

и при обследовании правого степного берега Тихой Сосны от с. Алексеевки вниз до г. Лиски во время разведок в 1961—1962 гг., хотя поселения эпохи бронзы там встречались нередко [47].

При просмотре коллекций, собранных С. А. Плетневой, нам удалось выделить очень небольшой материал эпохи раннего железа. Так, например, на правом и левом берегу р. Оскола, обследованных ею в 1958 г. вверх и вниз от г. Валуйки, было обнаружено 46 открытых поселений и городищ; только на двух из них оказались материалы интересующей нас эпохи. Одно из них — городище у д. Холок на правом берегу Оскола, другое — открытое поселение у с. Уразово на левом берегу (рис. 1, *13*, *12*). Следует, однако, заметить, что, несмотря на бесспорность принадлежности этой керамики к эпохе раннего железа, она по облику делится на различные виды.

Так, керамика городища Холок хорошо профилирована и орнаментирована защипами по венчику (рис. 3, *3*, *4*, *7*). Керамика поселения Уразово слабо профилирована, защипы на ней идут главным образом по обрезу венчика, а на шейке имеются оттиски плоской палочкой, поставленной снизу под острым углом, и под венчиком сквозные проколы (рис. 3, *1, 2, 5, 6*).

Отнесение подобного рода керамики к эпохе раннего железа не вызывает сомнений. Однако отмеченные выше различия в орнаментации и форме сосудов указывают, вероятно, не только на хронологические, но и на культурные различия. Нам представляется, что керамика Уразовского поселения хронологически более ранняя, чем керамика городища Холок.

Керамика, подобная керамике Уразовского поселения, нами обнаружена в 1957 г. при раскопках двух поселений — у хут. Шведовки и в устье Оскола (рис. 1, *22*, *23*) [48]. Эта керамика уже тогда нами была выделена в особую группу, отличную от керамики лесостепи в среднем течении Северного Донца эпохи раннего железа, но синхронную ей [49]. На основе формы сосуда и орнаментации мы склонны связывать ее с керамикой бондарихинской культуры (см. карту, рис. 1, *24*), бытовавшей здесь в несколько более раннее время (VIII—VII вв. до н. э.) [50] и известной ныне на р. Оскол в ряде других пунктов (поселения у с. Пришиб, у хут. Большие Базы и у с. Оскол; рис. 1, *19—21*) [51].

В одной из ранее опубликованных наших работ было указано, что керамика этого типа на Северном Донце встречается среди посуды скифского времени [52]. Уже тогда было отмечено, что бондарихинская керамика вошла в керамический комплекс эпохи раннего железа как один

[47] П. Д. Либеров. Отчеты за 1961—1962 гг. Архив ИА АН СССР. Коллекции хранятся в Острогожском краеведческом музее.

[48] П. Д. Либеров. Поселения у хуторов Войновки и Шведовки на р. Оскол. КСИА АН УССР, вып. 11, 1961, стр. 53 и сл.

[49] Там же, стр. 56—58, рис. 3, *16—17*.

[50] В. А. Ильинская. Раскопки поселений бондарихинской культуры у с. Оскол. КСИА АН УССР, вып. 8, 1959.

[51] Д. Я. Телегин. Оскольская экспедиция 1955—1956 гг. КСИА АН УССР, вып. 8, 1959, стр. 78, рис. 5; В. А. Ильинская. Раскопки поселения бондарихинской культуры у с. Оскол. Там же, стр. 80 и сл.; она же. Нові дані про пам'ятки доби бронзи в лівобережному лісостепу. Археологія, т. X. Київ, 1957, стр. 50 и сл.

[52] П. Д. Либеров. Памятники скифского времени бассейна Северного Донца. МИА, № 113, 1962, стр. 71.

из слагаемых элементов. Керамика с поселения Уразово это подтверждает. Следует заметить, что обследованная нами территория по правому и левому берегам нижнего течения р. Оскола на протяжении от с. Красный Оскол (близ г. Изюма) до г. Купянска дала очень мало материала эпохи раннего железа [53]. Из 47 открытых поселений и городищ керамика и отдельные предметы данного времени найдены только на двух поселениях, в том числе на упомянутом выше поселении у хут. Шведовки.

Таким образом, по р. Осколу в отличие от среднего лесостепного Северного Донца памятники эпохи раннего железа сравнительно редки. Но они совершенно не дают савроматской керамики.

По р. Айдар, левому притоку Северного Донца, в 1964 г. С. А. Плетнева зафиксировала 32 поселения. При просмотре материалов с этих поселений удалось обнаружить лишь два обломка венчиков лепной керамики эпохи раннего железа. Один обломок найден на поселении у с. Шульгинка (рис. 1, *9*; 3, *8*), второй — у с. Константиновка (рис. 1, *10;* рис. 3, *9*). Любопытно, что форма, орнаментация, фактура и цвет этих обломков чрезвычайно сходны с керамикой городища (рис. 3, *3*) и поселения (рис. 3, *1*, *2*, *5*, *6*) на р. Оскол, указанных выше.

Спускаясь вниз по левому берегу Северного Донца и по берегам Калитвы, С. А. Плетнева обнаружила 24 поселения. И только на двух из них (рис. 1, *6*, *7*) удалось найти керамику эпохи раннего железа (рис. 3, *13*, *16*). Нет особой надобности детально описывать эту керамику. Раннескифское время ее определяется валиками под обрезом венчика с защипным орнаментом.

Разведками С. А. Плетневой в 1962 г. были обнаружены два городища у с. Костомаровки Подгоренского района Воронежской области. Они расположены на больших и очень высоких мысах правого берега Дона (рис. 1, *17*, *18*). Во время просмотра коллекций, собранных С. А. Плетневой, мы не располагали археологическим материалом с этих городищ. Однако С. А. Плетнева рассказывает, что во время разведок находила керамику с защипами и сквозными проколами под венчиком, что характерно лишь для эпохи раннего железа. Поэтому указанная керамика на большом городище у с. Костомаровки может быть отнесена только к этому времени [54]. Заинтересовавшись данными городищами потому, что они находятся далеко в степи, в междуречье Дона и Северного Донца,

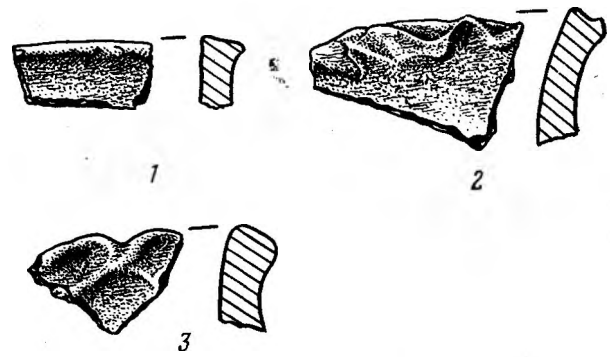


Рис. 4. Лепная керамика с городища у с. Костомаровка
1, *2* — шурф 3, штык 1; *3* — подъемный материал

мы в 1965 г. обследовали самое большое городище и произвели шурфовку его в пяти местах общей площадью в 10 кв. м. Это огромное по площади городище (около 30—35 га) расположено на большом мысе, над высоким обрывом к Дону, имеет широкий обзор поймы, с напольной стороны укреплено невысоким валом и неглубоким рвом. Вся его площадь задернована. Шурфовка показала, что городище очень слабо насыщено находками, главным образом мелкими обломками керамики, которая встречается только в самой верхней части культурного слоя, не глубже 20 см. Вся собранная нами керамика имеет облик, характерный для керамики среднедонской культуры, с защипами по венчику. Для савроматской керамики она не типична (рис. 4, *1—3*).

Кроме этих городищ, С. А. Плетнева обнаружила еще 15 поселений, которые дали очень мало интересного для нас материала. Отметим лишь один обломок венчика, найденный на поселении у с. Залужного, расположенном на правом берегу Дона напротив г. Лиски (рис. 1, *14*). Довольно большой обломок венчика по внешнему краю имеет пальцевые защипы, а ниже — наколы с внешней стороны, а иногда — и сквозные проколы (рис. 3, *12*). По форме, а равно и по цвету поверхности, этот венчик очень близок, почти идентичен обломкам венчиков с поселения у с. Уразово на р. Оскол (рис. 3, *6*).

В 1963 г. С. А. Плетнева обследовала правый берег Дона, от р. Черной Калитвы до г. Серафимович. Здесь было обнаружено свыше 20 поселений и городищ, также лишенных достаточно выразительного материала эпохи раннего железа [55].

Подведем некоторые итоги.

Междуречье Дона и Северного Донца за послевоенный период подверглось серьезному

[53] П. Д. Либеров. Разведки в пойме р. Оскола в 1955 г. КСИА, вып. 83, 1961, стр. 95 и сл., рис. 39, *3*, *4*.

[54] С. А. Плетнева. Отчет за 1962 г. Архив ИА АН СССР, стр. 27.

[55] С. А. Плетнева. Отчет за 1963 г. Архив ИА АН СССР.

обследованию Цимлянской экспедицией (начальник отряда И. И. Ляпушкин), Северодонским отрядом Нижнедонской экспедиции (начальник отряда С. А. Плетнева) и отчасти Лесостепной скифской экспедицией (начальник П. Д. Либеров). В результате этого обследования к небольшому материалу, известному по случайным находкам и только в одном случае полученному в результате специальных раскопок, добавились большие коллекции систематических разведок.

Рассмотренный нами материал эпохи раннего железного века, несмотря на его ограниченность, показывает, что область междуречья Дона и Северного Донца в эпоху раннего железа в течение всего скифского времени, от VIII—VII до III—II вв. до н. э. — была занята племенами, ведущими, по-видимому, кочевой образ жизни. Только этим можно объяснить отсутствие открытых поселений эпохи раннего железа с явными следами культурного слоя. Пребывание населения в том или ином месте обнаруживается лишь по случайным отдельным находкам вещей и чаще всего по лепной керамике.

Наличие городищ на Дону у с. Костомаровки и в других местах не противоречит утверждению о кочевом образе жизни населения междуречья. Более того, для столь большой территории надо предполагать существование значительно бо́льшего количества крупных и хорошо укрепленных городищ, служивших для укрытия как от непогоды, так, вероятно, от набегов соседей. Так, например, систематическое и почти полное обследование поймы р. Битюг, где открыто несколько городищ, позволило прийти к выводу, что эта территория была занята населением, также ведущим кочевой образ жизни.

Любопытно, что на битюгских городищах, как и на костомаровских, почти полностью отсутствует культурный слой, что свидетельствует о спорадическом и весьма кратковременном их использовании[56].

Довольно беглое изучение керамического материала из разведок С. А. Плетневой также показало, что на поселениях встречается керамика эпохи поздней бронзы.

Выше мы отметили типологическую и орнаментальную связь керамики некоторых поселений на Осколе и Айдаре с керамикой бондарихинской культуры. Аналогичная связь, по-видимому, существует и между керамикой поселения у с. Залужного (венчик с защипами и проколами, рис. 3, *12*) и поселения близ с. Костомаровки (рис. 1, *16*; 3, *15*). Два венчика с этих поселений сходны по профилю. Но обломок венчика из Костомаровки отличается от венчика из Залужного отсутствием защипов, заметной штриховкой стенок, особенно с обратной стороны, и несквозными наколами, образующими на наружной стороне горошинки. Такая керамика датируется не ранее первой четверти I тысячелетия до н. э.[57]

Близость этой керамики к керамике бондарихинской культуры мы пока лишь фиксируем, так как не находим на данном этапе изучения убедительного объяснения этого факта.

К позднему, по-видимому, времени относятся и остальные обломки керамики, указанные на нашем рисунке (рис. 3, *10*, *11*, *14*, *17*). Венчик (рис. 3, *10*) с поселения у с. Спеваковки на Айдаре (рис. 1, *8*) имеет серый цвет, ниже венчика — два валика — верхний орнаментирован защипами, а на обратной стороне — штриховое заглаживание в горизонтальном направлении.

Обломки венчиков, показанные на рис. 3, *14*, *17*, найдены на левом берегу Дона (рис. 1, *15*), на поселении 2 у д. Щедрина бывшего Коротоякского района Воронежской области. Один из этих обломков принадлежит миске. Как новый тип керамики миски появляются на Среднем Дону только в эпоху поздней бронзы и получают наибольшее распространение в эпоху раннего железа.

Просматривая материал эпохи бронзы и особенно ее позднего этапа, мы обратили внимание на керамику, которая по форме и по примеси толченой ракушки в тесте относится к абашевской культуре, появившейся на Среднем Дону позднее, чем срубная культура. Мы придаем ей особое значение потому, что она послужила, на наш взгляд, одним из основных компонентов сложения культуры эпохи раннего железа[58].

Ее участие в образовании этой культуры заметно проявляется и в памятниках междуречья Дона и Северного Донца. Напомним один остроребериый сосудик, найденный в 1911 г. В. Н. Тевяшовым при раскопках курганов близ с. Марки Каменского района Воронежской области (рис. 1, *25*)[59].

В материале, собранном С. А. Плетневой, керамика с толченой ракушкой в тесте встречается нередко. Она найдена на поселении у с. Пе-

---

[56] Г. И. Корнюшин. Археологические памятники в Аннинском районе Воронежской области (материалы к археологической карте). См. в кн.: П. Д. Либеров. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964, стр. 174 (карта).

[57] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 93—94, рис. 20.

[58] П. Д. Либеров. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы.

[59] Там же, стр. 113, рис. 46, *1*.

реезжее (рис. 1, *26*), расположенном близ курганов у с. Марки, на поселении у с. Щедрино на левом берегу Дона, к северу от устья Тихой Сосны. В 1964 г. большое количество керамики, в том числе абашевской, а также отдельные вещи были собраны на поселении у с. Копанище Острогожского района [60]. Это поселение расположено над обрывом низкого левого берега Тихой Сосны (рис. 1, *27*).

На Нижнем Дону керамика с ракушкой была найдена С. А. Плетневой в 1963 г. на поселении, расположенном на правой стороне Дона, километрах в 15—20 от ст. Белогорка (рис. 1, *28*).

Аналогичная керамика имеется и на поселениях по р. Айдар (рис. 1, *9*).

Таким образом, в результате изучения известного нам материала на территории междуречья Дона и Северного Донца мы убеждаемся в том, что он не имеет никаких признаков, которые указывали бы на пребывание здесь савроматов. Наиболее характерные черты рассмотренного нами массового материала, прежде всего керамики, указывают на связь с среднедонской культурой и культурой более западных районов эпохи бронзы и раннего железа. И это наблюдается на протяжении многих веков — с VIII—VII до III—II вв. до н. э.

Поэтому мы можем предполагать, что в IV в. до н. э. на территории междуречья Дона и Северного Донца савроматы не селились. Если есть основания локализовать племена сирматов на правом берегу Дона, в междуречье Дона и Северного Донца (что не отрицает и К. Ф. Смирнов), то надо признать, что сирматы не были савроматами, передовым отрядом будущих сарматов.

Из-за недостаточной изученности этого края в археологическом отношении споры об этнической принадлежности сирматов могут продолжаться и дальше. Однако в этом вопросе, по-видимому, следует согласиться пока с Ф. Брауном, который, основываясь на разборе слова «сирматы», писал, что «ввиду всего этого мы возвращаемся к мнению первоисточника, перипла IV в., строго отличающего сирматов от скифов, с одной, от сарматов — с другой стороны, и полагаем, что сирматы действительно не имели ничего общего ни с теми, ни с другими: они составляли крайнюю южную часть финских будинов, и имя их образовано от sürma — суом — sürja, морд. sir-ä, т. е. край, бок (Donner, I, 183), откуда Syria — laiset — зыряне-украинцы» [61]. И далее Ф. Браун писал: «Что финские будины были некогда непосредственными соседями сарматов, доказывается осетинским языком, имеющим ряд слов, заимствованных от финского» [62].

Этому тезису не противоречит топонимия и гидронимия. Угро-финские, в данном случае мордовские, топонимы и гидронимы свидетельствуют, что мордовское население здесь селилось довольно широко. Так, например, на левобережье лесостепного Северного Донца на пространстве между с. Змиевом и г. Изюмом расположена целая группа топонимов и гидронимов: реки Крайний, Средний и Волжский Балыклей и с. Балыклея (тат. балык — рыба, морд.-эрз. лей — река, овраг).

Значительная группа топонимов и гидронимов расположена по течению р. Чир, правому притоку Дона, и по течению других рек междуречья Дона и Северного Донца. Само название р. Чир (морд. чирекрай, чирь — крутой, покатый) находит объяснение в мордовском языке. Кроме того, по правому и левому берегам этой реки имеются такие названия мест, которые могут быть поняты только на основе мордовского языка. В частности, болото Кудиново, Кудинова (морд.-эрз. кудо — дом), хут. Кужной (морд.-эрз. кужо, кужа, гуша — поляна, лужайка), хут. Пичугин, болото Пичугина (морд.-эрз. пиче — сосна), болото Полейская с обычным формантом морд.-эрз. лей — речка, овраг. На р. Камышная, правом притоке р. Польная, впадающей в свою очередь в р. Деркул, с левой стороны есть Яр Помюляйкин тоже с формантом ляй (морд.-мокш.); Яр Кудинов и болото Чирская расположены по течению р. Калитва с левой стороны. Наконец, оз. Кужник и болото Кудиново расположены на правом берегу Дона, между устьями рек Толучеева и Песковатка.

Наличие этой топонимии в сочетании с памятниками материальной культуры, имеющими определенную связь с культурой северного происхождения, проникшей в бассейн Дона в эпоху поздней бронзы, подтверждает положение, выдвинутое Ф. Брауном, об угро-финской принадлежности населения междуречья Дона и Северного Донца в эпоху раннего железа.

[60] Коллекция хранится в школе с. Копанище. В 1964 г. она была нами просмотрена и частично определена.

[61] Ф. Браун. Указ. соч., стр. 86—87.

[62] Там же, стр. 87.

Г. Ф. Дебец

ЧЕРЕПА ИЗ КУРГАНОВ СРЕДНЕГО ПОДОНЬЯ

В результате раскопок на Среднем Дону был собран небольшой антропологический материал. Он относится к эпохе бронзы и к скифскому времени.

Единичные черепа эпохи бронзы не отличаются от ранее опубликованных.

Более интересна небольшая серия скифского времени. Она отличается от ранее опубликованных по форме мозговой коробки. У населения Подонья мозговая коробка округлая. У скифов Поднепровья она обычно удлиненная. Отдельные брахикранные черепа находили, правда, и на Украине. Об этом писал еще К. Э. Бэр [1], отмечая, что брахикранные черепа скифов не имеют монгольских признаков. Но эти черепа не выделялись в особую группу ни по хронологическому, ни по территориальному принципу. Поэтому можно было считать, что они представляют собой случаи индивидуальных отклонений от среднего типа. По отношению к брахикранным черепам скифского времени, найденным на Украине, возможность такого объяснения не опровергается и теперь.

Но в нашей серии брахикранные черепа настолько преобладают, что групповое различие населения Подонья от скифов Поднепровья по этому признаку оказывается вполне реальным, несмотря на малое число наблюдений. Средняя величина поперечно-продольного указателя [2] в Подонье составляет $83{,}2 \pm 1{,}1$, в степной полосе Поднепровья — $75{,}0 \pm 0{,}5$. В лесостепной полосе Поднепровья указатель еще меньше [3]. Различие образуется за счет обоих диаметров: у населения Подонья черепа и короче и шире, чем у скифов Поднепровья (рис. 1). Не следует, однако, делать отсюда вывод, что обе группы различаются по двум независимым признакам. В родственных группах увеличение средней величины одного диаметра обычно сопровождается уменьшением другого.

Раньше антропологи придавали большое значение различиям в форме мозговой коробки. Потом было установлено, что эта форма довольно существенно изменяется иногда на протяжении короткого времени. Часто бывает, что различия в форме головы определяются деформацией, вызываемой различными формами колыбели. Однако наследственный фактор все же играет роль. На черепах скифского времени следов деформации не замечено. Можно поэтому полагать, что население Подонья было в какой-то степени изолировано генетически от скифов Поднепровья, т. е. что браки между представителями обеих групп и, следовательно, обмен генами происходили реже, чем внутри каждой из этих групп.

По форме мозговой коробки население Подонья отличается от скифов Поднепровья тем же, чем и восточные группы населения степи скифского времени (савроматы Поволжья и Приуралья, саки Казахстана и Средней Азии и, наконец, народы скифского времени Алтая и Тувы). Можно ли заключить на этом основании, что брачные связи населения Подонья с савроматами Поволжья были более тесными, чем со скифами Поднепровья? На этот вопрос следует скорее всего дать отрицательный ответ [4].

Во-первых, нельзя не заметить, что брахикрания у населения Подонья выражена еще

[1] K. E. Behr. Beschreibung der Schädel, welche aus dem Grabhügel eines skytischen Königs ausgegraben sind. Archiv für Anthropologie. Bd X, 1878.

[2] Средние вычислены по мужским и женским черепам с поправкой на половой диморфизм. Стандартное уклонение взято среднее для данного признака (3, 2).

[3] Данные из неопубликованной сводки Т. С. Кондукторовой.

[4] По данным разных авторов, суммированным с частью неопубликованных работ В. П. Алексеева, Н. Н. Миклашевской, Т. А. Трофимовой и Б. В. Фирштейн.

резче, чем у всех перечисленных восточных народов скифского времени. Если бы округлая форма мозговой коробки у всех этих народов и у населения Подонья имела общие корни, то население Подонья занимало бы скорее промежуточное, а не крайнее положение. Правда, это заключение действительно лишь при условии, что форма головы не изменялась под влиянием других факторов.

Во-вторых (и это гораздо более существенно), округлая форма мозговой коробки у восточных народов скифского времени сопровождается некоторым уплощением лицевого скелета и некоторым увеличением его размеров по отношению к размерам передней части мозговой коробки. Эти признаки издавна свойственны народам Центральной Азии и Восточной Сибири. Они гораздо более устойчивы, чем форма мозговой коробки. По крайней мере на протяжении пяти тысячелетий в этих признаках не произошло сколько-нибудь существенных изменений. По этим признакам население Подонья и скифы Поднепровья объединяются вместе и отчетливо противопоставляются мезо-брахикранным группам скифского времени Средней Азии и Сибири. Савроматы в соответствии с их географическим положением занимают по этим признакам промежуточное положение (рис. 2).

Брахикрания населения Подонья не свидетельствует, таким образом, об установлении брачных связей с савроматами. У савроматов же, по всей вероятности, действительно проявляется родство с саками Казахстана и Средней Азии. Однако следы более древнего родства со скифами у савроматов не изгладились.

К какому времени относится установление брачной изоляции между населением Подонья и Поднепровья? На этот вопрос можно ответить только в самой предположительной форме. Предшественники населения в Подонье почти неизвестны. Если единичные долихокранные черепа эпохи бронзы Подонья, имеющиеся в нашем распоряжении, отражают характерные черты популяций этой эпохи и если допустить, что население Подонья является потомками своих предшественников на этой территории, то можно с известным основанием утверждать, что изоляция населения Подонья и Поднепровья возникла в скифское же время, а не раньше. Надо, однако, заметить, что округлая форма мозговой коробки встречалась и в эпоху бронзы. Автор этих строк полагал, что эта форма свойственна племенам катакомбной культуры. Позднее выяснилось, что дело обстоит сложнее, но пересмотр всех имеющихся данных еще не произведен.

Если о конечной дате формирования генетического барьера между обеими группами насе-

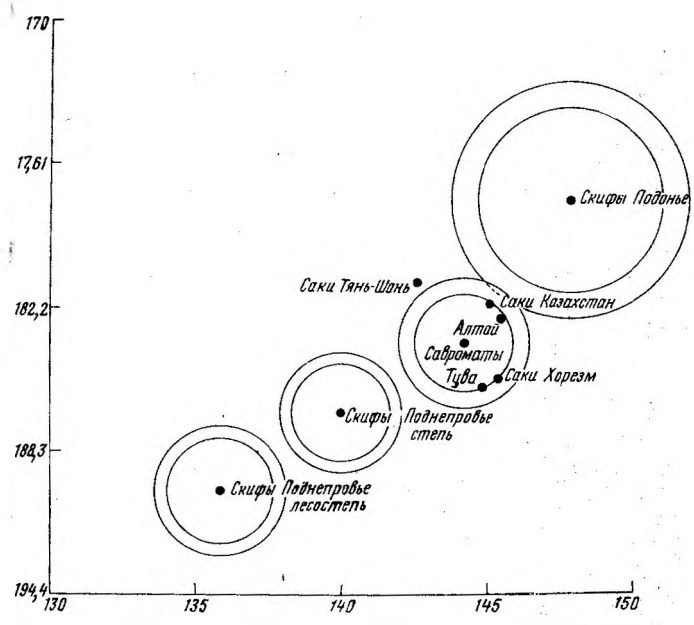


Рис. 1. Средние величины продольного (на оси ординат) и поперечного (на оси абсцисс) диаметров мозговой коробки

Внутренние круги не пересекаются при вероятности разницы 1 : 100 и больше, наружные — при вероятности 1 : 1000 и больше. Чем больше наблюдений, тем круг меньше, т. е. положение центральной точки ближе к истинному

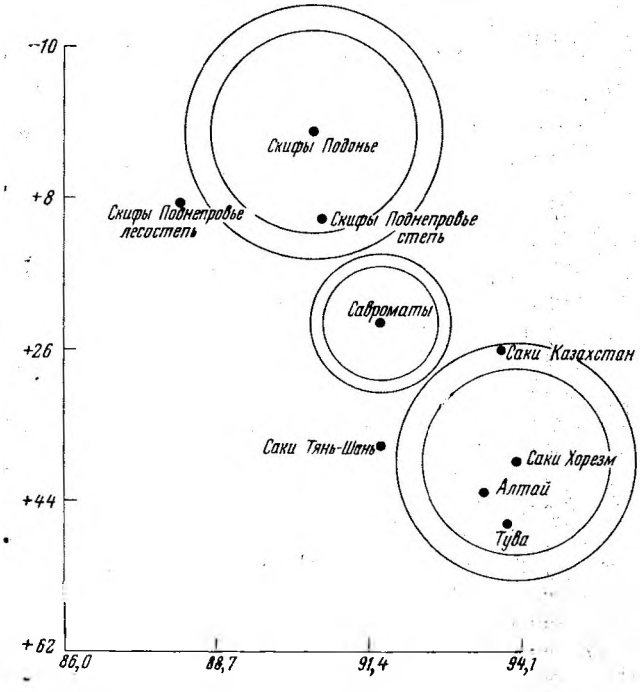


Рис. 2. Средние величины общего показателя уплощенности лица (на оси ординат) и преаурикулярного фацио-церебрального указателя.

Значение кругов см. рис. 1

ления, которое отразилось в различии формы мозговой коробки, можно хотя бы с какой-то долей вероятности предполагать, что она относится к скифскому же времени, то о характере связей в предшествующую эпоху пока нельзя высказать даже предположений. Те общие признаки, которые объединяют обе группы населения, выработались, как сказано, по крайней мере за две тысячи лет до скифов, а скорее всего гораздо раньше.

Приходится признать, что антропологические данные при современном состоянии наших знаний не противоречили бы предположению о том, что между предками обеих групп населения не существовало брачных связей на протяжении жизни десятков поколений задолго до скифского времени. Но для такой гипотезы нет достаточных оснований.

Наиболее вероятной представляется следующая картина.

В предскифское время по отношению к обширному пространству степной полосы, по крайней мере от Поднепровья до западного Казахстана, нет указаний на существование сколько-нибудь значительных генетических барьеров. В начале I тысячелетия до н. э. возникают связи, охватывающие пространство от Центральной Азии до Нижнего Поволжья. Эти связи, однако, не настолько интенсивны, чтобы привести к нивелировке физического типа на всем протяжении данной территории. Можно определенно говорить о движении с востока на запад; движение в обратном направлении возможно, но оно ничем не доказывается. Нет указаний на далекие переселения целых групп людей. Наши наблюдения говорят скорее о «просачивании» более восточного населения в западные районы, которое постепенно ослабевает и к западу от Волги не прослеживается. Между Волгой и Доном намечается генетический барьер. В более западных областях образуется еще один барьер между Доном и Днепром. Генетическое обособление населения Подонья и Поднепровья вызывается, по-видимому, самостоятельными факторами, не имеющими непосредственной связи с факторами, повлиявшими на обособление савроматов от скифов. Скифы Подонья не занимают промежуточного положения между скифами Поднепровья и савроматами; они примерно в равной мере обособлены как от восточных, так и от западных своих соседей.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица

Таблица индивидуальных измерений человеческих черепов из курганов на Среднем Дону

Место раскопок, № кургана, № могилы	Культура	Пол	Возраст	1. Продольный диаметр	8. Поперечный диаметр	17. Высотный диаметр	5. Длина основания черепа	9. Наименьшая ширина лба	32. Угол профиля лба	Надбровье (1–6)	45. Скуловой диаметр
Мастюгино, 42/25, 2	Абашевская	Ж	30—40	181	132	133	100	94	89	2	126
Нижняя Ведуга, 1, 2	Катакомбная	Ж	25—35	182	138+1	—	—	99	91	2	—
Мастюгино, 5/19, 2	Срубная	М	30—40	203	138	—	—	101	82	3	132
Мастюгино, 7/28, 1	Скифская	М	25—30	184	145	135	101	93	73	3	132
Мастюгино, 40/26	»	М	20—25	176	146	133	101	97	82	3	132+1
Мастюгино, 46/29, 1	»	М?	18—20	175	154	130	100	101	77	3	131
Мастюгино, 46/29, 1	»	М	25—30	180	150	136	99	101	78	3	135
Мастюгино, 46/29, 1	»	М	35—45	179	144	137	105	94	79	3	138
Русская Тростянка 1, 18, 1	»	М	35—45	175	142	128	95	100	75	4	134
Русская Тростянка, 12, шт. 4	»	М?	35—45	166	147	—	—	90	—	3	—
Мастюгино, 46/29, 1	»	Ж	20—25	167	145	131	97	94	86	3	132
Мастюгино, 22/10, 2	»	Ж	20—25	180	147	135	102	94	87	2	124
Мастюгино, 22/10, 1	»	?	12—14	162	137	—	—	88	92	3	111
Мастюгино, 42/25, 1	?	М	50—60	189	141	138	105	101	76	6	145
Мастюгино, 42/25, 3	?	М	30—40	175	151	132	104	93	80	4	139
Частые Курганы, 1, шт. 3	?	?	12—14	193	143	135	98	94	89	2	115

А. И. Пузикова

ПОСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ДОНА

До самого последнего времени исследование городищ и поселений раннего железного века на территории Среднего Дона состояло в основном в сборе сведений о них, в кратком описании их внешнего вида и топографии.

В 1873 г. Центральный статистический комитет Русского археологического общества по почину Д. Я. Самоквасова опубликовал сведения о городищах, суммированные в одном из выпусков ЗРАО. Сведения эти отличались чрезвычайной краткостью: не было попытки не только определить их хронологическую и культурную принадлежность, но даже описать внешний вид и размеры памятников [1].

В конце XIX в. обследование некоторых городищ (Архангельского, Большого Сторожевого) производилось членами Воронежской ученой архивной комиссии Л. Б. Вайнбергом [2] и Л. М. Савеловым [3], а в 1905—1909 гг.— А. А. Спицыным и Н. Е. Макаренко [4].

В 1924 г. многие городища были вновь исследованы сотрудником областного краеведческого музея Д. Д. Леоновым. По его сообщению были составлены планы городищ Волошинского, Круглого, Верхне-Покровских, собран подъемный материал, однако все эти коллекции и материалы погибли во время Великой Отечественной войны.

В 1935—1941 гг. Н. В. Валукинский провел большие разведки по берегам р. Воронеж, в результате которых стало известно большое количество поселений эпохи бронзы и раннего железа. Коллекции его сборов также погибли во время Великой Отечественной войны [5].

В 1949—1954 гг. экспедиция Воронежского университета под руководством А. Н. Москаленко проводила на городищах разведывательные работы и небольшие раскопки [6].

Начиная с 1957 г. к систематическому исследованию городищ приступила Воронежская лесостепная скифская экспедиция под руководством П. Д. Либерова.

В 1958—1959 гг. производились раскопки городища у с. Волошино Острогожского района, в 1960 г.— городища у с. Русская Тростянка. В том же году после окончания стационарных работ была предпринята разведка по течению Тихой Сосны для проверки и уточнения данных о городищах, собранных статистическим комитетом в 1873 г. Одновременно было открыто несколько новых памятников.

В 1961 г. на многих городищах (Стрелецком, на двух Верхне-Покровских, у с. Круглого, хут. Городище) были заложены небольшие разведывательные раскопы площадью от 100 до 200 кв. м для выяснения мощности и характера культурного слоя и установления целесообразности проведения дальнейших широких раскопок на этих памятниках.

С 1962 по 1965 г. одновременно с раскопками курганных могильников у сел Мастюгино, Русская Тростянка и Дуровка проводились широкие

[1] ЗРАО, т. VIII, вып. I—II, н. с. СПб., 1896, стр. 286—306.

[2] Л. Б. Вайнберг. Очерк замечательных древностей Воронежской губернии. Воронеж, 1891.

[3] Л. М. Савелов. Расположение курганов и городищ в Коротоякском уезде. Труды Воронежской ученой архивной комиссии, вып. 1, 1902, стр. 118; он же. Коротоякский уезд Воронежской губернии в археологическом отношении. Труды XII АС, т. I. М., 1905, стр. 161, 165.

[4] Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43, 1911, стр. 76—78.

[5] Н. В. Валукинский. Материалы к археологической карте территории г. Воронежа. СА, X, 1948, стр. 291—301.

[6] А. Н. Москаленко. Архангельское (Голышевское) городище. КСИИМК, вып. XLVIII, 1952, стр. 103—106; она же. Раскопки на Архангельском городище в 1952—1953 гг. КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 84—94; А. Н. Москаленко, Д. А. Попов. Волошинское городище Воронежской области. Воронеж, 1961, стр. 167—172.

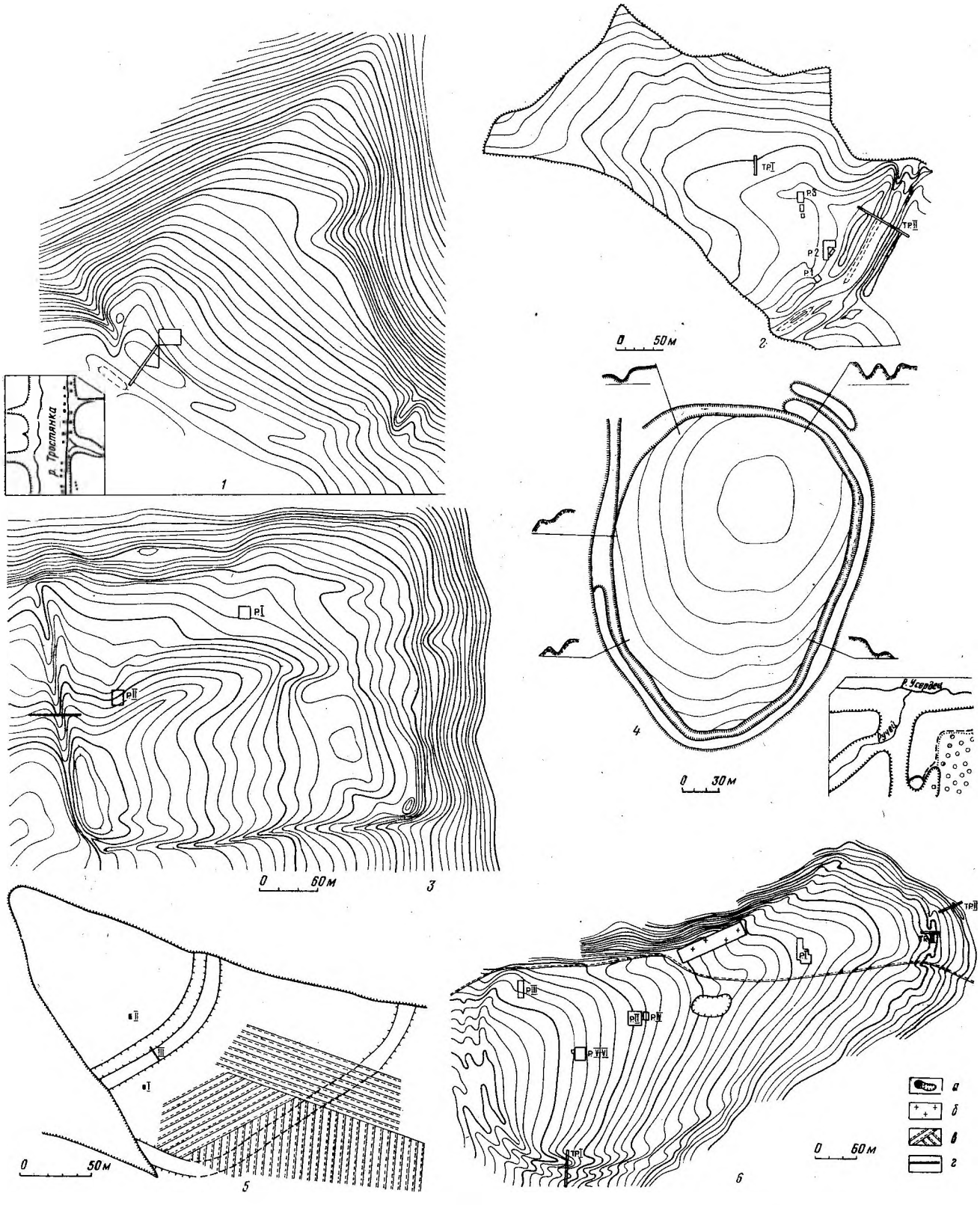


Рис. 1. Планы городищ

1 — у с. Русская Тростянка; *2* — у с. Большое Сторожевое; *3* — у хут. Городище (Кировское); *4* — у с. Стрелецкое; *5* — у хут. Мостище; *6* — у с. Волошино

а — песчаный карьер; *б* — современное кладбище; *в* — пашня; *г* — место нивелировки валов и рвов Кировского городища

работы по изучению культурного слоя и оборонительных сооружений на городищах Большом Сторожевом и Волошинских.

В настоящее время известно свыше полутора десятков поселений и 18 городищ, расположенных к югу от г. Воронеж, на среднем течении Дона и его правых притоках Потудани и Тихой Сосне[7].

По топографии все городища довольно однообразны: они расположены на высоких отрогах коренного берега или мысах, с двух или трех сторон, ограниченных реками, оврагами или логами. С напольных сторон городища, как правило, укреплены одним, двумя или тремя (Большое Сторожевое) валами и рвами (рис. 1, *1—6*). Наиболее сложным по устройству является городище Архангельское, укрепления которого неоднократно исследовались и описывались.

Можно отметить некоторое своеобразие в устройстве укреплений на городищах у хут. Мостище, сел. Верхняя Покровка, Круглое и Стрелецкое. Городища у хут. Мостище (рис. 1, *5*) и с. Верхняя Покровка, расположенные на небольших мысах треугольной формы, с напольной стороны отгорожены валом и рвом. Вторая линия укреплений находится почти в середине мыса, ближе к его узкому краю, и состоит тоже из вала и рва, причем второй ров расположен перед валом, со стороны мыса. Очевидно, такое положение рвов можно объяснить тем, что основной используемой площадью была площадь в пределах валов. На городище у с. Круглого дополнительный вал пересекает площадь городища поперек, разделяя его на две почти равные части. Рва у вала не прослеживается; назначение его неясно.

Стрелецкое городище, расположенное на высоком четырехугольном мысе, со всех сторон окружено валом и рвом, а с северной, напольной, стороны — двумя валами и рвами. Вал устроен на склонах мыса, а ров — с внутренней стороны, между валом и площадкой городища так, что площадь городища оказывается выше вала. По существу вал является естественным возвышением, образованным крутым склоном мыса с внешней стороны и искусственным рвом — с внутренней (рис. 1, *4*).

Устройство оборонительных сооружений было прослежено на трех городищах: Волошино 1, у сел Русская Тростянка и Большое Сторожевое.

На Волошинском 1 городище укрепления были исследованы в трех местах траншеями длиной 40, 36 и 26 м, шириной 1,5 м.

Траншея I была заложена в 1958 г. в юго-западной части городища, в том месте, где валы и рвы меньше всего подвергались распашке и были лучшей сохранности. Раскопки показали, что первый, внутренний, вал был насыпан на древнем черноземном слое (рис. 2, *3*). Насыпь его состояла из слоев выброшенной из рва материковой глины, чередовавшейся со слоями той же глины, перемешанной с черноземом. Видимо, такое чередование слоев являлось своего рода субструкцией, препятствовавшей оползанию вала. Вершина вала состояла из черноземной земли, которую, вероятно, брали с внутренней части городища, в результате чего около вала с внутренней стороны образовалась канавка шириной до 2 м, глубиной до 0,5 м.

Сейчас высота вала от уровня древнего горизонта равна 2 м. В древности вал был значительно выше, о чем свидетельствует мощный слой чернозема, оползшего с внешней и внутренней сторон вала. Ширина вала по подошве должна равняться 8—9 м, судя по прослойке нетронутого чернозема в его основании.

Второй вал был ниже и проще по конструкции. Насыпь его состояла из материковой, выброшенной из рва глины, лежащей на слое погребенной почвы. Сейчас высота второго вала от уровня древнего горизонта равна 1—1,2 м, ширина по подошве до начала рва — 9—10 м.

Ров, вырытый между двумя валами, имел глубину 4 м от уровня древнего горизонта. Ширина его по верху равнялась 8—9 м; стенки рва довольно круто спускались вниз. Заполнение состояло из глины, чернозема и глины, перемешанной с черноземом. В профиле рва прослеживается одна конструктивная особенность: на внутреннем склоне рва имеется прослойка светлой, хорошо промешенной глины, представлявшей собой, видимо, специальную обмазку, созданную строителями укрепления для усиления обороноспособности городища.

Траншеи II и III, заложенные в северной части городища, выявили аналогичное устройство внутреннего вала (рис. 2, *4*, *5*), насыпь которого состояла из прослоек чернозема, материковой глины и меловой крошки. Ширина вала по подошве равна 9—10 м; современная высота его — 2 м. Ров, примыкающий к внутреннему валу, имел ширину по верху 8,5 м, глубину от поверхности древнего горизонта —4—4,5 м, от современной вершины вала — 6—6,5 м. Внутренний склон рва также, видимо, был обмазан слоем материковой глины, которая впоследствии оползла на дно рва, а на склоне сохранились лишь ее следы.

[7] На Дону — городища Архангельское (Голышевское) и Большое Сторожевое. На р. Потудани — городища у хуторов Мостище, Аверино. В бассейне Тихой Сосны — у сел Волошино и Русская Тростянка, у хут. Городище (Кировское), городище Лесное, у сел. Круглое, Стрелецкое, Верхняя Покровка (два городища), Шубное.

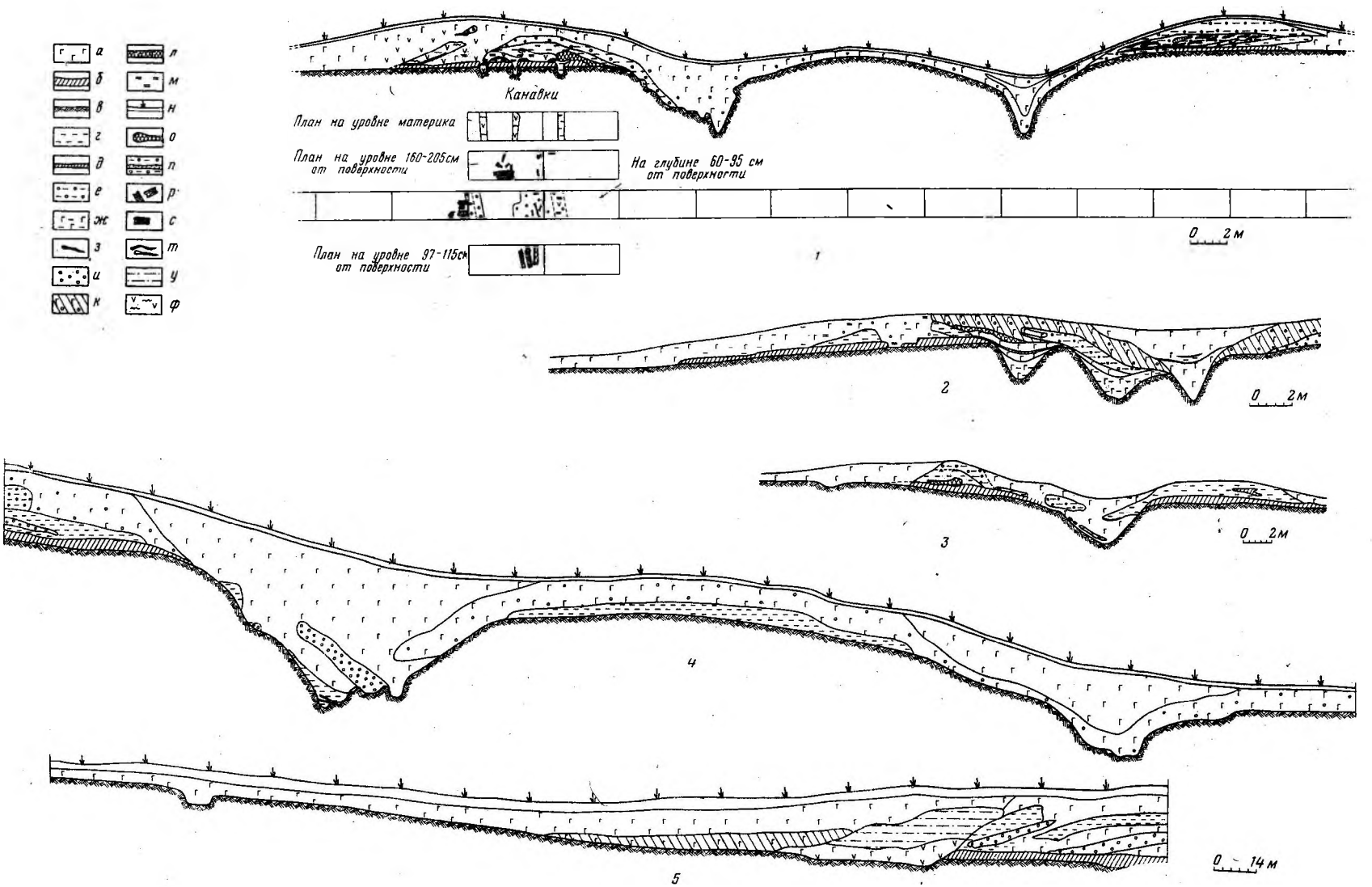


Рис. 2. Разрезы валов и рвов городищ

1 — у с. Большое Сторожевое; *2* — у с. Русская Тростянка; *3* — городище Волошино 1, юго-западная часть (траншея I); *4, 5* — городище Волошино 1, северо-восточная часть траншеи II—III)

а — структурный чернозем; *б* — погребенная почва; *в* — материковый грунт; *г* — глина; *д* — глиняная прослойка; *е* — мешаный грунт; *ж* — чернозем с материковой глиной; *з* — прослойки угля; *и* — мел; *к* — глина оранжевая с мелом и черноземом; *л* — чернозем с красной глиной; *м* — обожженная глина; *н* — дерновый слой; *о* — прослойка чернозема; *п* — мел с суглинком и красным песком; *р* — дерево; *с* — горелое дерево; *т* — прослойки угля и древесного тлена; *у* — суглинок; *ф* — зола и уголь

По дну рва проходили три параллельные канавки, углубленные в материк на 0,20, 0,30 и 0,50 м, шириной 0,25 — 0,40 м. Канавки проходили, видимо, по всему рву. Назначение их неясно.

Второй, внешний, вал был обнаружен там, где при обследовании городища был зафиксирован лишь эскарп.

Насыпь второго вала состояла из двух слоев: суглинка с примесью меловой крошки и слоя материковой глины в основании вала. Слой погребенной почвы в профиле второго вала прослежен не был, видимо, он был специально срезан при строительстве укреплений. Современная высота вала 1,5 м; ширина по подошве — 1,05 м.

Наружный ров, расположенный за вторым валом, имел глубину 5 м от современной вершины второго вала и 3,50 м — от уровня древнего горизонта; ширина рва по верху 9 м; склоны рва уступчатые.

Находки (лепная керамика, пряслица) были обнаружены в засыпке рва и насыпи вала только в траншее I, т. е. в юго-западной части городища. В северо-восточной части (траншея II) находки встречались лишь в первых трех-четырех штыках заполнения рва. В насыпи вала и под валом (в слое древнего чернозема) в этой части городища находок обнаружено не было. Возможно, что городище возникло на открытом поселении, которое было значительно меньше по размерам и занимало лишь юго-западную часть городищенской площади.

Вторым городищем, где были исследованы оборонительные сооружения, является городище у с. Русская Тростянка (рис. 2, *2*). Городище в литературе нигде не упоминается. Открыто оно было разведками Воронежской экспедиции в 1958 г. Городище расположено на правом берегу ныне пересохшей речки Тростянки, левого притока р. Тихой Сосны. Оно занимает треугольный мыс, ограниченный с восточной и северо-западной сторон поймой р. Тростянки и Поповым Логом; с напольной стороны городище укреплено валом и рвом.

В юго-западном и юго-восточном его концах сохранились остатки второго вала, центральная часть которого распахана. Основной вал сохранился довольно хорошо; сейчас высота его достигает 2,5 м. На поверхности его видны крупные комья сильно обожженной глины красно-оранжевого цвета [8].

Исследование вала было произведено в северо-западном углу городища траншеей длиной 36 м, шириной 1,5 м (рис. 1, *2*). Вал обычной конструкции, насыпанный на слое древнего дернового слоя, имел высоту до 2 м и состоял из слоя материковой глины (выброс из рва) и слоя чернозема, перемешенного с обожженной глиной и меловой крошкой.

При исследовании рва было выявлено несколько строительных периодов в сооружении укреплений. Вместо одного рва, прослеживаемого на поверхности, при разрезе их оказалось три, последовательно идущих один за другим (рис. 2, *2*). Скос в первый ров начинался сразу же от подножия вала. Глубина его от вершины современного вала равна 7 м, от уровня древнего горизонта — 2 м. Слои в заполнении вала показывают, что по истечении какого-то срока ров заплыл черноземом и материковой глиной с вершины вала и тогда на его месте был расширен вал, а рядом выкопан другой ров, более широкий и глубокий. Следующее расширение вала произошло после заплыва второго рва. Третий ров, сменивший два первых, был глубже их и имел очень крутые склоны. Заплыл он, видимо, позже, когда городище как укрепленное поселение перестало существовать. Заполнение его состоит из чернозема, затекшего с напольной стороны и вершины вала. Определить хронологическую последовательность в строительстве рвов не представляется возможным. Материал (лепная керамика) встречался только в тех квадратах, которые заходили на территорию городища до вершины вала. Насыпь вала, слой древнего чернозема и заполнение рвов находок не содержали. Вполне возможно, что валы городища были сооружены на незаселенном месте.

И, наконец, наиболее мощную и весьма интересную систему оборонительных сооружений имело городище Большое Сторожевое. Городище расположено на левом берегу Дона, на высоком и длинном мысе, с двух сторон ограниченном глубокими оврагами и Доном. Площадь его достигает 6—7 га. С северо-восточной, северо-западной и юго-западной его сторон в овраге и к реке склоны мыса очень круты и очень трудны для подъема на городища; с напольной, юго-восточной, стороны городище укреплено тремя валами и двумя рвами (рис. 1, *1*).

---

[8] Такой прием, неоднократно отмечавшийся на городищах лесостепной Украины, исследователи объясняли тем, что насыпь вала специально обжигали, для того чтобы придать ей большую прочность. См.: В. А. Ильинская. Памятники скифского времени в бассейне р. Псел. СА, XXVII, 1957, стр. 243; И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. МИА, № 104, 1961. На наш взгляд, более убедительным является объяснение Б. А. Шрамко, который считает, что обожженная глина получилась в результате пожара деревянной оборонительной стены, входившей в конструкцию вала. Б. А. Шрамко. Древности Северского Донца. Харьков, 1962, стр. 191.

Исследование валов и рвов траншеей было произведено в юго-восточной части городища, там, где укрепления лучше сохранились.

Первый вал достигал высоты 2,35 м от современной вершины до уровня древнего горизонта. Ширина его, судя по полосе дернового слоя в основании вала, равнялась 12—14 м (рис. 2, *1*). Профиль первого вала позволяет предположить, что эти мощные сооружения были созданы, видимо, в два приема. Первым оборонительным укреплением являлось деревянное сооружение, от которого в подошве вала сохранились три канавки, расположенные на расстоянии 1,30 и 2,20 м друг от друга. Ширина канавок 0,35—0,45 м; глубина —0,65—0,80 м, дно их плоское. Канавки были заполнены золой глиной, угольками. Они тянулись, видимо, по всему периметру вала. Сейчас очень трудно сказать что-либо определенное о конструкции сооружения: какой оно было высоты, имело ли сверху перекрытие, было ли пространство между стенами заполнено землей или оставалось пустым. Скорее всего оно представляло собой три мощные параллельные стены из дубовых бревен [9], укрепленных при помощи вертикальных столбов с перекрытием сверху. Впоследствии сооружение это было сожжено или самими жителями городища или в результате нападения противника, о чем свидетельствует слой золы, угля и обуглившегося дерева, обнаруженного в насыпи вала над канавками.

Сооружение валов и рвов относится ко второму строительному периоду. Землю для насыпи первого вала брали как из рва, так и с территории городища, откуда в насыпь вала и попали находки керамики. С внешней стороны вала на слое погребенной почвы лежит слой чернозема, взятый с поверхности первого рва; затем слой зеленоватой глины из рва и наверху — материковый мел, перемешенный с глиной и черноземом.

Скос в первый ров начинался непосредственно от подошвы вала. Ширина рва равна 6 м; глубина от уровня древнего дерна —4 м. Внутренний склон вала был более пологим и имел уступы, созданные, видимо, для удобства работы и впоследствии засыпанные.

Второй вал представлял собой меловой материковый останец, образовавшийся при рытье рвов. Никаких насыпных прослоек над вершиной вала не было обнаружено. Не прослеживался и слой древнего дерна: он или был намеренно срезан жителями городища при строительстве укреплений, или при малой толщине незаметно сливается с современным черноземом.

[9] Определение породы дерева произведено Г. Н. Лисицыной.

Второй ров шириной 6—7 м и глубиной 4—4,5 м (от уровня погребенной почвы третьего вала) имел пологие сверху склоны, которые ко дну резко сходились, давая клиновидное сечение рва.

Третий вал, сооруженный за пределами второго рва, насыпан из земли, взятой из второго рва. Насыпь, лежащая на слое погребенной почвы, состоит из чередующихся прослоек зеленой глины, меловой крошки, красного песка и суглинка, перемешанного с меловой крошкой. В своем первоначальном виде вал не был столь внушительным, как первый вал. Сейчас высота его равна 1,5—1,7 м, ширина по подошве 9—10 м.

Находки в валах и рвах немногочисленны и маловыразительны: лепная керамика и кости животных. Найдены они в основном в квадратах, приходящихся на площадь городища и насыпь вала, куда они попали с черноземом культурного слоя. Не найдено вещей, определяющих дату постройки укреплений. Можно предположить, что первый строительный период — возведение деревянных стен — относился к наиболее раннему времени, зафиксированному на городище,— VI—V вв. до н. э. Отметим, что характер оборонительных сооружений городища находит аналогии в системе укреплений городища Кузина Гора, датируемых тем же временем [10].

ЖИЛИЩА

Из-за слабой изученности поселений до последнего времени ничего не было известно о характере жилых построек. В результате исследований последних лет раскопано несколько жилищ, которые дают возможность выделить несколько их типов.

I тип. В 1952—1953 гг. экспедицией Воронежского университета под руководством А. Н. Москаленко на Архангельском городище впервые была обнаружена столбовая или частокольная постройка площадью около 170 кв. м, имитацией которой являются, видимо, погребальные камеры курганов лесостепи [11].

II тип. Этот тип представлен двумя жилищами, обнаруженными также А. Н. Москаленко

[10] А. Е. Алихова. Древние городища Курского Посеймья. МИА, № 113, 1962.

[11] Подробное описание постройки дано в статье: А. Н. Москаленко. Раскопки на Архангельском городище в 1952—1953 гг., стр. 89, рис. 35. Аналогии см.: С. Н. Замятнин. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем. СА, VIII, 1946, стр. 14; П. Д. Либеров. Отчеты Воронежской экспедиции за 1958—1962 гг. Архив ИА, д. 1726, 1871, 2118, 2258, 2489; В. Г. Петренко. Культура племен правобережного Среднего Приднепровья в IV—III вв. до н. э. МИА, № 96, 1961, стр. 63, 80, 86.

на поселении Титчиха 1. Подобный тип встречен впервые. Жилища необычны не только удлиненной формой, но и оригинальной конструкцией, сочетающей в себе черты наземных жилищ и полуземлянок [12].

III тип. Этот тип, видимо, был преобладающим на поселениях и городищах, он представлен легкими наземными постройками с плетеным каркасом, слегка углубленным в грунт, и стенами, обмазанными глиной. Обычно о наличии таких жилищ свидетельствуют многочисленные куски глиняной обмазки со следами прутьев и примесью рубленой соломы (рис. 3, *11—14*), а также разрушенные очаги и хозяйственные ямы. Остатки двух жилищ этого типа удалось отчетливо проследить на городище Волошино 1 в 1958 г.

Жилище 1 (рис. 4, *1*) было обнаружено в северо-восточной части городища. В плане оно представляет собой неправильной формы прямоугольник площадью 13,5 кв. м (4×3,4 м). Пол жилища слегка углублен в материковый грунт (до 0,20 м). Судя по ямкам, прослеженным в северной, юго-восточной и юго-западной стенках, постройка имела столбовую опору. Ямка в центре могла быть использована для центрального опорного столба. Вход в жилище находился, по-видимому, с северо-восточной стороны. В пределах жилища очага не оказалось: либо постройка носила легкий летний характер и не требовала специального отопления, либо очаг располагался за пределами жилища (в процессе раскопок вокруг него на грунте было обнаружено несколько очагов в виде пятен обожженной глины).

Жилище 2 (рис. 4, *2*) обнаружено в той же части городища. В плане оно представляет собой неправильный вытянутый прямоугольник площадью более 8,5 кв. м (3,6—3,4×2,4 м), ориентированный по линии юго-запад—северо-восток. Пол жилища углублен в грунт на 0,10—0,15 м. Вход в жилище находился в северо-восточной стенке; очаг, состоящий из слоя хорошо обожженной глины толщиной 0,12—0,15 м, был расположен в юго-западном углу и выдвинут за пределы жилища. Размеры очага 1,00 × 0,80 м. Второй очажок, меньшего размера (0,45 × × 0,50 м), был обнаружен у западной стены помещения; у южной стены недалеко от углового очага лежала кучка желтой глины; назначение которой неясно.

Вокруг жилищ на площади раскопа было обнаружено несколько очагов в виде круглых и овальных пятен обожженной глины толщиной 0,10—0,15 м, диаметром от 0,40 до 1,20 м и две хозяйственные ямы диаметром 1,40 × 0,60 м, глубиной 0,25 и 0,70 м. Были ли они связаны с описанными постройками или относились к другим сооружениям, не оставившим следа, сейчас сказать трудно.

IV тип. К этому типу относится жилище 3 (рис. 5), обнаруженное в центральной части Волошинского 1 городища в 1959 г. Оно представляет собой жилище полуземляночного типа, углубленное в материковый грунт на 0,75—0,85 м. В плане имеет грушевидную форму, вытянутую по оси север — юг, площадь его достигает около 150 кв. м (14 × 11 м). Пол землянки неровный, когда-то имел глиняную обмазку. В южной части жилища обнаружен овальный выступ, отделенный от основного помещения двумя перемычками, расположенными друг против друга, высота равна 0,30—0,32 м. Площадь выступа около 12 кв. м (4 × 3 м), глубина от уровня материка —0,40—0,45 м. Можно предположить, что выступ являлся помещением, имевшим хозяйственное назначение.

В центральной части жилища было найдено три очага, расположенных в юго-восточной части помещения и у его западной стенки. Все они представляют собой площадки обожженной глины различной толщины, с примесью угля и золы, углубленные в грунт (очаг 1) или расположенные выше него (очаг 2). Наиболее крупным является очаг 3. Обнаружен он на глубине 0,35 м от поверхности. Очаг представлял собой пятно обожженной глины с примесью угля и золы. Длина его 1,5 м, ширина —1 м, толщина — до 0,35—0,40 м. Слой обожженной глины толщиной 0,10—0,15 м был углублен в пол помещения. В очаге обнаружены фрагменты лепной керамики.

Рядом с очагом 3, на расстоянии 0,40—0,50 м к северо-западу от него, находилась яма. Диаметр ее равен 1 м, глубина от пола жилища — 0,65 м. На глубине 0,05 и 0,25 м с южной и восточной сторон имелись небольшие уступы. Судя по заполнению (чернозем с углем, золой и битой керамикой, фрагменты которой иногда склеиваются с обломками из очага), это была околопечная яма для ссыпания золы.

Две другие ямы, обнаруженные в жилище диаметром 0,65—0,70 м и глубиной 0,15—0,25 м, были заполнены черноземом без находок. Назначение их неясно. В центральной части жилища, ближе к восточной стороне, было обнаружено большое, овальное в плане возвышение желтокрасной глины, представляющее собой материковый останец. Возвышение вытянуто по линии север — юг, длина его 2,6 м, ширина — 1,4 м. Обнаружено оно было на глубине 0,50 м, т. е. сразу же под культурным слоем. Западная

[12] Описание жилищ см. ниже в статье А. Н. Москаленко и А. Д. Пряхина «Поселения раннего железного века у хут. Титчиха», стр. 96, сл.

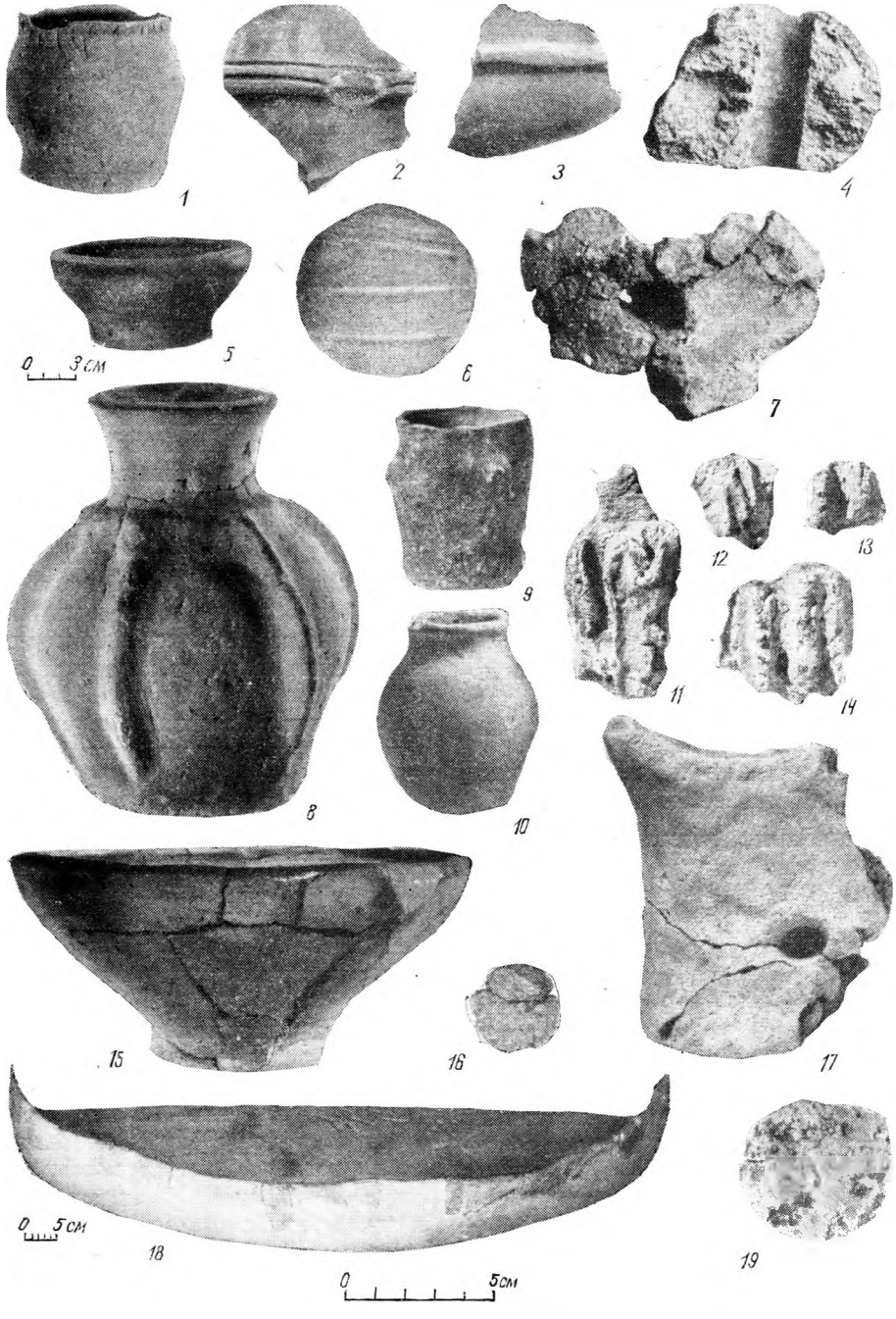


Рис. 3. Глиняные изделия с городищ

1, 5, 8—10, 15 — лепные сосуды; *2, 3* — фрагменты лепных кувшинов с налепами; *4* — глиняное грузило; *6* — кружок из стенки лепного сосуда; *7* — задвижка горна с отверстиями для сопел (?); *11—14* — глиняная обмазка со следами прутьев; *16, 19* — глиняные лепешки; *17* — «рогатый» кирпич; *18* — жертвенник (реконструкция)

1, 9 — Русская Тростянка; *2, 3, 11, 17* — у с. Кировское; *4, 7* — Большое Сторожевое; *5, 6, 12—14, 16* — Волошино 1; *8, 10, 18, 19* — Круглое

стенка останца довольно круто опускается к полу; с восточной и юго-восточной сторон стенка более пологая, видимо, вследствие оползания глины. С юго-восточной стороны пятно смыкается с очагом 1.

Сказать что-либо определенное о назначении этого останца не представляется возможным. Учитывая его довольно внушительные размеры (3,6 кв. м) и центральное положение среди очагов, можно предположить, что он служил своего рода столом для обитателей всего жилища.

Большой интерес представляет полоса материковой глины, идущая вдоль всей восточной стенки полуземлянки. Ширина полосы 1—2,5 м, глубина залегания от поверхности различна: от 0,20 до 0,35 м (культурный слой за пределами полосы имел глубину 0,55—0,60 м). Каково было назначение этой полосы, сейчас сказать трудно. Видимо, она входила в конструкцию помещения и могла использоваться в качестве нар. Вход в жилище шириной более 2 м находился в южной стороне.

Вокруг описанного жилища, особенно с юго-западной и юго-восточной сторон, было обнаружено несколько очагов и ям. Поскольку на всех других городищах очаги единичны, а на Волошинском они представлены наиболее полно, здесь можно выделить несколько типов очагов.

I тип. Площадки обожженной глины различных форм и размеров, возвышающиеся на 0,10—0,40 м над уровнем грунта (рис. 5, *2*, *3*, *7*, *9*, *10*). Очаги этого типа встречаются и на других городищах: Русская Тростянка, Большое Сторожевое.

II тип. Площадки обожженной глины, углубленные в грунт на 0,10—0,40 м, в специально вырытые для этой цели ямки (рис. 5, *1*, *4*, *5*, *8*). Наиболее интересным очагом этого типа является очаг 4 (рис. 4), раскопанный около жилища 3 городища Волошино 1. Очаг был обнаружен на глубине 0,30 м от поверхности и представлял собой площадку обожженной глины неправильно-овальной формы, вытянутой по линии северо-запад — юго-восток, длиной 2 м, шириной 1,4 м. Слой очажной глины на 0,10 м возвышался над материковым грунтом и на 0,20 м углублялся в него. Под слоем глины была расположена яма, которая на глубине 0,40 м от материка разделялась на две неравные части. Диаметр всей ямы 1,2 и 0,60 м, глубина — 0,30 и 0,50 м. Обе ямки были забиты жженой глиной, углем, золой и обломками керамики. Там же были найдены три пряслица. Очевидно, вначале на этом месте существовало два очага в ямках, которые впоследствии были соединены при помощи одной общей ямы и сверху замазаны слоем глины.

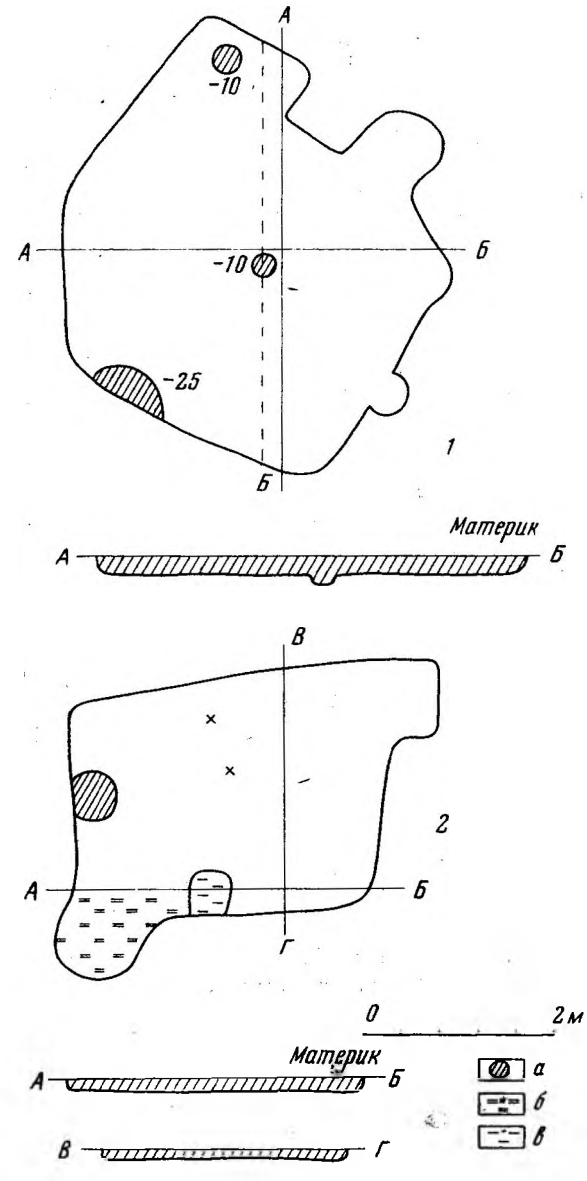


Рис. 4. Городище Волошино 1. Планы и разрезы жилищ типа III

1 — жилище 1; *2* — жилище 2

а — столбовые ямки; *б* — обожженная глина; *в* — глина; крестиками обозначены находки лепных горшочка и миски

III тип. Очаг представляет собой слой обожженной глины, лежащей на выкладке из прокаленных камней, углубленных в грунт. Очаги такого типа встречаются наиболее редко (очаг 6 у жилища 3 на городище Волошино 1, рис. 5).

Характерной чертой поселений является наличие довольно большого количества ям различного диаметра и глубины, вырытых в материке. Судя по заполнению, назначение их различно. Они могли быть мусорными: заполнение их в

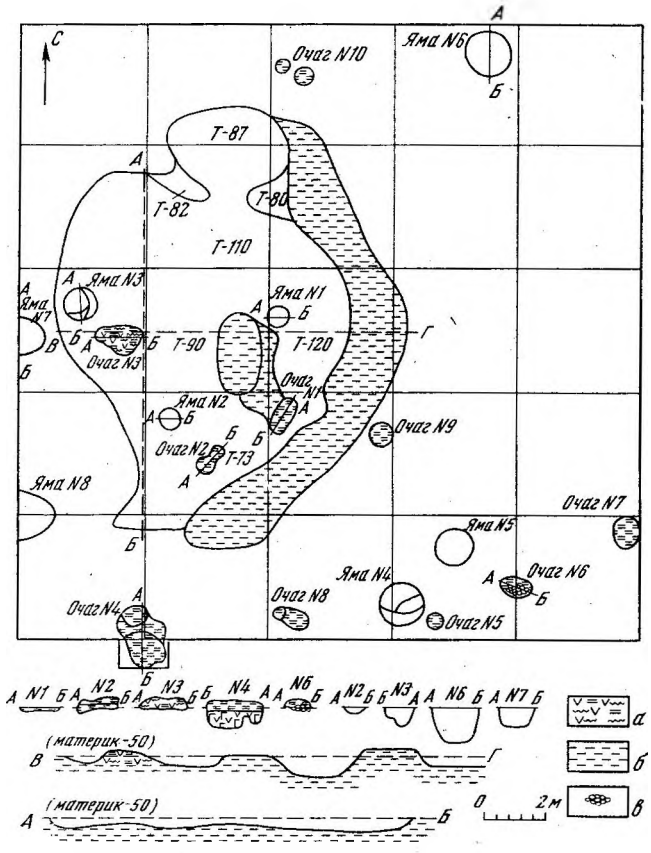


Рис. 5. Городище Волошино 1. План полуземляночного жилища (тип IV), разрезы очагов и ям

а — зола, обожженная глина, уголь; *б* — глина; *в* — каменная вымостка очага

таких случаях состоит из золы, битой керамики, костей животных, угольков. Таких ям большинство. Другие ямы заполнены культурным слоем с небольшим количеством керамики или без нее. Эти ямы имели, видимо, хозяйственное назначение и могли использоваться как погреба и зернохранилища. К таковым относится яма, обнаруженная на городище у с. Круглого, на раскопе I. Диаметр ямы равнялся 1,20×1,10 м, глубина — 1,56 м. Она была вырыта в материковом суглинке; дно ее доходило до подстилающего мелового слоя. Борта ямы — ровные, хорошо обработаны. В западной стенке ямы обнаружены два уступа, а в южной — небольшой подбой. Ко дну яма суживалась до 0,72—0,60 м. В заполнении встречено небольшое количество керамики и костей животных.

Из восьми ям, обнаруженных у жилища 3 на Волошинском 1 городище, три находились внутри него и описаны выше. Из пяти остальных только две (четвертая и пятая) дали обычный городищенский материал: лепную керамику, кости животных, камни, обломок железной проволоки. Заполнение и расположение этих ям среди очагов явно говорят о том, что они предназначались для выбрасывания мусора. О назначении трех остальных ям без находок трудно сказать что-нибудь определенное.

В одной из ям, обнаруженных при раскопках городища у с. Русская Тростянка в 1960 г., на дне была обнаружена каменная зернотерка.

Из сказанного можно сделать следующие выводы. Основными типами жилых построек на всех памятниках являются легкие наземные жилища, плетеный каркас которых сверху обмазывался глиной, и жилища полуземляночного типа, одно из которых обнаружено на городище Волошино 1. Жилища таких типов были распространены с древних времен на широких пространствах всей Восточной Европы [13].

Жилища со столбовой конструкцией и сочетающие в себе черты наземных жилищ и землянок, раскопанные А. Н. Москаленко (I и II типы), относятся, видимо, к местным типам жилищ и в других местах не встречаются.

Применялся ли камень при строительстве жилых и хозяйственных построек, сказать трудно, хотя разрозненных камней при раскопках встречается довольно много. В раскопе I на городище у с. Круглого, располагавшемся у внутренней стороны вала, скопления камней и отдельные камни занимали бóльшую часть раскопа. Проследить какую-либо систему в их расположении было невозможно, но, судя по большой насыщенности культурного слоя керамикой и глиняной обмазкой, расположению очага, ямы и находке целых сосудов среди скоплений камней, едва ли можно исключить предположение о том, что развалы камней остались от жилищ.

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

Бóльшая часть исследованных поселений является однослойными памятниками, относящимися к эпохе раннего железа. На некоторых из них встречаются слои и отдельные случайные находки, относящиеся к эпохам от неолита до позднего средневековья (на городищах Архангольском, Большом Сторожевом, у хут. Мостище, у с. Русская Тростянка и т. д.).

[13] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 60—63; Н. Н. Погребова. Позднескифские городища на Нижнем Днепре. МИА, № 64, 1958, стр. 242; Б. А. Шрамко. Древности Северского Донца, стр. 184—185; Г. Т. Титенко. Розкопки нам'яток скифського часу на Пастирському городищі. АН УРСР, VI. Київ, 1956, стр. 53; Б. А. Шрамко. Новые поселения и жилища скифского времени в бассейне Северного Донца. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 105 и сл.

Мощность культурного слоя поселений и городищ невелика — от 0,40 до 0,80 м. На раскопах, располагавшихся вблизи валов, за счет оползания земли с вала она увеличилась до 1—1,20 м.

Основную массу находок бытового материала, как и везде, составляет глиняная посуда. Прежде чем перейти к ее характеристике, необходимо отметить ее однотипность для всех поселений, вследствие чего она может рассматриваться как единый комплекс[14].

Обитателям среднедонских поселений и городищ не было известно применение гончарного круга. Поэтому вся местная керамика производилась вручную жгутовой техникой. После соединения жгутов поверхность сосуда сглаживалась, так что места соединения жгутов незаметны. Формовка сосудов начиналась со дна; при переходе дна в тулово на многих сосудах имеется небольшой рантик, отжатый пальцами.

На днищах довольно часто встречаются отпечатки крупного песка, рубленой соломы, проса, ячменя, листьев дуба и клена (рис. 6, *2—13*) [15]. Необходимо отметить, что подкладывание листьев под днища — прием, характерный для керамики именно Среднего Дона и Северного Донца[16].

Примеси в тесте встречаются очень часто: керамика с примесью составляет 98% всей керамики. На некоторых памятниках керамика без примеси отсутствует совершенно (городище Кировское) или не превышает 7% (городище у с. Русская Тростянка). В качестве примеси используется песок, шамот, дресва, изредка — толченая кость и совсем редко — толченая ракушка, причем господствующими примесями являются песок и шамот отдельно или вместе (до 82% всей керамики с примесями).

Несколько особняком стоит керамика с городища Волошино 1, где песок и шамот встречены в качестве примеси только у трети всей керамики (34,7%), а преобладает керамика с примесью песка, дресвы и шамота (до 61%).

Поверхность большинства сосудов ровная, заглаженная; особую группу составляет залощенная и лощеная посуда. Правда, и тут необходимо отметить некоторые варианты: на городищах Большое Сторожевое и Русская Тростянка преобладает керамика с шероховатой поверхностью (от 58 до 76%), а на Волошинском 1 и Кировском — заглаженная (83 и 51%). На двух последних памятниках встречается больше лощеной керамики — как правило, миски и кувшины.

Обжиг сосудов очень неравномерный; он производился, видимо, на открытых очагах обычных типов, отчего на поверхности сосудов встречаются темные и черные пятна, а в изломе многие фрагменты имеют двух- и трехслойную структуру.

По цвету поверхности всю керамику можно разделить на две группы: желтую с бурым, коричневым и красным оттенками и серую с черным оттенком. Процентное соотношение их равно 73 к 27. Самым распространенным видом лепной посуды являются горшки. По степени изогнутости венчика их можно подразделить на несколько типов.

Тип I — венчик сосуда мягко и равномерно отогнут наружу; стенки сосудов в разрезе образуют дугу с наибольшей выгнутостью в середине сосуда или в его верхней части. Размеры сосудов различны: от маленьких (диаметром венчика 10 см) до больших корчаг с диаметром по венчику 28—30 см. Сосуды орнаментированы по краю венчика пальцевыми защипами, реже — косыми насечками; совсем редко они не имеют орнамента. У некоторых сосудов край венчика сильно оттянут наружу и орнаментирован защипами и насечками, отчего в профиле создается впечатление налепного валика. Поверхность сосудов серая, серо-желтая, внутри — серая. Диаметры днищ, как правило, в два раза меньше диаметров венчиков. Тесто в изломе двух- и трехслойное; в тесте имеются примеси — шамот, толченые камешки, песок.

Целые сосуды первого типа были обнаружены на городище Большом Сторожевом (рис. 7, *9*, *13*), на поселении 3 в урочище «Частые Курганы» (рис. 7, *12*) в 1957 г.; на городище Русская Тростянка в 1960 г.; меньших размеров — на городищах Волошино 1 в 1959 и 1965 гг. (рис. 7, *8*), Кировском в 1965 г. (рис. 7, *7*). Кроме того, необходимо отметить, что керамика типа I представлена очень широко в обломках (75% всех черепков) и буквально господствует над всей остальной керамикой на всех открытых и укрепленных поселениях (рис. 7, *1—6*, *10*, *11*).

[14] Нами использован керамический материал открытых и укрепленных поселений Среднего Дона из раскопок, проводившихся в течение 12 последних лет Воронежской лесостепной экспедицией. В результате работ вскрыта площадь: на поселении 3 в урочище «Частые курганы» в 1956—1958 гг.— 604 кв. м; на городище Большом Сторожевом в 1961—1962 гг.— 366 кв. м на городище у с. Круглого в 1961 г.— 168 км. м; на Волошинском 1 городище в 1957—1959, 1965, 1966 гг.— около 1800 кв. м; на городище у с. Русская Тростянка в 1960 г.— 250 кв. м; на городище Кировском (у хут. Городище) в 1961, 1965 гг.— 336 кв. м; на городище Стрелецком — около 100 кв. м.

[15] Определение злаков произведено А. В. Кирьяновым, породы дерева — Г. Н. Лисицыной.

[16] Днища с отпечатками листьев в литературе не опубликованы, но, по свидетельству Б. А. Шрамко, они довольно часто встречаются в керамике северодонецких городищ.

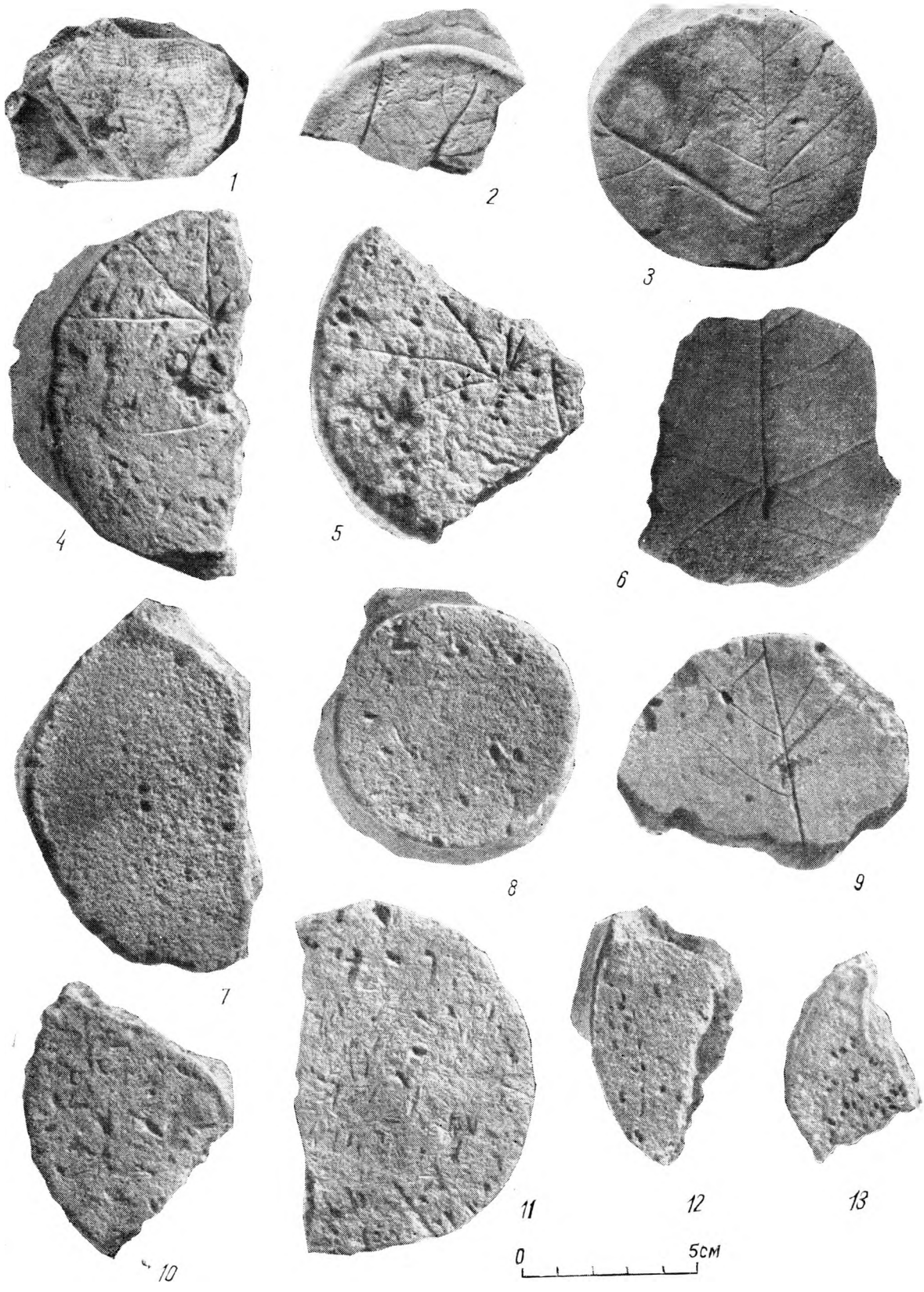


Рис. 6. Керамика с городищ. Днища сосудов с отпечатками ткани, листьев клена, зерен проса и ячменя

1 — поселение 3; *2, 3, 6, 9, 13* — Волошино 1; *4, 5, 7, 8, 10—12* — Кировское

Тип II — горшки, шейка которых в сечении прямая, поставлена по отношению к тулову под тупым углом, образуя вверху равномерно расширяющийся раструб. На внутренней стороне некоторых сосудов на месте шейки имеется острое утолщенное ребро. Второй тип керамики представлен лишь фрагментами. Цвет и фактура поверхности, примеси в тесте — те же, что у типа I. Орнаментация — косые насечки и пальцевые защипы по краю венчика (рис. 8, *1—11*). Керамика типа II мало распространена. Больше всего ее было обнаружено на Большом Сторожевом городище, на поселении 3 урочища «Частые Курганы» и на городищах Волошино 1 и Кировском. Она совершенно отсутствует на городищах Русская Тростянка и Круглое. На примере раскопа 2 1962 г. на Большом Сторожевом городище, давшего наиболее яркие образцы керамики этого типа, удалось проследить некоторые особенности в орнаментации сосудов: большинство венчиков орнаментировано косыми насечками, сделанными уголком палочки. Кроме того, почти вся керамика типа II обнаружена в третьих-четвертых штыках и в ямах (в одном случае совместно с керамикой эпохи бронзы), т. е. в самом низу культурного слоя.

Очевидно, хронологически керамика типа II предшествовала керамике типа I, но насколько верно это предположение в отношении других городищ, сказать трудно из-за малочисленности находок.

Тип III — горшки с прямым слабо выраженным венчиком, переходящим в тулово сосуда. Керамика типа III встречается довольно редко; судя по фрагментам, это были сосуды очень крупных размеров. Диаметры по венчику 23, 31, 35, 38 см (рис. 8, *12—17*).

Тип IV — горшки баночного типа, встречаются наиболее редко и в мелких фрагментах (рис. 9, *1—5*). Край венчика этих сосудов резко оттянут наружу и круто спускается вниз. Диаметры по венчику 20, 22, 28 см. Глина, цвет поверхности и примеси — обычные.

Тип V — горшки с широким (шире тулова) горлом, слабо выраженными плечиками, круто опускающимися ко дну и придающими сосуду колоколовидную форму (рис. 9, *6—10*). Сосуды различны по размерам: от маленьких, диаметром венчиков 14—16 см, до довольно крупных, с венчиками в диаметре *29* — 31 *см*. Очень близок им по форме сосуд из раскопа III 1962 г. на Большом Сторожевом городище. Он представляет собой широкогорлый горшок высотой 27 см, диаметр венчика которого (27,5 см) почти равен наибольшему диаметру тулова (29 см), приходящемуся на $^1/_3$ высоты сосуда; ниже этого места стенки сосуда резко опускаются, придавая горшку вид колокола. Сосуд орнаментирован двумя рядами пальцевых защипов по краю венчика и по шейке: дно имеет слабо выступающий рантик (рис. 9, *9*).

Таковы основные формы горшков в керамике среднедонских поселений и городищ. Необходимо отметить, что при выделении типов, несомненно, есть какая-то доля условности, так как некоторые фрагменты с трудом поддаются классификации, совмещая в себе одновременно признаки двух типов (I и V, рис. 9, *8—10*; II и V, рис. 8, 2, 4, 9).

Сосуды первых трех типов были распространены в эпоху раннего железного века на широких пространствах правобережья [17] и левобережья Днепра [18], степного Причерноморья [19], Нижнего Дона [20], Кубани и т. д., сосуды остальных двух типов являются, видимо, местными формами, распространенными на территории Среднего Дона.

Тип VI — миски. Наиболее многочисленной группой керамики после горшков являются миски. Размеры их различны: от самых маленьких диаметром 6—8 см и высотой 4—5 см до очень больших, диаметр которых по венчику достигает 29—30 см. Миски обычно изготовлены из хорошо промешенной глины с более мелкими примесями. Поверхность многих мисок залощена. Лощение — чаще светло-желтое с серыми пятнами; реже — сероватое. По профилю венчиков миски в свою очередь можно разделить на несколько вариантов.

Вариант первый — миски с загнутым внутрь и плоско срезанным краем (рис. 10, *1, 3, 5, 6, 8*) представлен многочисленными фрагментами и тремя целыми сосудами.

Первая миска, обнаруженная на Волошинском 1 городище в 1958 г. (рис. 3, *5*), имела в высоту 6,5 см, диаметр венчика 14,5 см, диаметр дна 8,5 см. Цвет поверхности — серый с желтыми пятнами, дно — плоское.

Другая миска, обнаруженная в 1961 г. на городище у с. Круглого, имела несколько бо́льшие размеры. Высота ее равнялась 10 см, диаметр венчика 19,5 см, диаметр дна 8 см. Поверхность

---

[17] В. Г. Петренко. Указ. соч., стр. 61, рис. 1; стр. 86, рис. 10.

[18] И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 39, рис. 69, *13*.

[19] Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 70—73, табл. II—IV; V, *1*; Н. Н. Погребова. Памятники скифо-сарматского времени в Северном Причерноморье. МИА, № 64, 1958, стр. 135, рис. 17, *1—3*; 15, *3, 4, 8, 9*; 41, *1—8* и т. д.

[20] Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у ст. Елисаветовской по находкам экспедиции ГАИМК в 1928 г. ИГАИМК, вып. 104. М.— Л., 1934, стр. 162—164; рис. 45—47.

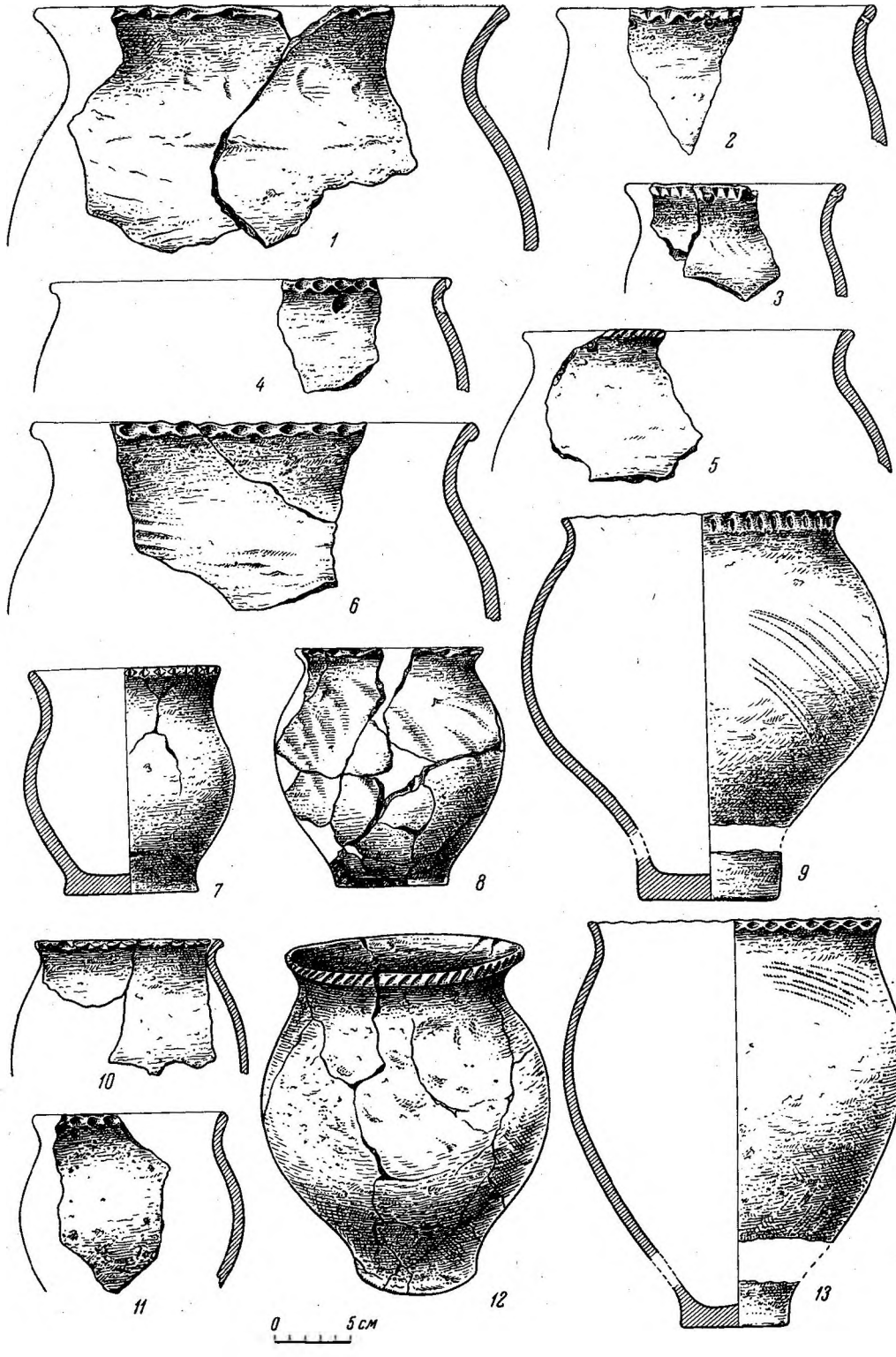


Рис. 7. Керамика с городищ. Горшки типа I

1—3, 5, 6, 7, 11 — Кировское, *4, 9, 13* — Большое Сторожевое; *8* — Волошино 1; *10* — Русская Тростянка; *12* — поселение 3

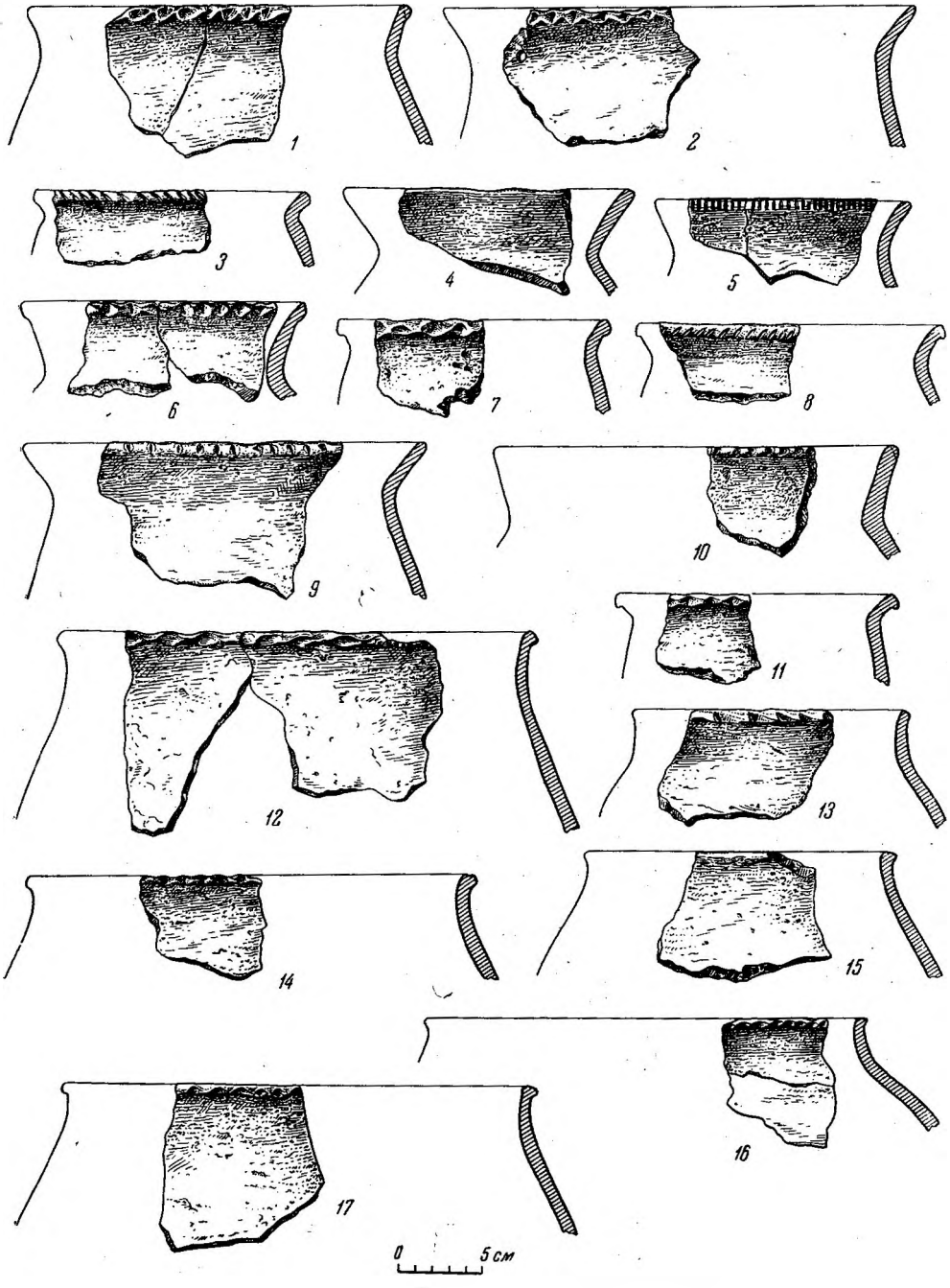


Рис. 8. Керамика с городищ. Горшки типов II (*1—11*) и III (*12—17*)

1 — Волошино 1; *2*, *3*, *7*, *8*, *11—14*, *16*, *17* — Кировское; *4*, *9*, *10*, *15* — Большое Сторожевое; *5* — поселение 3; *6* — Круглое

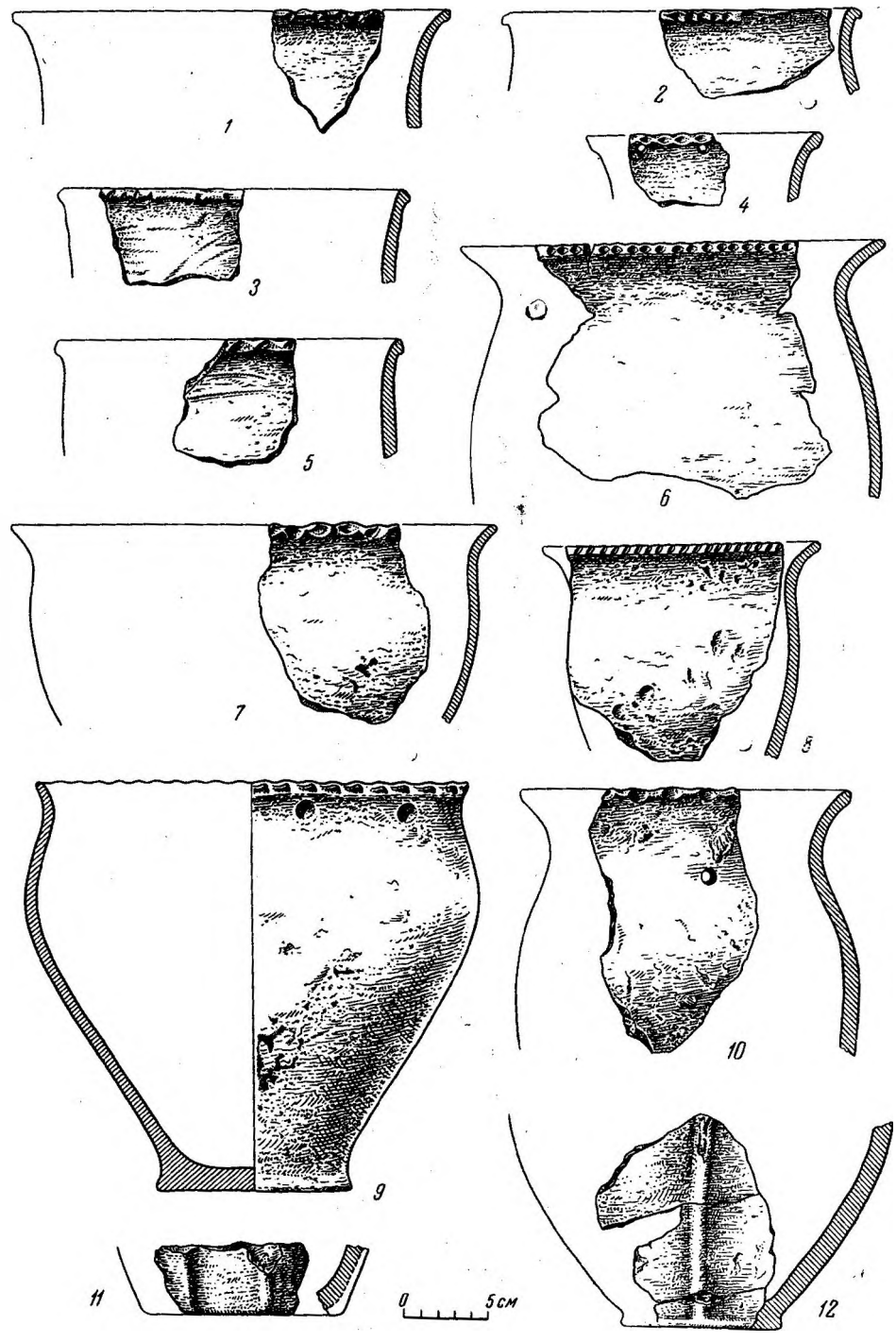


Рис. 9. Керамика с городищ. Горшки типов IV (*1—5*) и V (*6—10*) и сосуды с вертикальными налепами (*11*, *12*)

1 — Круглое; *2—4*, *10* — Кировское; *5* — Русская Тростянка; *6—8* — поселение 3; *7*, *9*, *11* — Большое Сторожевое; *12* — Волошино 1

светло-желтая, залощенная, дно плоское (рис. 3, *15*).

Третья — маленькая мисочка с плоским дном и шероховатой поверхностью, была обнаружена на Кировском городище в 1965 г. Высота ее равна 5 см, диаметр венчика 8 см, диаметр дна 3,5 см (рис. 10, *11*).

Вариант второй — миски с плоско срезанным и расплющенным сверху краем, который выступает наружу и внутрь сосуда. Миски этого варианта встречаются довольно редко и только в обломках (рис. 10, *2*, *4*, *7*).

Вариант третий — миски с прямым венчиком, иногда край немного загнут внутрь, но без плоского среза сверху (рис. 10, *10*, *12*, *13*).

Вариант четвертый — миски с резким перегибом тулова, для среднедонской посуды не характерным. Эти миски обнаружены только на Большом Сторожевом городище и находят аналогии в керамике правобережного лесостепного Приднепровья [21]. Их можно рассматривать как подражание образцам гончарной сероглиняной керамики, которая в небольшом количестве (около 60 фрагментов) была обнаружена на том же городище (рис. 10, *15*, *18*, *19*).

Вариант пятый — остроребериая миска с налепным плоским в сечении валиком на месте ребра. Диаметр венчика 16 см; миска изготовлена из серой в изломе глины с примесью песка и шамота. Поверхность ее темно-коричневая, заглаженная. Вариант представлен одним фрагментом, найденным на Большом Сторожевом городище (рис. 10, *20*); он имеет аналогии в керамике VII—VI вв. до н. э. левобережной лесостепной Украины [22].

Тип VII — чашечки небольших размеров с двумя проколами в венчике. Проколы расположены на противоположных сторонах сосудов и направлены с наружной стороны под углом (изредка горизонтально) к верхней плоскости среза венчика.

Керамика этого типа чаще всего орнаментирована. Совсем маленькие сосудики с диаметром венчика до 5,7 см украшены, как правило, резным орнаментом. Мотивы орнаментов довольно различны, но не сложны: две концентрические полосы под венчиком, ниже которых две другие полосы, волнообразно изогнутые (рис. 11, *4*); две полосы резных треугольников, заключенные между тремя концентрическими линиями (рис. 11, *2*), две резные полоски, ниже которых расположен елочный орнамент (рис. 11, *7*). Сосуды более крупных размеров (диаметр венчика 12—15 см) орнаментированы обычно валиковыми налепами в виде вертикальных каннелюр, горизонтальных валиков под венчиками, углубленных полос и т. д. [23]

Фрагментами таких чашечек, видимо, являются и поддоны различных форм (рис. 11, *9*—*13*), обнаруженные как в культурном слое, так и в подъемном материале поселений и городищ.

Вариантом керамики типа VII является чаша, найденная на городище Волошино 1, также двумя отверстиями, но очень своеобразная по форме (рис. 11, *14*). Сосуд представляет собой чашу с двумя ручками на полом поддоне, украшенном пятью резными полосками. Широкий расплющенный венчик выступает наружу и внутрь чаши; сквозные проколы проходят через ручки. Низ тулова орнаментирован волнистым налепным валиком. Поверхность сосуда — серая с темными пятнами и слабыми следами лощения. Высота чаши 9,5 см, высота поддона 2 см, диаметр горла 13,5 см, дна —4 см. Этот тип сосудов представлен единственным экземпляром. Он, на мой взгляд, сочетает в себе признаки античного канфара и местных лепных чаш; это своего рода канфар, переделанный на местный лад.

Тип VIII — чашки-плошки конусовидной формы, небольших размеров, с плоским дном и на мелком поддоне (рис. 12, *1*—*3*). Диаметры венчиков 8—10 см, днищ —5,5—9 см, высота 3—4,5 см. Глина в изломе черная или серая с примесью песка и шамота; поверхность темно-серая или желтая с темными пятнами.

Тип IX — кувшины. Третьей по численности группой керамики после горшков и мисок являются кувшины. Они выделывались, как правило, из мягкой, хорошо отмученной и промешенной глины. Поверхность многих залощена. Лощение светло-желтого цвета с красными и серыми пятнами. Бо́льшая часть кувшинов имела одну ручку, но, судя по аналогиям из погребений, сосуды могли быть двуручными [24] или совсем без ручек (кувшин из кургана 9 у с. Дубовки) [25].

Довольно часто, особенно у крупных сосудов, ручки кувшинов украшены двумя, тремя и четырьмя-продольными каннелюрами (рис. 13, *1*, *4*, *6*, *7*). Изредка встречаются фрагменты

---

[21] В. Г. Петренко. Указ. соч., стр. 61, рис. 1, *16*, *17*.

[22] И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 31, рис. 4, *1*.

[23] Целых сосудов более крупных размеров в материале поселений не обнаружено, но они широко представлены в курганных комплексах. См.: П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону. САИ, вып. Д1—31. М., 1965, табл. 40, *33—35*, *37—39*.

[24] В. А. Городцов. Раскопки «Частых курганов» под Воронежем в 1927 г. СА, IX, 1947, стр. 20, рис. 9; С. Н. Замятнин. Указ. соч., стр. 36, рис. 25; А. И. Пузикова. Два кургана из могильника скифского времени у с. Русская Тростянка. КСИА, вып. 102, 1964, рис. 9, *5*.

[25] П. Д. Либеров. Исследования на Среднем Дону. Археологические открытия 1965 г. М., 1966, стр. 92.

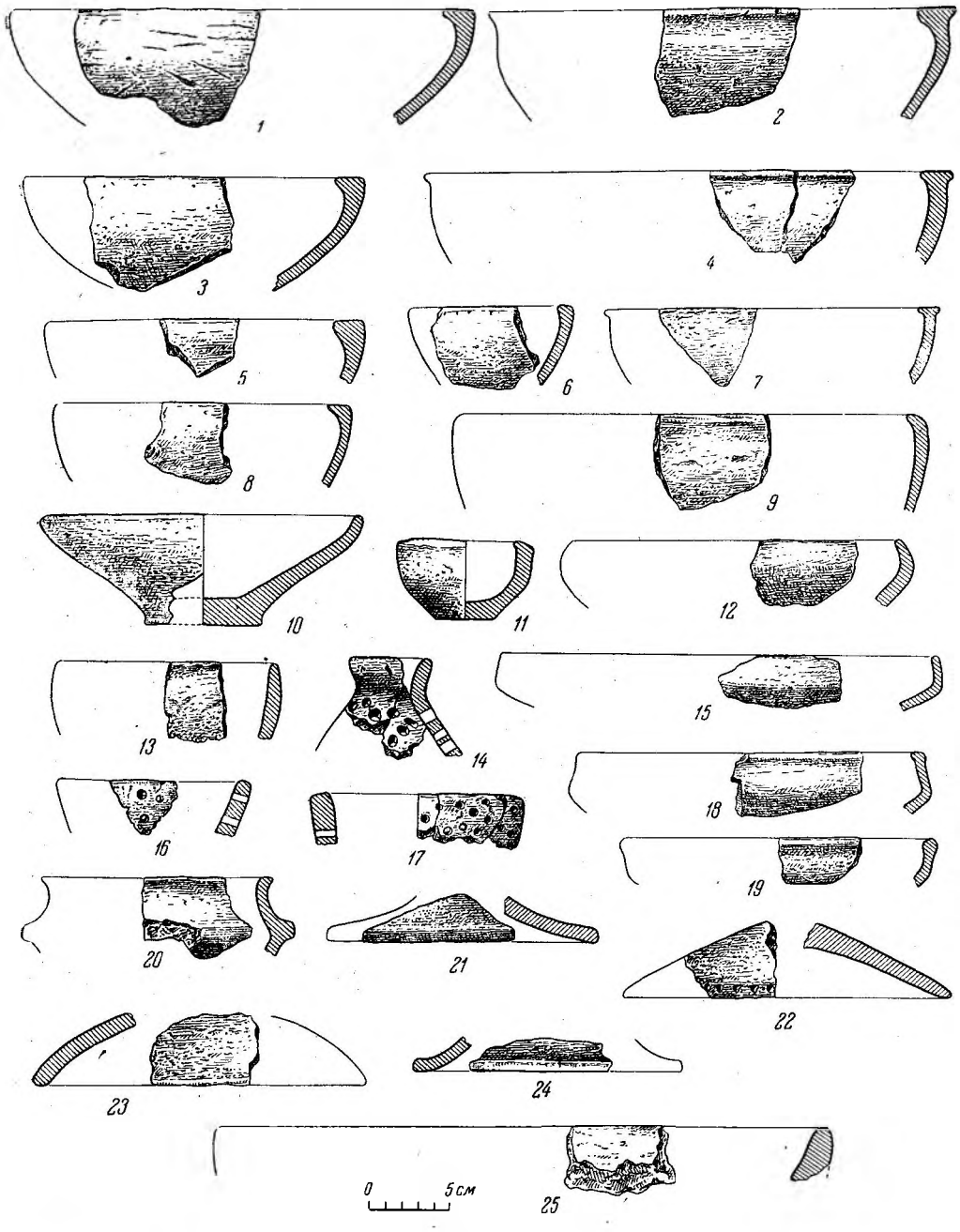


Рис. 10. Керамика с городищ. Миски, дуршлаги, крышки, сковорода

1, *3*, *7*, *11* — Кировское; *2*, *5*. *8*, *16*, *17* — Волошино 1; *4* — Стрелецкое; *6*, *12*, *15*, *18—25* — Большое Сторожевое; *9*, *10*, *13* — Русская Тростянка; *14* — поселение 3

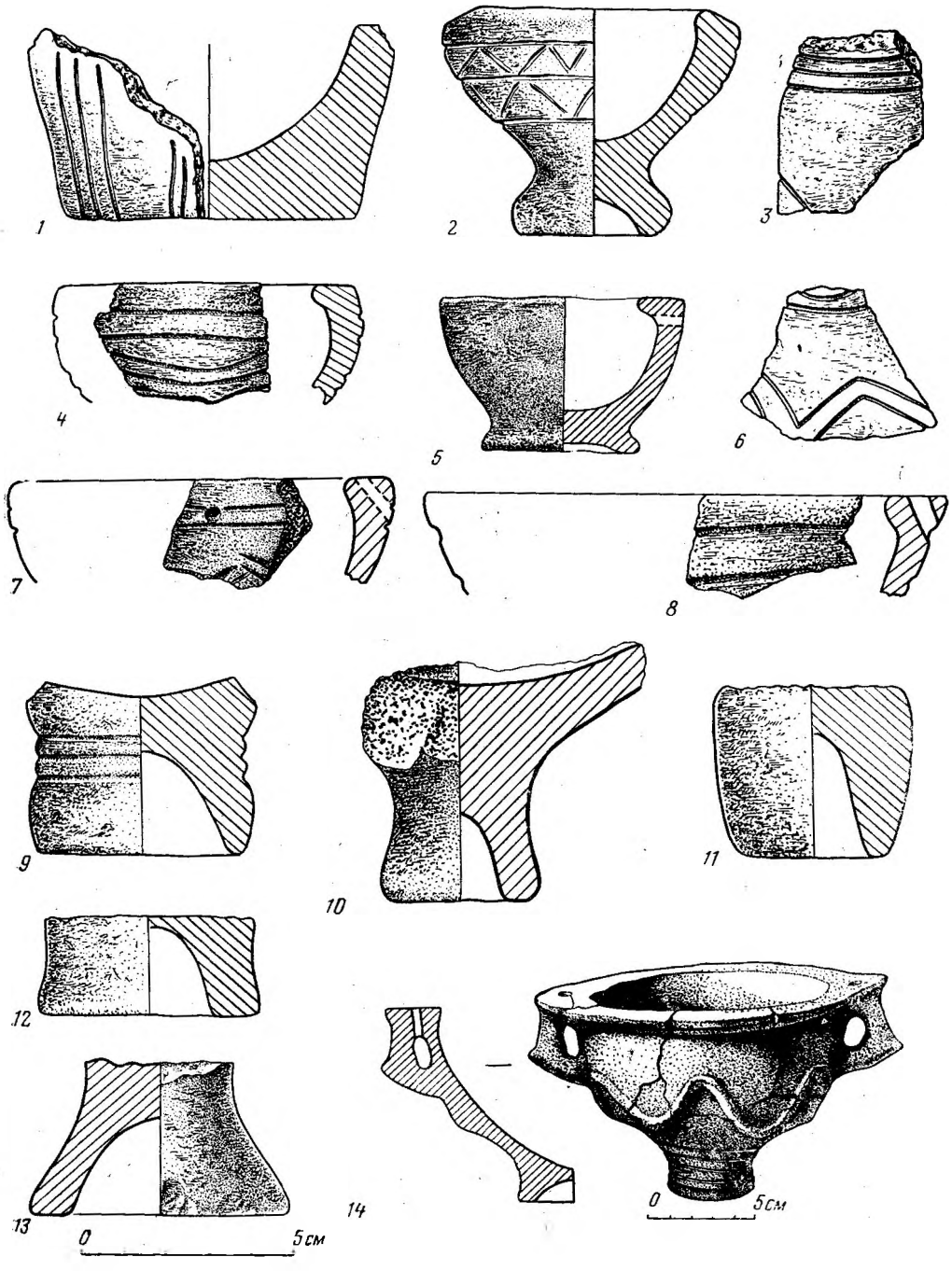


Рис. 11. Орнаментированная керамика с городищ. Ритуальные сосудики на подтонах

1, 9 — Русская Тростянка; *2, 4, 8* — Кировское; *3, 6, 14* — Волошино 1; *5, 7, 10—13* — Большое Сторожевое

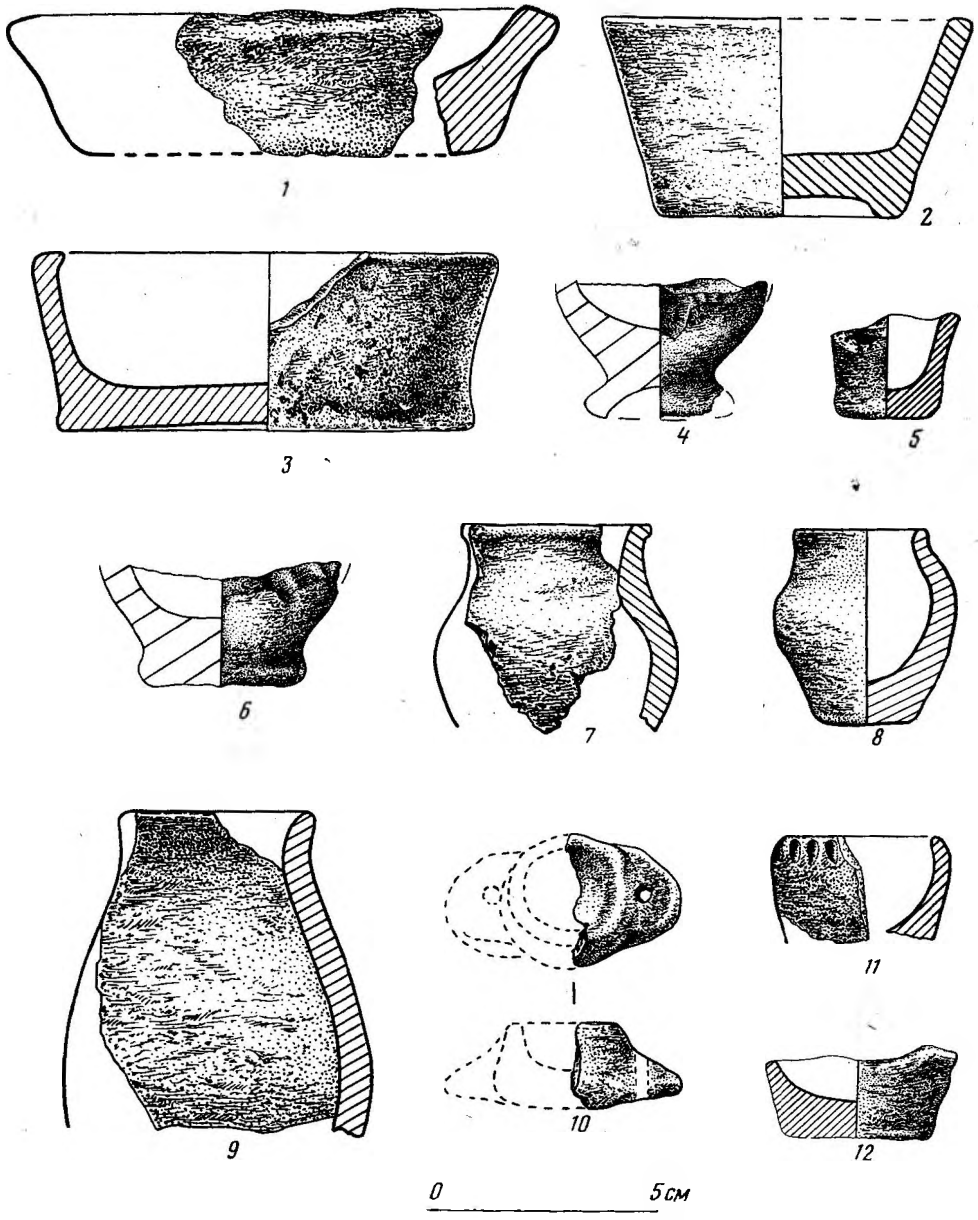


Рис. 12. Керамика с городищ. Плошки, миниатюрные сосудики

1, 5, 11, 12 — Большое Сторожевое; *2* — Русская Тростянка; *3, 4, 6, 9* — Волошино 1; *7, 8, 10* — Кировское

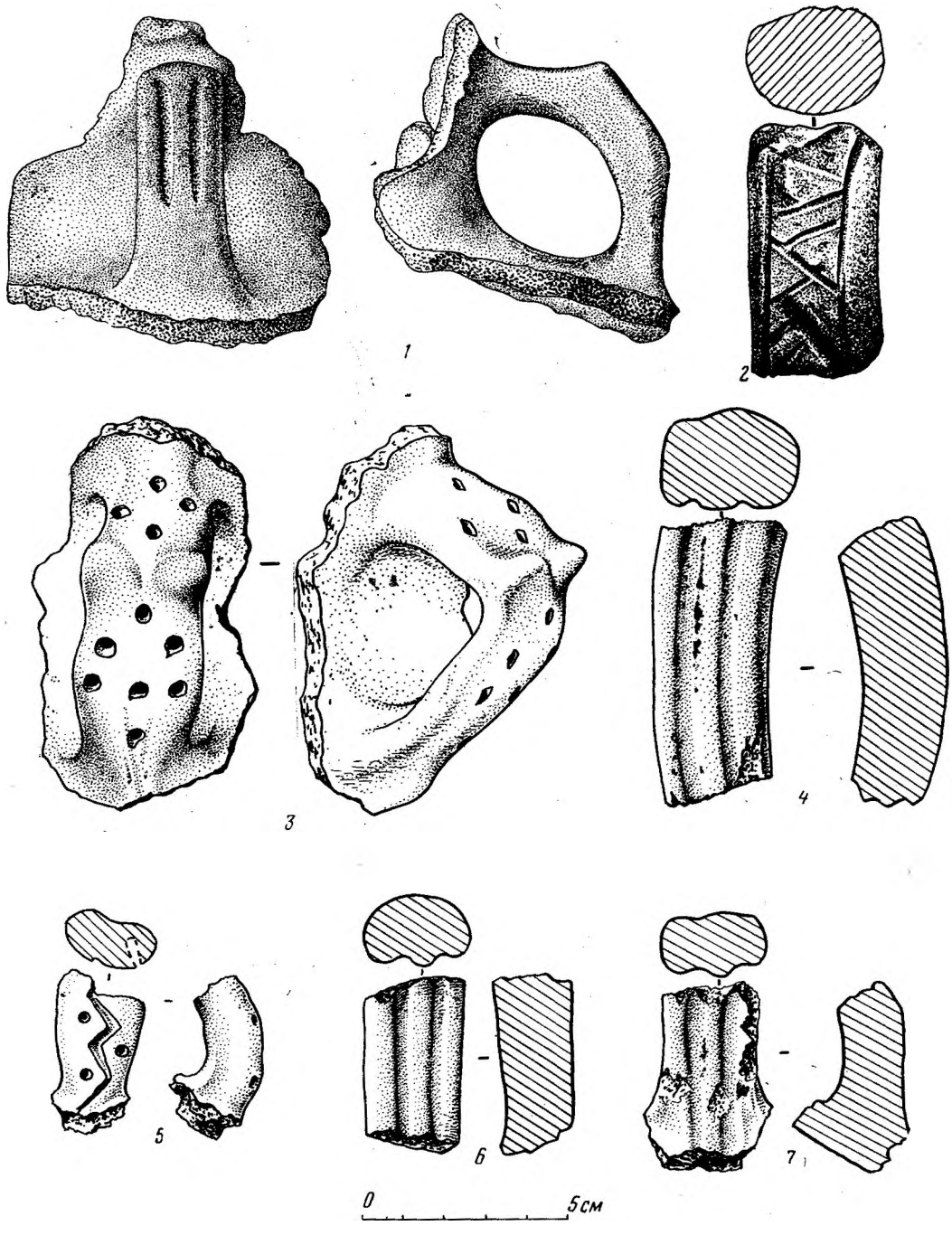


Рис. 13. Керамика с городищ. Ручки кувшинов

1 — Круглое; *2* — Волошино 1; *3—7* — Кировское

ручек с более сложным рисунком в виде выпуклых треугольников (рис. 13, *2*). Одна из ручек с Кировского городища была украшена продольной зигзагообразной полосой и глубокими ямками по обеим ее сторонам (рис. 13, *5*); другая — зооморфным изображением (рис. 13, *3*). Изображение настолько схематично, что его можно принять за орнамент; от изображения животного сохранилась только пара бугорков в верхней части ручки, которые, видимо, символизируют уши, а глубокие ямки, нанесенные выше и ниже бугорков, еще более усиливают впечатление орнаментального украшения[26]. Горло кувшинов обычно расширялось кверху. Под венчиком сосуды часто дополнительно украшены налепными валиками и углубленными бороздками (рис. 14, *9, 11—13*).

Тулово кувшинов ниже ручек или на месте их прикрепления также иногда орнаментировано налепными валиками и врезными желобками (рис. 3, *2, 3*). Размеры кувшинов различны: от маленьких (высота 15—26 см) до больших (высота 40—50 см). Большие экземпляры известны только из курганов[27], два маленьких целых сосуда были обнаружены при раскопках городища у с. Русская Тростянка. Первый кувшин высотой 26 см и диаметром венчика 11 см имел одну ручку, круглую в сечении. Поверхность этого кувшина светло-желтая, золощенная (рис. 14, *20*).

Второй, меньший, кувшин имел в высоту 15 см, диаметр венчика 6,5 см, диаметр дна 7 см. У него была круглая в сечении ручка и светло-желтая залощенная поверхность. Глина с одной стороны сильно потрескалась, то ли при обжиге, то ли от последующего пребывания в сильном огне (рис. 14, *21*).

Ареал данного типа посуды довольно широк: единичные фрагменты кувшинов встречаются на памятниках лесостепного правобережного Днепра[28], чаще — в лесостепном левобережье[29] и на Северном Донце[30]. О широком распространении кувшинов на Среднем Дону свидетельствует тот факт, что в каждом третьем кургане раскапываемых могильников встречаются целые сосуды или фрагменты. В материале городищ они составляют третью в количественном отношении группу и встречаются довольно равномерно по всей толще культурного слоя. Местное происхождение этого типа подтверждается находками сосудов подобной формы, но без ручек, в погребениях предскифского и раннескифского времени[31]. Позднее, видимо под влиянием античных амфор, сосуды этого типа изготовляют с ручками, однако сосуды типа ваз (без ручек) продолжают сосуществовать, о чем говорит находка вазы в курганном комплексе IV в. до н. э. (раскопки курганного могильника у с. Дуровка в 1965 г., курган 9)..

Тип X — сосуды в форме вазы с вертикальными налепными валиками. Встречаются они очень редко: целый сосуд был найден в 1961 г. на городище у с. Круглого, часть сосуда на Волошинском 1 городище (рис. 9, *12*), фрагмент дна — в подъемном материале с городища Большое Сторожевое (рис. 9, *11*). Целый сосуд представлял собой невысокую вазу с узким и высоким горлом диаметром 6,6 см, высокими плечиками, плавно спускающимися стенками и широким дном без рантика (рис. 3, *8*). Сосуд орнаментирован по плечикам горизонтальным валиком, от которого вниз до дна идут шесть вертикальных налепных валиков, расположенных на одинаковом расстоянии друг от друга. Налепные орнаментальные мотивы не характерны для керамики Среднего Дона, поэтому происхождение их можно объяснить двояко. С одной стороны, они могли быть заимствованы из более западных[32] областей, но скорее всего из области Нижнего Дона, где орнаментация налепами была широко распространена во

---

[26] Вопросы классификации, распространения и датировки керамики с зооморфными изображениями неоднократно рассматривались в археологической литературе (см.: К. М. Скалон. Изображение животных на керамике сарматского периода. ТОИП ГЭ, т. I. Л., 1941; Е. Г. Кастанаян. Сарматские сосуды из Тиритаки. СА, XV, 1951; В. Б. Виноградов. К вопросу об изображении животных на сарматской керамике. Археологический сборник. М., 1961). Такая керамика была широко распространена у племен Нижнего Дона, Кубани, Крыма, Поволжья, Северного Кавказа начиная со II в. до н. э. Делать какие-либо выводы о том, откуда, каким путем и в какое время проник данный обычай в керамику среднедонских городищ, сейчас не представляется возможным, так как это пока единственная находка зооморфного изображения.

[27] В. А. Городцов. Раскопки «Частых курганов» под Воронежем в 1927 г., стр. 20, рис. 9; С. Н. Замятнин. Указ. соч., стр. 36, рис. 25; А. И. Пузикова. Курганный могильник скифского времени у с. Русская Тростянка. СА, 1962, № 4, стр. 223, рис. 2; она же. Два кургана из могильника скифского времени у с. Русская Тростянка, стр. 28, рис. 9, *5*.

[28] В. Г. Петренко. Указ. соч., стр. 61, рис. 1, *4*; 10, *12*.

[29] И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 40, рис. 6, *6—8*.

[30] Б. А. Шрамко. Древности Северского Донца, стр. 217, рис. 83, *12, 13*.

[31] С. Н. Замятнин. Указ. соч., стр. 49, приложение; П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону, стр. 51, табл. 6, *15, 16, 18*.

[32] Несколько целых толстостенных кувшинов с каннелюрами на тулове и ручками в виде ушек, очень близких по форме, было обнаружено при раскопках курганов на Днестре, датируемых IV—II вв. до н. э. См.: И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья УССР. Киев, 1951, табл. XVI, *4*.

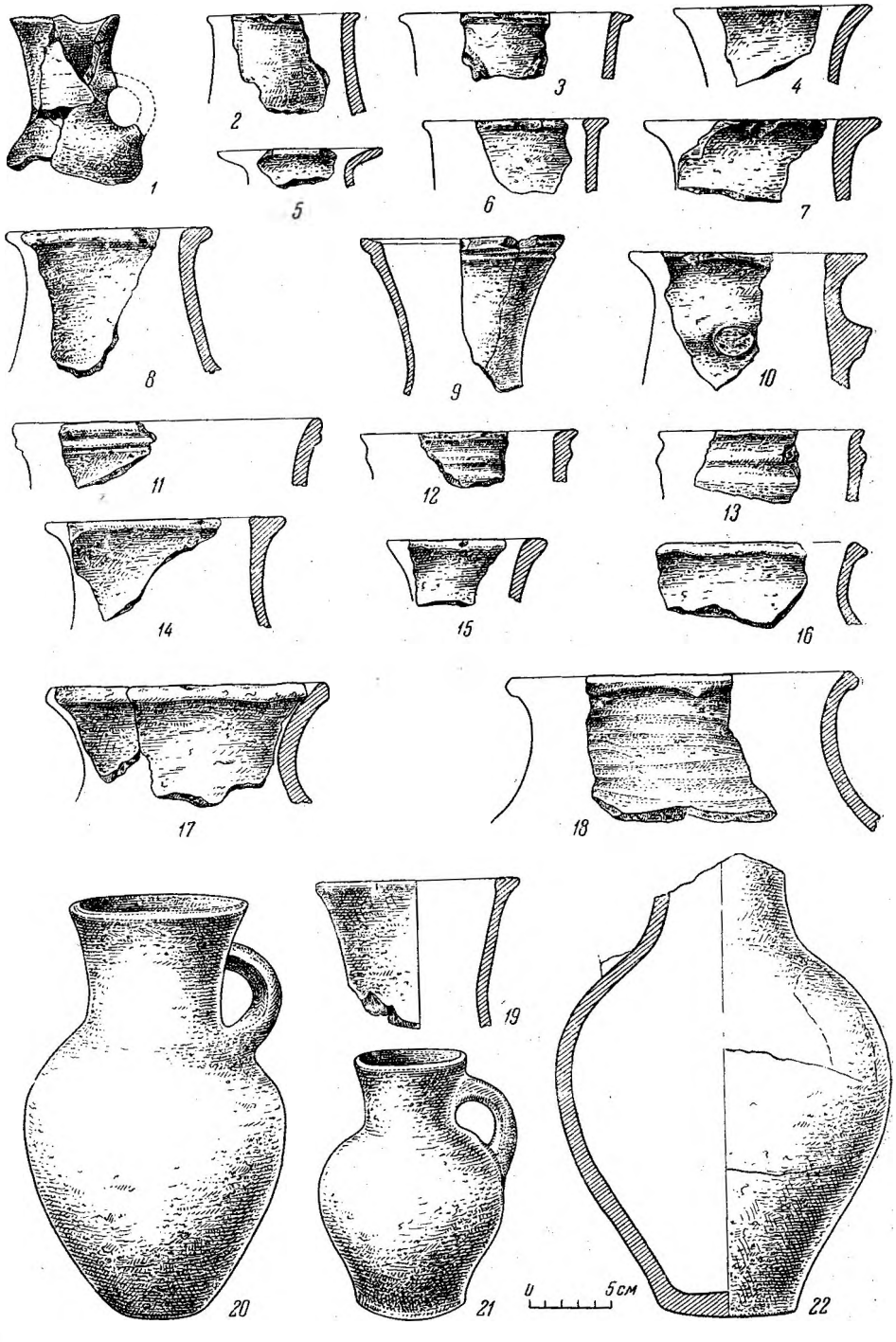


Рис. 14. Керамика с городищ. Кувшины

1, 19 — Круглое; *2, 3, 6—8, 10, 11, 13—18, 22* — Кировское; *4, 5* — Большое Сторожевое; *9, 12* — Волошино 1; *20, 21* — Русская Тростянка

всех группах лепной керамики[33]. С другой стороны, керамику этого типа можно рассматривать как подражание формам античной посуды, например ойнохойи. Такое предположение тем более вероятно, что примеры подобного подражания встречены нами при раскопках городищ и могильников неоднократно (описанный выше канфаровидный сосуд, лепные чашки из курганных могильников «Частые Курганы» и Русская Тростянка)[34].

Тип XI — сосуды в виде дуршлагов с частыми сквозными отверстиями, служившими для отделения каких-то масс от жидкости. Несмотря на то что фрагменты сосудов немногочисленны и невелики, удалось выделить две формы. Первая — в виде узкогорлой небольшой вазы без ручек найдена на поселении 3 в урочище «Частые Курганы» (рис. 10, *14*); вторая — в виде чашек с толстыми, слегка суживающимися ко дну стенками — на городище Волошино 1 (рис. 10, *16*, *17*). Отверстия в обоих случаях начинаются с самого верха сосудов. Сосуды с отверстиями в дне и стенках встречаются как на степных, так и на лесостепных памятниках еще со времен энеолита и бронзы[35]. Формы их довольно различны: мелкие сковородки, горшки, чашки, глубокие миски.

Тип XII — крышки диаметром 17—22 см, изготовленные из хорошо промешенной и отмученной глины. Формы их различны: одни имеют коническую (рис. 10, 22), другие — выпукло-коническую (рис. 10, *23*), третьи — мягко профилированную форму, при которой стенки от края крышки слегка прогибаются внутрь (рис. 10, *21*, *24*). Один из обломков орнаментирован ямками на внешней стороне. Из-за их фрагментарности трудно говорить о наличии у крышек петель, ручек или других приспособлений для облегчения их использования.

На Среднем Дону керамика данного типа встречается не часто и известна главным образом среди керамики Большого Сторожевого городища (четыре фрагмента), городища у с. Русская Тростянка (два фрагмента) и поселения 3 в урочище «Частые Курганы» (один фрагмент).

Крышки довольно часто встречаются в керамике степной Скифии[36].

Тип XIII — сковороды. Он представлен одним фрагментом, найденным на Кировском городище. Диаметр его по верху 37 см с невысоким прямостоящим бортиком, поднимающимся над массивным неровным дном. Сковорода изготовлена из грубо промешенной глины с примесью соломы в тесте (рис. 10, *25*)[37].

В заключение необходимо сказать несколько слов о миниатюрных лепных сосудах, довольно часто встречающихся при раскопках как поселений, так и могильников (рис. 12, *4—12*). По формам они чаще всего подражают большим сосудам: это горшочки с мягко отогнутыми наружу венчиком (рис. 3, *1*, *10*); мисочки с загнутым внутрь краем (рис. 12, *11*), вазочки вытянутых форм (рис. 12, *9*), баночные сосудики (рис. 3, *9*, *10*) и т. д. Что касается их применения, то, несомненно, некоторые из них (самые мелкие экземпляры) могли служить игрушками; другие же (как сосуды, изображенные на рис. 3, *1*, *9*, *10*) вполне могли использоваться в хозяйстве в качестве черпаков, кружек, кубков.

Орнаментация лепной керамики довольно однообразна и бедна: керамика типов I—V орнаментировалась в основном пальцевыми и ногтевыми защипами по краю или срезу венчика. У некоторых сосудов край сильно оттянут наружу, отчего создается впечатление налепного валика, и по нему нанесен все тот же защипной орнамент. Доля орнаментированной защипами керамики достигает 65% всей лепной посуды.

К числу более редких орнаментов относятся наколы под венчиками с наружной или внутренней стороны, образующие на противоположной стороне выпуклые горошины (0,6%); прямые или косые насечки по краю венчика (4%); налепной и резной орнаменты; сквозные проколы (3,6%).

Налепным орнаментом украшались чаще всего горло и тулово кувшинов (рис. 3, *2*, *3*), а также венчики, тулова и ножки чашек на полых поддонах (рис. 11, *9*).

---

[33] Среди керамики раннего Танаиса (III в. до н. э.) встречено несколько обломков сосудов с вертикальными налепами на тулове. См.: Т. М. Арсеньева. Лепная керамика Танаиса (в печати); В. П. Шилов. Отчет о раскопах Нижне-Донской археологической экспедиции в 1954 г. Архив ИА АН СССР, д. 1215, табл. XLVII, *2*.

[34] П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону, табл. 10, *32*, *33*, *37*.

[35] Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949, стр. 229; А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском правобережье. Киев, 1961, стр. 52; Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 75, табл. V, *8*; Н. Н. Погребова. Позднескифские городища на Нижнем Днепре, стр. 181, рис. 32, *1*; В. Г. Петренко. Указ. соч., стр. 61, рис. 1, *14*; И. И. Ляпушкин. Указ. соч., рис. 61; Б. А. Шрамко. Древности Северского Донца, стр. 181, рис. 69, *11*, *12*.

[36] Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 75, табл. V, *4—7*; Н. Н. Погребова. Позднескифские городища на Нижнем Днепре, стр. 113, рис. 5, *11*; стр. 133, рис. 16, *4*; стр. 190, рис. 37, *11*; стр. 226, рис. 48, *17*.

[37] Аналогии см.: Б. А. Шрамко. Древности Северского Донца, стр. 181, рис. 17—19; Н. Н. Погребова. Позднескифские городища на Нижнем Днепре, стр. 206, рис. 42, *10*; стр. 134.

Резной орнамент встречен на небольшом количестве лепных сосудов, причем совершенно очевидно, что им орнаментировали верхние части сосудов небольших размеров, особенно так называемые ритуальные чашечки (об их орнаментации говорилось выше). На Волошинском городище было обнаружено два фрагмента горла миниатюрных сосудиков с рисунком в виде резных полос и треугольников (рис. 11, *3*, *6*); на городище Русская Тростянка — два обломка стенок с резным орнаментом в виде буквы «Ж» и волнистой линии; на Большом Сторожевом городище — обломки тулова (вероятно кувшина), орнаментированного треугольниками, и т. д. И только один раз была встречена нижняя часть небольшого сосуда с рисунком, характерным для сарматской керамики[38], в виде вертикальных полос, скомпонованных по три, поднимавшихся от самого дна (рис. 11, *1*).

Очень невелик процент керамики, украшенной сквозными проколами под краем венчика, обычной для левобережной лесостепи среднего течения Днепра и Северного Донца того времени. Для Среднего Дона она не характерна и скорее всего является пришлой. Керамика с проколами составляет в среднем 1,5—2% от общего числа венчиков; на городище Русская Тростянка — 4%, на Стрелецком — 1,5%, Круглом — 0,5%, Большом Сторожевом — от 3 до 5% (на разных раскопах), на городище Кировском — 5—8%. Наибольшее количество керамики с проколами, собранной главным образом в подъемном материале, дает городище Верхняя Покровка 2 (до 14—15%).

Что касается хронологии лепной посуды и ее эволюции на протяжении всего времени существования городищ, то, используя найденные вместе с керамикой датирующие античные вещи, а также местные хорошо датированные предметы и изучая характерные особенности самой керамики, можно наметить основные этапы ее развития.

Время существования городищ на основании античного материала определяется пятью веками (с рубежа VI — V вв. до н. э. по II в. до н. э.). Однако это не значит, что до того времени они не могли существовать в виде открытых поселений или слабо укрепленных поселков, хотя стратиграфически выделить слои предыдущего времени на поселениях пока не удается. Наиболее ранняя керамика, относящаяся ко времени перехода от эпохи бронзы к эпохе железа, была обнаружена в погребальных комплексах[39].

В тех погребениях, где положение и ориентировка костяков типичны для скифского времени, керамика представлена сосудами типа ваз, бывших прототипами более поздних кувшинов. Среди материала городищ к этому времени можно отнести керамику с городища Верхняя Покровка 1. Это памятник небольшой, со слабым культурным слоем (до 0,10—0,15 м), расположенный в 3—4 км от поймы р. Усердец, левого притока р. Тихой Сосны. Керамика, обнаруженная при шурфовке городища, необычна для эпохи раннего железа. Она светло-желтого цвета; поверхность ее ровная, покрыта ангобом, орнаментирована прямыми насечками, иногда защипами по краю венчика и овальными вертикальными налепами на стенках. Ближайшие аналогии такой керамике с налепами известны на Нижнем Дону (городище Кобяково)[40].

Слой рубежа VI—V вв. до н. э., датируемый венчиком и ручкой пухлогорлых хиосских амфор, был исследован при раскопках Большого Сторожевого и Кировского городищ. К этому времени надо, видимо, отнести керамику с редко встречаемыми пережиточными видами орнаментов: налепным валиком на шейке с защипами или насечками по валику, наколами-горошинами, овальными налепами.

К тому же периоду относится керамика типа II, орнаментированная насечками (ясно прослеженная в основании культурного слоя раскопа 2 Большого Сторожевого городища), а также керамика типов III и IV, генетически исходящая из баночных форм эпохи бронзы; миски, кувшины и керамика типа I, которая одинаково характерна как для ранних, так и для поздних слоев.

В более позднее время, в V в. до н. э., в керамике совершенно исчезает налепной валик с шейкой сосудов; появляются имитация налепного валика на венчике горшков, получавшаяся в результате сильного оттягивания края наружу, а также сквозные проколы под венчиком. Набор лепной керамики становится шире, так как, видимо, именно тогда появляются крышки и ритуальные чашки на высоком поддоне с парными проколами (судя по стратиграфии залегания в культурных слоях городищ и по аналогиям с керамикой из погребальных комплексов).

---

[38] М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры. САИ, вып. Д1—10. М., 1963, табл. 6—8, *10*.

[39] С. Н. Замятнин. Указ. соч., стр. 49, примечание; П. Д. Либеров. Мастюгинские курганы. СА, 1961, № 3, стр. 155—156, рис. 4.

[40] Т. Н. Книпович. Указ. соч., стр. 173—174, рис. 52—53.

Керамический комплекс IV—III вв. до н. э. очень трудно расчленить, поэтому приходится констатировать только некоторые изменения, претерпеваемые отдельными видами керамики. В IV в. до н. э. сосуды типа ваз под влиянием античных амфор приобретают ручки. Однако и в этот период, судя по погребениям, вазообразные сосуды без ручек продолжают свое существование (ваза из кургана 9 у с. Дуровка).

В III в. до н. э. появляются сосуды, подражающие формам античной керамики: лепной канфаровидный сосуд с двумя ручками, сосудик с вертикальными налепами с городища Круглого, миски с резким перегибом тулова в середине. Отнесение всей этой керамики к III в. до н. э. обосновывается не только тем, что она найдена в верхнем горизонте культурного слоя, но и тем, что образцы античной керамики, которым подражали местные мастера, возникли и существовали именно в IV—III вв. до н. э. (по определению В. Д. Блаватского).

Кухонная керамика, видимо, существенных изменений не претерпевала. В орнаментации керамики господствуют защипы, реже встречаются насечки; появляется больше керамики со сквозными проколами, проникшей в область Среднего Дона с Северного Донца или левобережной лесостепи в Поднепровье.

По находкам кувшинов на городищах Русская Тростянка и Круглое можно отличить, что профиль их горла и венчиков несколько изменяется: на них нет резкого утолщения и наружного отгиба венчиков; горло представляет собой равномерный расширяющийся раструб.

Жизнь на городищах продолжалась и несколько позже — до II в. до н. э., о чем говорят находки косских двухстволвных ручек на городище Русская Тростянка, обломков ручек амфор римского времени на городище Волошино, обломка горла флакона III—II вв. до н. э. на городище Кировском, краснолакового поддона на городище Большое Сторожевое. Но выделить местный керамический комплекс этого времени из-за недостатка материала сейчас не представляется возможным.

ЗАНЯТИЯ И БЫТ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕДОНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ И ГОРОДИЩ

Основными хозяйственными занятиями племен Среднего Дона в эпоху раннего железного века были земледелие и скотоводство [41].

Состав культурных растений, возделываемых населением, определяется по отпечаткам семян на днищах лепных сосудов. По свидетельству А. В. Кирьянова, на керамике ясно различимы отпечатки зерен проса (особенно часто) и ячменя (реже) (рис. 6, *7, 8, 10—13*). Орудия для первичной обработки почвы (плуги или сохи) делались, видимо, из дерева, поэтому до нас они не дошли. Мотыга, изготовленная из длинной плечевой кости крупного животного, была обнаружена при раскопках Большого Сторожевого городища. Кость расколота в длину, нижний конец ее заострен и носит явные следы долгой работы. Длина всей сохранившейся части равна 21,5 см. Пустотелая широкая часть верхнего конца (шириной до 8 см) приспособлялась для закрепления рукоятки, изгибавшейся под прямым углом (рис. 15, *1*) [42].

Уборка урожая производилась серпами. При раскопках городищ было обнаружено два целых серпа (городища Круглое и Волошино 2) и один сильно коррозированный обломок (городище Большое Сторожевое, раскоп 3 1961 г.).

Серп с городища Круглого имел небольшой боковой крюк для насада рукоятки высотой 1,1 см (частично обломанный), длиной по тыльной стороне 21,5 см, шириной лезвия у рукоятки 1,9 см, толщиной обушка в разрезе 0,4 см. Конец острия серпа обломан; наибольший прогиб лезвия находится на противоположном от рукоятки конце и равен 4,2 см (рис. 16, *6*).

Серп с городища Волошино 2 (рис. 16, *1*) был длиной по тыльной стороне 21 см, наибольшей шириной лезвия у рукоятки 2 см и толщиной обушка в разрезе 0,3 см. Он также имел боковой крюк для насада рукоятки. Отличие его от первого серпа заключается в том, что место наибольшего изгиба расположено в середине лезвия и равно 3,4 см.

Форма обоих серпов обычна для серпов раннего железного века [43].

Для растирания зерна пользовались каменными зернотерками очень примитивного типа с одновогнутой рабочей поверхностью. Боковые поверхности и нижняя часть зернотерок обычно не обработаны. Изготовлялись зернотерки из камней различных пород: кварцита, гранита, песчаника.

---

[41] См. ниже статью В. И. Цалкина «Фауна из раскопок городищ скифского времени на Среднем Дону», стр. 128.

[42] П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону, табл. 12, *1*. Аналогичные мотыги были обнаружены на поселениях и городищах Северного Донца. См.: Б. А. Шрамко. Древности Северского Донца, стр. 194, рис. 74, *1, 3*.

[43] Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 141, рис. 14, *1, 2*; Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. II. Киев, 1899, табл. IV, *84, 86*; А. Е. Алихова. Указ. соч., рис. 5, *11, 12*.

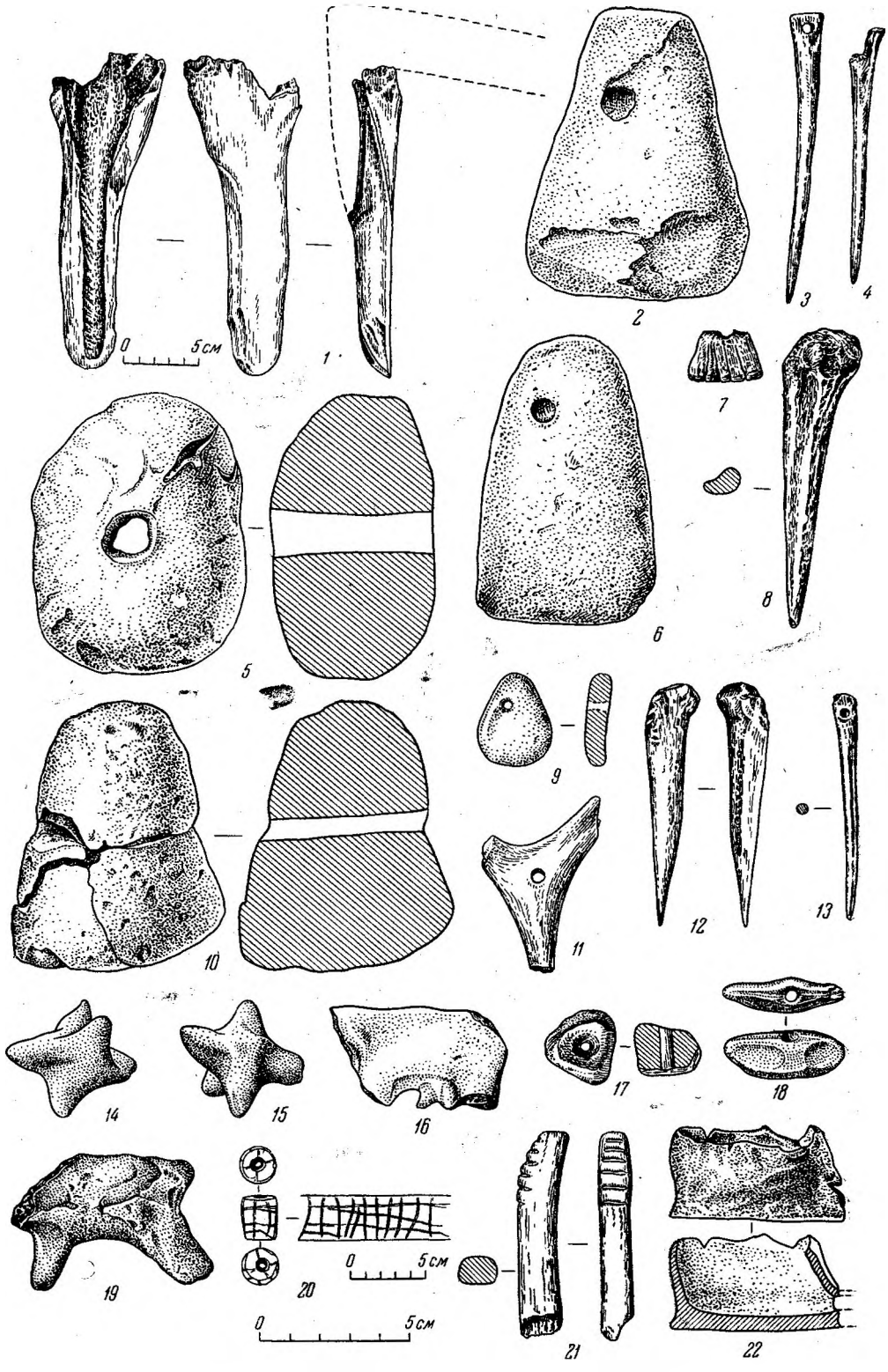


Рис. 15. Изделия из кости и глины с городищ

1 — мотыга из кости животного; *2, 5, 6, 10* — глиняные грузила; *3, 4, 8, 12, 13* — костяные проколки и иглы; *7, 17, 18* — костяные привески; *9* — привеска из стенки амфоры; *11* — лопаточная кость животного со сверлением; *14, 15* — изделия типа «чеснока»; *16, 19* — глиняные фигурки животных; *20* — каменное грузило с орнаментом; *21* — обломок костяного псалия; *22* — глиняная лъячка

1, 2, 6, 8, 13, 18, 19 — Большое Сторожевое; *3, 4, 7, 11, 17, 22* — поселение 3; *5, 9, 10, 12, 14, 15, 21* — Волошино 1; *16, 20* — Кировское

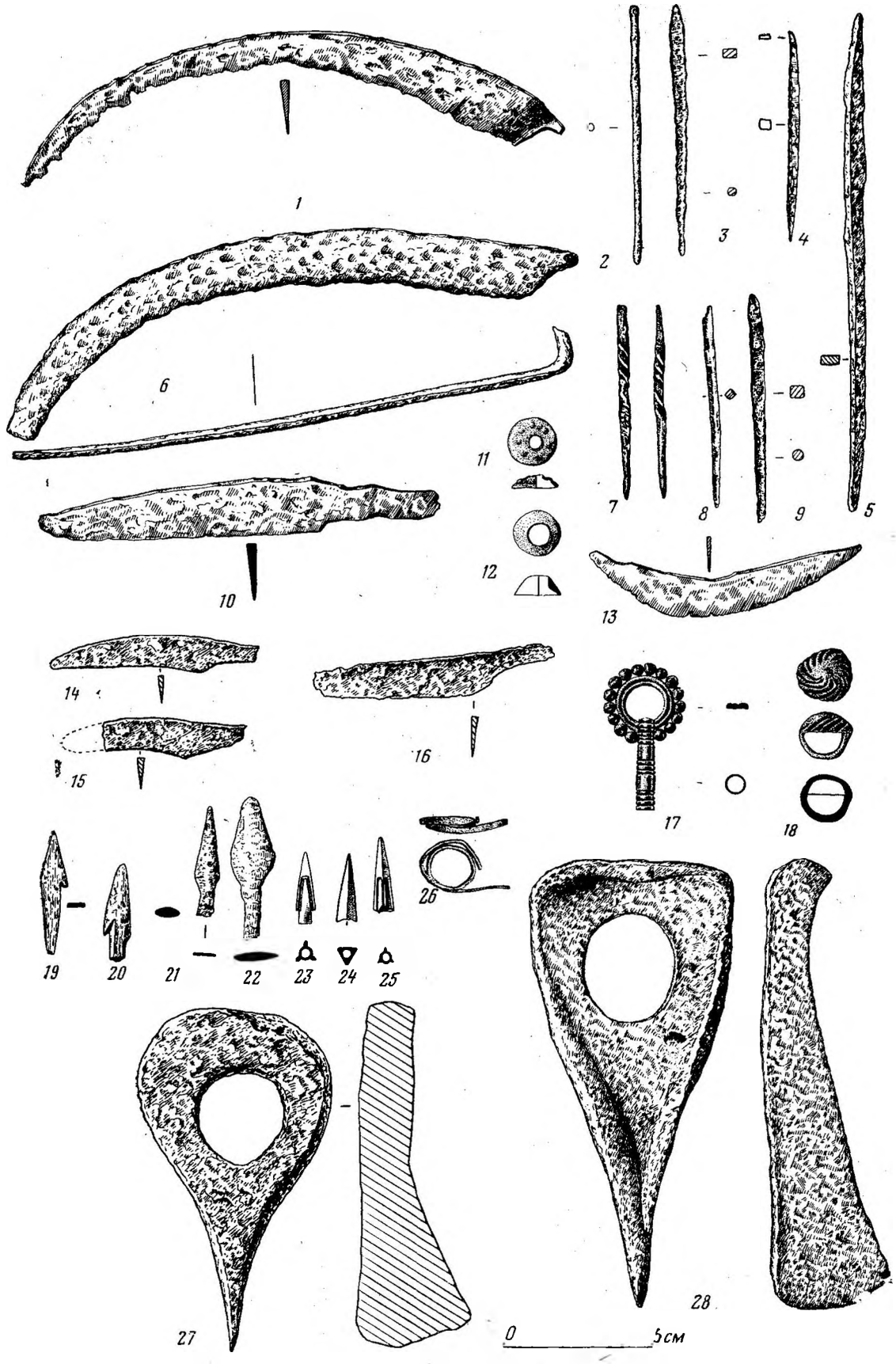


Рис. 16. Изделия из кости и металла с поселений и городищ

1, 6 — железные серпы, *2* — железная игла; *3, 4, 5, 7—9* — железные шилья; *10, 14—16* — железные ножи; *11, 12* — бронзовые ворворки; *13* — железная бритва или скребок; *17* — серебряная привеска; *18* — бронзовая бляшка; *19, 20* — костяные наконечники стрел; *21, 22* — железные наконечники стрел; *23—25* — бронзовые наконечники стрел; *26* — бронзовое колечко; *27, 28* — железные топоры

1, 13 — Волошино 2; *2—4, 9, 10, 16—18, 22, 23, 26* — Большое Сторожевое; *5* — Русская Тростянка; *6* — Круглое; *7, 14, 15, 21, 24* — Волошино 1; *8, 25* — поселение 5; *11, 12, 20, 27* — Кировское; *19* — поселение 3; *28* — поселение у Кировского городища

При раскопках поселений и городищ было встречено несколько целых зернотерок (на поселении 3 урочища «Частые Курганы», городищах Волошино 1 и 2, Русская Тростянка) и большое количество обломков (рис. 17, *1—3*, *5*). Зернотерка из кварцита, обнаруженная на поселении 3, имела длину рабочей части 36 см, ширину 27 см, толщину 11 см (рис. 17, *1*). Гранитная зернотерка с Волошинского 1 городища была несколько меньших размеров: длиной 33 см; шириной 18 см; высотой 12,5 см; глубина прогиба в рабочей части равнялась 3,7 — 5 см. Наиболее крупная зернотерка происходит с городища Русская Тростянка (длина 50 см, ширина 40 см, толщина 15 см) (рис. 17, *5*); самая маленькая была обнаружена в подъемном материале с городища Волошино 1 в 1959 г. Она представляла собой удлиненную песчаниковую плитку мелкозернистой структуры со значительным углублением в середине, длиной 17,5 см, шириной 10,5 см (рис. 17, *8*).

К категории зернотерок следует отнести и обломки каменных блюд, обнаруженных при раскопках Большого Сторожевого и Кировского городищ. По форме они могли быть круглыми и прямоугольными. В отличие от обычных зернотерок каменные блюда были обработаны со всех сторон. В обработке поверхности они, вероятно, подражают форме античных блюд или лутериев: вокруг утолщенного края проходит углубленная бороздка в виде концентрического круга. О применении их в качестве зернотерок свидетельствует толщина камня, которая в центре блюд значительно меньше, чем у краев, за счет сильной сработанности. Диаметр некоторых из них достигает 40 см (рис. 17, *4*, *6*, *7*).

Терочники были по размерам гораздо меньше зернотерок. Форма их довольно различна: в виде плоских камней с одной или двумя сработанными плоскостями (рис. 18, *1*, *2*), шестигранных камней (рис. 18, *3*, *4—7*, *9*) или конусовидного пестика (рис. 18, *8*, *10*, *11*), который было удобно держать в руке при работе.

Рыболовство, несомненно, играло какую-то роль в хозяйстве главным образом тех племен, которые жили вблизи рек (городища Архангельское, Большое Сторожевое, Верхняя Покровка 2, поселение 3 в урочище «Частые Курганы»). Кроме того, бо́льшая часть сухих оврагов и логов, окружавших городища, которые теперь только весной наполняются водой, были, видимо, в древности руслами рек и речушек, поэтому природные условия благоприятствовали развитию рыболовства.

Археологически обнаружить следы рыболовства довольно трудно, так как кости рыб, видимо, в почве не сохраняются (только при раскопках Большого Сторожевого городища были обнаружены позвонки рыб из семейства осетровых). Косвенные свидетельства можно получить от находок каменных грузил с отверстием в центре, которые вполне могли использоваться для сетей (рис. 18, *19*, *20*) [44], а также костяных иголок с расширением на месте ушка. Такие иголки не могли применять для сшивания тканей, но их вполне можно было использовать для плетения сетей (рис. 15, *3*, *4*, *13*). Наиболее крупный экземпляр был обнаружен в кургане 8 могильника у с. Русская Тростянка. Следует отметить также, что на золотой обкладке гребня из кургана 32/32 у с. Мастюгино есть изображение рыбы в окружении фантастических зверей [45].

Следы металлургического производства на городищах незначительны. При раскопках городищ Волошино 1, Русская Тростянка и Кировское в подъемном материале и культурном слое было обнаружено несколько кусков железного и бронзового шлака, несколько кусков от плоских бронзовых изделий со слегка вогнутой поверхностью (видимо, котлов) и втулка или вток железного копья или дротика со следами брака производства. Бо́льшая часть этих находок происходит с Кировского городища (два куска бронзового шлака, два обломка венчиков и два куска стенок бронзовых котлов, бракованная втулка (вток?) копья или дротика). Вполне возможно, что Кировское городище было одним из центров металлургического производства, чем объясняется, видимо, и сравнительное богатство его жителей, отразившееся в большом количестве амфор, чернолаковой посуды на городище, а также в обилии и роскоши погребального инвентаря Дуровского могильника.

При раскопках поселения 3 в урочище «Частые Курганы» была обнаружена глиняная льячка (?) диаметром 4,5 см, высотой 2,5 см (рис. 15, *22*). В боку льячки у самого дна располагалось отверстие для деревянной ручки; стенки льячки прямые, без сливов. В 1962 г. на Большом Сторожевом городище было обнаружено керамическое изделие (рис. 3, *7*) с отверстиями, которое по аналогии с находкой на Каменском городище можно считать задвижкой кричного горна с отверстием для сопла [46].

Из предметов, связанных с хозяйственной стороной жизни поселений, надо также отметить пряслица. Встречаются пряслица по всей толще культурного слоя, много их в подъемном материале. Типы пряслиц весьма разнообразны:

---

[44] Н. П. Погребова. Позднескифские городища на Нижнем Днепре, рис. 23, *7*; 5, *7*.

[45] П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону, табл. 33, *9*, *10*.

[46] Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 115, табл. XIV, *4*, *5*.

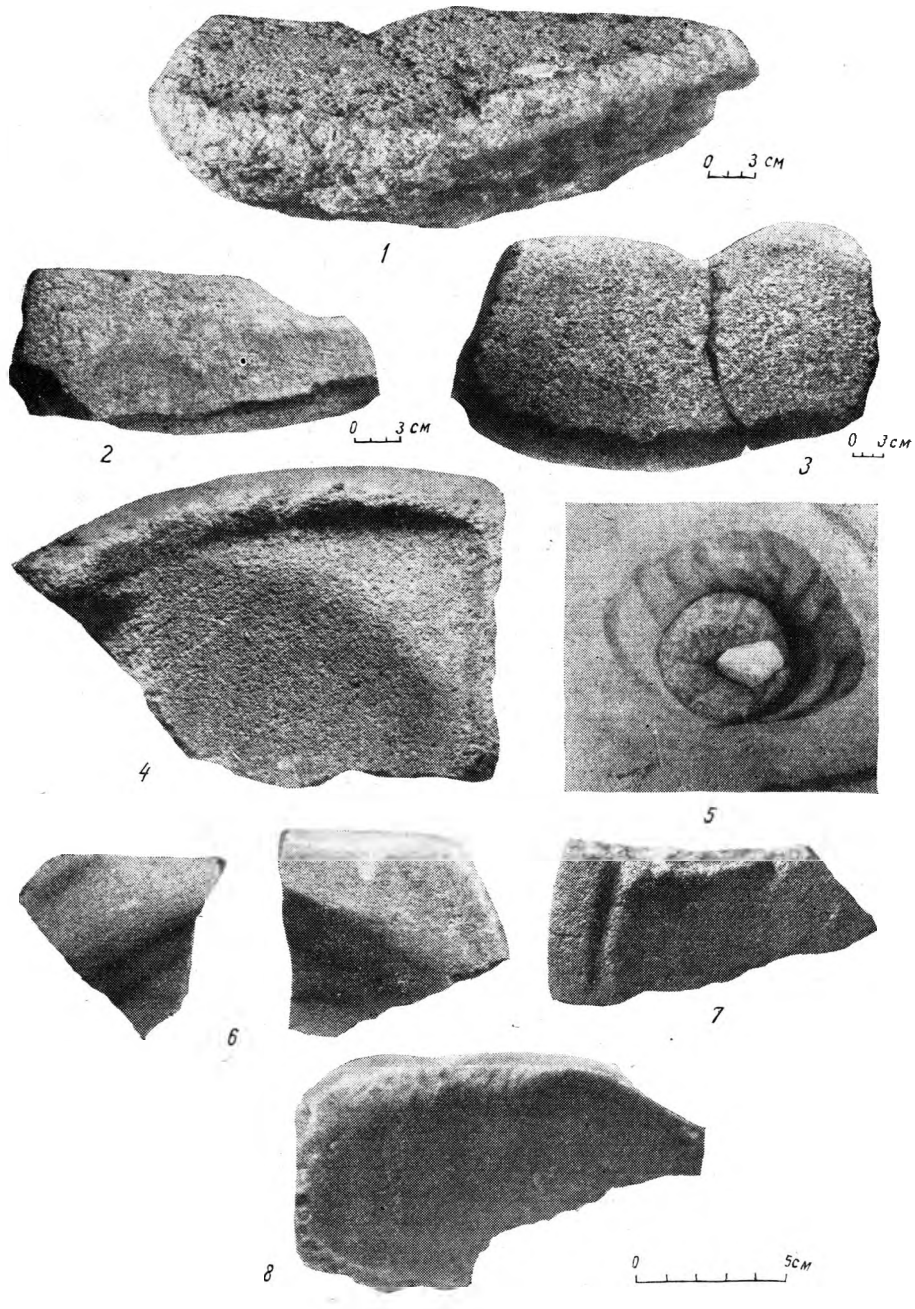


Рис. 17. Зернотерки с поселений и городищ

1 — поселение 3; *2, 4, 6* — Большое Сторожевое; *3, 8* — Волошино 1; *5* — Русская Тростянка; *7* — Кировское

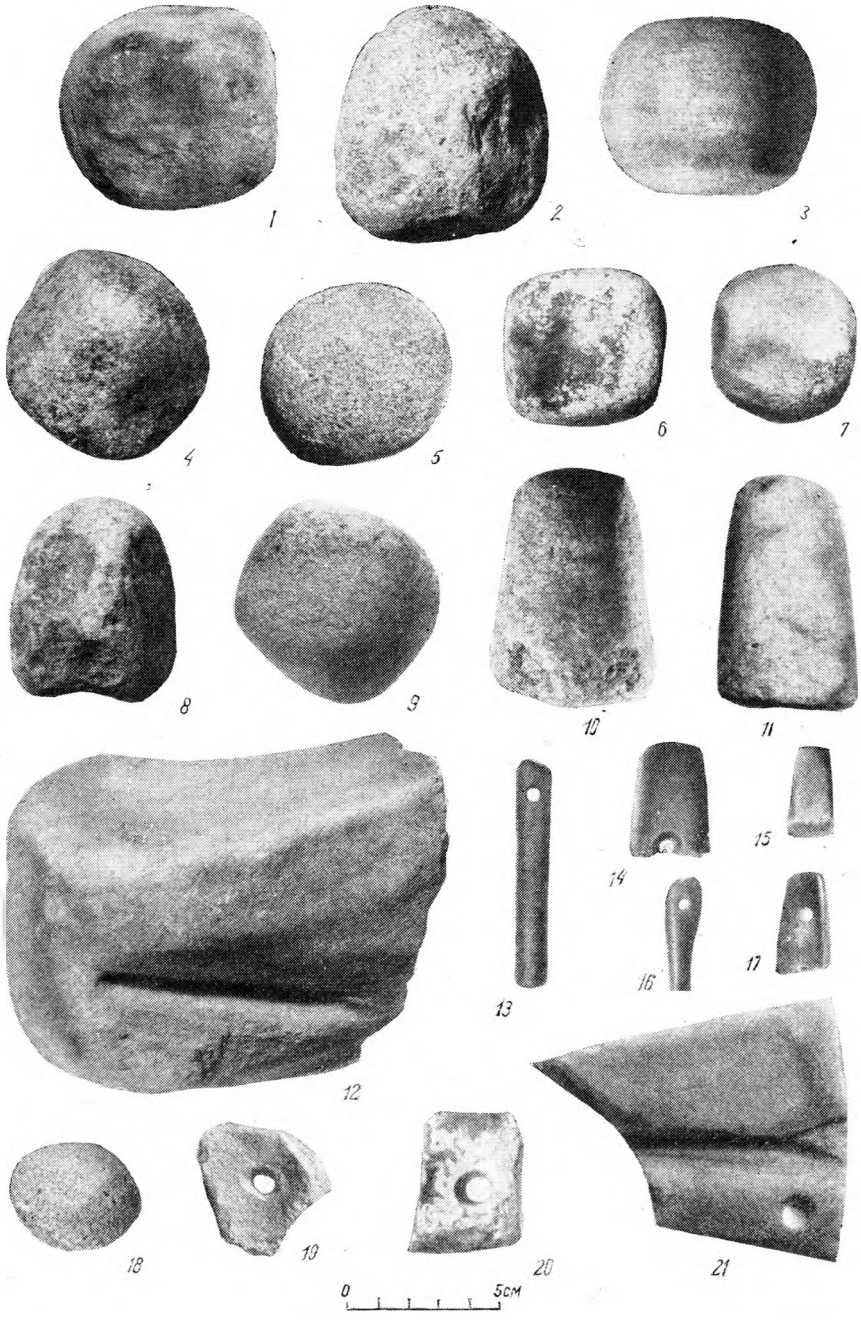


Рис. 18. Каменные терочники, оселки, точильные камни и грузила с поселений и городищ

1, 2, 6—9, 11, 12, 18, 21 — Большое Сторожевое; *3, 14—17* — Волошино 1;
4, 5, 13 — Русская Тростянка; *10* — Круглое; *19, 20* — Кировское

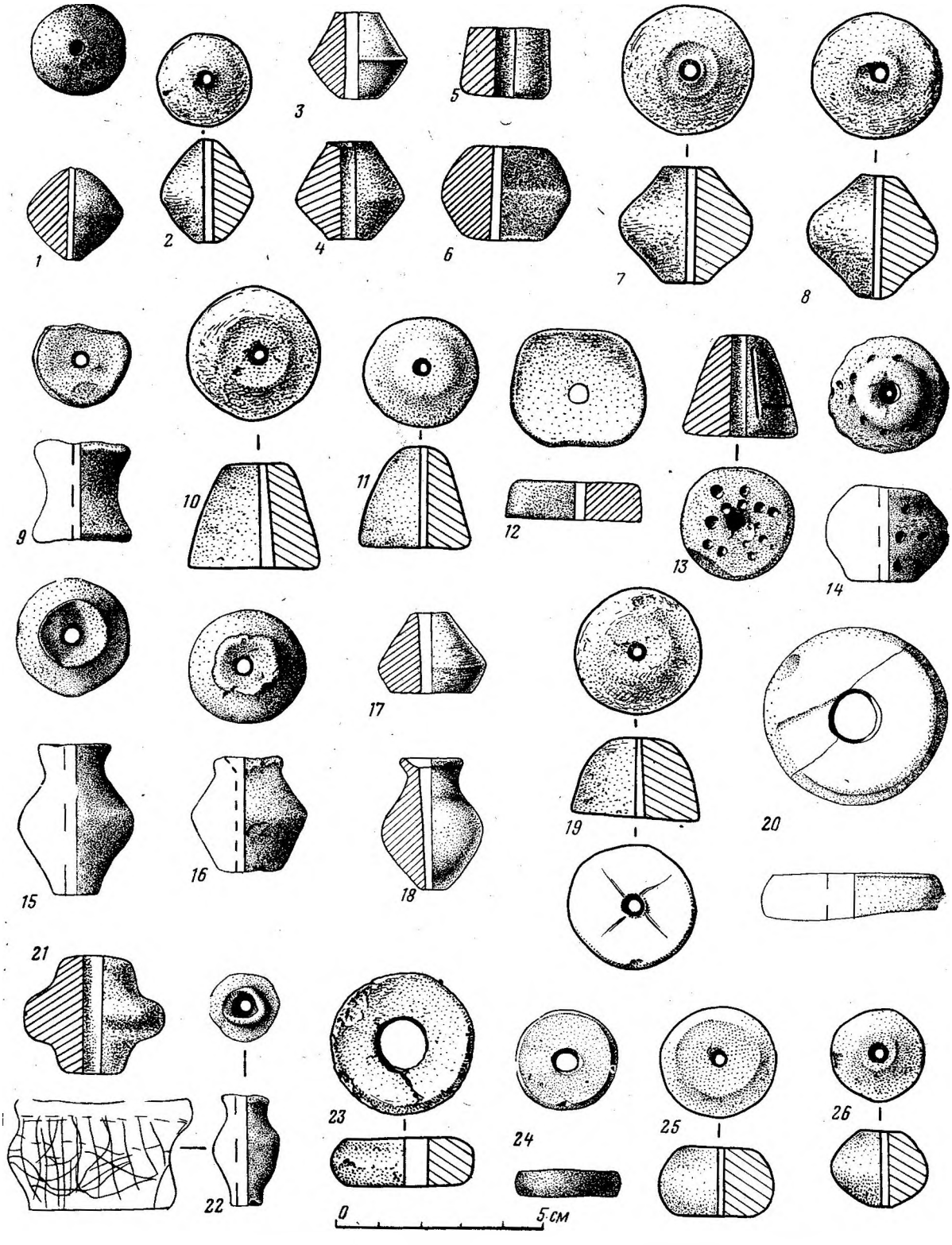


Рис. 19. Пряслица различных форм с городищ и поселений

1, 2, 7—11, 16, 19, 23, 25, 26 — Кировское; *3—5, 13, 17, 21, 24* — поселение 3; *6, 12* — Большое Сторожевое; *14, 15, 18, 20, 22* — Волошино 1

биконические с острым ребром посредине, биконические без ребра, биконические с обрезанными основаниями с двух концов, биконические с большим срезом основания с одного конца, конические, шаровидные (и отчасти срезанные на концах), цилиндрические, плоские; среди плоских есть экземпляры из стенок амфор и лепных сосудов, в форме сосудиков, в виде катушки (рис. 19, *1—26*). Бо́льшая часть этих типов имела широкое распространение повсеместно, а некоторые характерны только для каких-то определенных областей. В этом отношении особый интерес представляют пряслица, воспроизводящие формы сосудиков. Найдено их немного: три — на городище Волошино 1, одно — на Кировском (рис. 19, *15, 16, 18, 22*). Иногда пряслица орнаментировались. Орнамент чаще всего состоял из круглых наколов по всей поверхности или вокруг отверстия на нижнем конце (рис. 19, *13, 14*). Поверхность одного из пряслиц Волошинского 1 городища была сплошь покрыта рисунком из пересекающихся вертикальных, горизонтальных и волнистых линий (рис. 19, *22*). Центральное отверстие у некоторых пряслиц слишком узко для насаживания его на веретено: видимо, они имели и какое-то другое назначение (может быть, служили грузилами). В культурном слое городищ довольно часто встречаются обломки и целые изделия из глины, в виде конусов или овалов со сквозным отверстием в верхней части. Изготовлены они из грубой, слабо обожженной, рыхлой глины с примесью соломы, поэтому применение их в качестве рыболовных грузил, как предполагали некоторые исследователи, маловероятно. Скорее всего они служили грузилами для натягивания нитей в ткацом станке, о чем говорит конусовидная форма большинства из них, подражающая форме пирамидальных грузил античных ткацких станков[47]. Размеры грузил: высота 9—9,5 см, нижний диаметр 6—7,5 см, верхний — 3—3,5 см (рис. 15, *2, 5, 6, 10*).

Сами ткани, изготовляемые населением среднедонских городищ, до нас не дошли. Некоторое представление о них можно получить по отпечаткам на других предметах и изделиях. На одном из лепных днищ поселения 3 в урочище «Частые Курганы» был обнаружен отпечаток грубой ткани простого полотняного плетения, получившейся в результате подкладки ткани под дно сосуда при его формовке (рис. 6, *1*). Отпечатки тканей более сложного плетения были обнаружены в курганных комплексах. В 1961 г. при раскопках курганов у с. Мастюгино в кургане 32/32 было найдено копье со следами на втулке ткани с диагональным плетением нитей[48]. В 1965 г. при раскопках курганного могильника у с. Дуровки, являвшегося кладбищем обитателей Кировского городища, на дне могилы кургана 9 был обнаружен отпечаток какого-то изделия типа сумочки из ткани с каркасом из ребер животного.

Для сшивания тканей жители пользовались иглами и костяными проколками. Большая железная игла с ушком была в 1962 г. найдена при раскопках Большого Сторожевого городища. Ушко иглы представляло собой стержень, загнутый в петлю; общая длина иглы равнялась 10 см (конец обломан), диаметр сечения 0,2—0,3 см (рис. 16, *2*).

Гораздо чаще при раскопках встречаются костяные проколки. Некоторые из них изготовлены из грифельных костей лошади (рис. 15, *8, 12*), большинство же — из тонких, хорошо отполированных костей длиной 7,5—9,5 см. Многие проколки имеют на широком конце отверстие или заготовку для отверстия (рис. 15, *3, 4, 13*). Что касается использования проколок, то оно могло быть разным: для прокалывания кож, плетения сетей (о чем говорилось выше); наиболее тонкие экземпляры могли использовать для прокалывания и сшивания тканей.

Шилья, обнаруженные при раскопках поселений и городищ (Волошино 1 — одно; Русской Тростянки — одно; Кировского — одно; Большого Сторожевого — три; поселения 5 в урочище «Частые Курганы» — одно), довольно однообразны по своей форме. Пять из них имели круглое сечение в рабочей части и прямоугольное, квадратное или плоское — в месте насада рукоятки (рис. 16, *3, 4, 8, 9*). Длина шильев — 8—10,7 см, диаметр рабочей части — 2—3 мм.

Несколько иная форма была у шила, обнаруженного в 1958 г. на городище Волошино 1, стержень которого в середине был винтообразно изогнут, и у шила с городища Русская Тростянка, отличавшегося крупными размерами. Длина последнего шила была равна 16,5 см, размер прямоугольного сечения 0,7 × 0,3 см (рис. 16, *5, 7*).

Железные ножи встречаются довольно часто. Всего найдено: три (один обломок) — на Волошинском 1 городище, один (фрагмент) — на Кировском, четыре (два обломка) — на городище Большом Сторожевом, по одному — на

[47] В. Ф. Гайдукевич. К вопросу о ткацком ремесле в боспорских поселениях. МИА, № 25, 1952, стр. 410.

[48] П. Д. Либеров. Отчет о работе Воронежской лесостепной экспедиции за 1961 г. Архив ИА АН СССР, д. 2258-а, табл. XXXII, *1б*.

поселениях 3 и 5 в урочище «Частые Курганы». Бо́льшая часть ножей относится к типу II (по Б. Н. Гракову) ножей, для которых характерны горбатая спинка и дуговидно изогнутое лезвие (рис.16, *14, 15*). Длина ножей равна 7—8,5 см, ширина лезвия до 1 см; черенок по ширине равен лезвию или немного шире его. Нож типа I (с горбатой спинкой и прямым лезвием) был обнаружен на городище Большое Сторожевое. Длина его 12,5 см, ширина лезвия 1,7 см, длина черенка 3,7 см (рис. 16, *10*). На том же городище был найден один нож, по форме приближающийся к ножам типа IV (по Б. Н. Гракову). Нож имел прямую спинку; черенок для насада был четко выражен в виде уступа со стороны лезвия; само лезвие было несколько скошено по направлению к острию (рис. 16, *16*). Длина ножа 7,8 см, ширина лезвия 1,4 см, длина черенка 2 см, ширина 0,5 см. Такие ножи встречаются редко. Ножи типов I и II были широко распространены на памятниках степи [49] и лесостепи; они являются обязательной принадлежностью инвентаря в курганных погребениях. Костяные ручки ножей из погребений имеют обычно орнаментальное оформление в виде различно расположенных железных и бронзовых заклепок, концентрических кругов [50].

Рукоятки ножей чаще всего были, видимо, деревянными, но несомненно, что употреблялись ножи и с костяными рукоятками (обломок костяной рукоятки, отполированной до блеска, был обнаружен в культурном слое Волошинского 1 городища; несколько обломков заготовок для костяных рукояток были найдены на поселении 3 урочища «Частые Курганы»).

Железные топоры встречены два раза: на поселении у городища Кировского (к западу от с. Репенка) в подъемном материале и в культурном слое самого Кировского городища. Первый топор (рис. 16, *28*) имел высоту 14,5 см, ширину в области обушка 6,8 см, в области острия 4 см. Обушок с обеих сторон имел закраины, образовавшиеся, по-видимому, в результате сильных ударов сверху. Отверстие для топорища имело овальную форму размером 3,6×3,1 см; ниже отверстия по бокам лезвия шли закраины, значительно расширяющие лезвие топора.

Второй топор (обнаружен на раскопе 2 Кировского городища), очень сходный по форме с первым, был несколько меньших размеров. Длина его от обушка до острия 11,5 см, ширина обушка 6 см, ширина лезвия 3,2 см. Отверстие для топорища было почти круглым, размерами 3,2×3 см (рис. 16, *27*). Оба эти топора, видимо, использовались в качестве кузнечных зубил, о чем говорят следы сильной сработанности на обушке у одного из них. Топоры подобных форм были обнаружены на Северном Донце, в лесостепной Белоруссии [51], Курском Посеймье.

При шурфовке городища Волошино 2 в 1964 г. было найдено очень интересное железное орудие серповидной формы. Длина его между концами 9 см, ширина лезвия 1,2—1,3 см. Своеобразие орудия состоит в том, что лезвием у него служила внешняя выгнутая плоскость, а обушком — вогнутая внутренняя. Назначение орудия не совсем ясно: оно могло применяться при кожевенных и деревообрабатывающих работах, а могло служить и бритвой (рис. 16, *13*).

К каменным орудиям, часто встречающимся при раскопках, помимо зернотерок и терочных камней, относятся точильные плитки, бруски и оселки. Для точки металлических предметов жители обычно приспосабливали необработанные или слабообработанные камни различной величины. Следы сработанности на этих камнях выражаются в глубоких желобках на их поверхности (рис. 18, *12, 21*). Оселки встречаются довольно часто, но почти все в обломках. Длина целых экземпляров равна 7,5—8 см. Формы их довольно разнообразны: круглые, плоские, овальные, многогранные в сечении; в верхней части оселков имеется небольшое отверстие для подвешивания к поясу (рис. 18, *13—17*). Оселки были в скифское время распространены повсеместно, они одинаково часто встречаются на поселениях и в погребальных комплексах.

Предметов вооружения при раскопках поселений и городищ найдено немного: один небольшой обломок острия меча или акинака (городище Кировское, 1961 г.); семь наконечников стрел (два костяных, два железных и три бронзовых) и многочисленные пращевые камни. Костяные наконечники стрел, обнаруженные на поселении 3 в урочище «Частые Курганы» и на Кировском городище, однотипны. Длина первого из них 4,2 см, второго — 3,2 см; один в сечении овальный, другой — плоский. У обоих наконечников перо с одной стороны черенка опущено в виде небольшого шипа (рис. 16, *19, 20*). Такие наконечники встречаются на памятниках дьяковской, юхновской и городецкой культур [52]. Судя по форме, воспроизводящей тип

[49] Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 113, табл. XIII, *1—4*.

[50] П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону, табл. 16, *1—14*.

[51] Б. А. Шрамко. Древности Северского Донца, стр. 180, рис. 68, *1*; А. Е. Алихова. Указ. соч., стр. 124, рис. 20, *18*.

[52] В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. ИГАИМК, вып. 85. М.— Л., 1934, стр. 25, рис. XI, *2, 3*. Н. В. Трубникова. Городецкие племена и связь их со скифами и сарматами. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950,

бронзовых однокрылых стрел, костяные наконечники не могут относится ко времени позже, чем V в. до н. э.

Бронзовые наконечники стрел обнаружены на поселении 5 урочища «Частые Курганы», городищах Волошино 1 и Большое Сторожевое (на валу). Все они небольших размеров; длина их равна 2,5—2,7 см. Два из них — трехлопастные (городище Большое Сторожевое и поселение 5); один — трехгранный (городище Волошино 1). У наконечника с Большого Сторожевого городища втулка слегка опущена; у двух других — втулка внутренняя (рис. 16, *23—25*). Все три наконечника характерны для типов, распространенных в IV—III вв. до н. э.[53]

Два железных плоских наконечника стрел, обнаруженных на Большом Сторожевом и Волошинском 1 городищах, почти одинаковы по форме, но отличаются друг от друга размерами. Первый наконечник, овальный в сечении, имел в длину 2,4 см и более массивные пропорции, чем второй. Длина второго —3,7 см, сечение его плоское, пропорции вытянутые (рис. 16, *21, 22*):

Плоские наконечники стрел характерны для памятников среднего течения Дона и часто входят в состав погребального инвентаря курганных захоронений[54].

Пращевых камней при раскопках встречается много. Изготовлены они из камней различных пород: кварцита, гранита, песчаника. Размеры их невелики —4—5 см в поперечнике. Форма шаровидная или близкая к шестиграннику (рис. 18, *5, 7, 18*).

Предметы конского снаряжения представляют сравнительно редкие находки: за все время работ были обнаружены две костяные ворворки конусовидной формы (на городищах Волошино 1 и Русская Тростянка); обломок костяного предмета (вероятно псалия), конец которого орнаментирован поперечными углубленными насечками (на городище Волошино 1; рис. 15, *21*); три бронзовые ворворки (одна — на городище Волошино 1; две — на городище Кировском) диаметром 1,5—1,6 см: одна из ворворок украшена пунсонным орнаментом в виде восьми бугорков вокруг центрального отверстия (рис. 16, *11, 12*); бронзовая бляха полусферической формы с петлей на обороте (рис. 16, *18*). Бляшка литая, внешняя сторона ее оформлена выпуклыми лучами в виде завихрения. Подобные бронзовые полусферические бляшки входят в состав почти всех конских уздечек (поверхность их может быть гладкой, рубчатой, в виде цветка и т. д.). Что касается бронзовых и костяных ворворок, то, судя по многочисленным находкам их в погребениях, они имели широкое распространение в быту в качестве пуговиц на одежде и панцирях и для закрепления кожаных узлов в конской уздечке и т. д. При раскопках курганов ворворки часто находятся в развалах панцирных пластинок (курганы 11/16 у с. Мастюгино, 1 и 9 у с. Дуровки).

При раскопках кургана 9 у с. Дуровки на дне могилы был прослежен отпечаток сумочки из ткани, где находилось несколько костяных ворворок, служивших, видимо, пуговицами; в кургане 17 у с. Русская Тростянка по обе стороны костяка в области плечевых костей также были обнаружены две костяные ворворки и т. д.

Из предметов украшения первое место по многочисленности находок занимают бусы. Преобладают стеклянные и пастовые, инкрустированные глазками. Цвет бус синий, зеленоватый, желтый (рис. 20, *12—15*). Реже встречаются пастовые бусы, инкрустированные светло-желтыми зигзагообразными полосами (рис. 20, *16*), бусы бочонковидной формы со светлыми и темными полосками инкрустации посредине, стеклянные прозрачные амфоровидные привески (рис. 20, *21, 22*), мелкие стеклянные бусы вытянутой овальной формы, бусы в виде узкого ободка и бусы типа бисера. Все эти бусы являлись предметом экспорта из причерноморских греческих колоний. К местным изделиям относятся глиняные бусы шаровидной и овальной форм (рис. 20, *17, 18*), каменные бусы в виде уплощенного кружка (рис. 20, *20*), вытянутого параллелепипеда, небольшая каменная привесочка с двумя отверстиями на противоположных концах (рис. 20, *19*) и т. д. К категории украшений несомненно относятся две привесочки, сходные по форме, но изготовленные из различных материалов. Первая из них найдена среди подъемного материала Кировского городища. Она представляет собой железную пластиночку грушевидной формы длиной 3,5 см, шириной 2,3 см, окованную с боковых сторон бронзой (рис. 20, *25*). Вторая привесочка изготовлена из стенки красноглиняной амфоры, хорошо отполированной и просверленной (рис. 15, *9*).

К категории подвесок-амулетов относятся костяные привески, изготовленные из челночной кости лошади (городище Большое Сторо-

---

стр. 128; Х. И. Крис. Классификация и хронология стрел Троицкого городища (в печати), рис. 4, *1*. Х. И. Крис в качестве аналогий указывает одношипные стрелы из Брянской области, т. е. с территории распространения культуры юхновских племен; кроме того, одношипные стрелы Каширского (и подобные им с Троицкого) городища автор датирует не VII—V вв. до н. э., как В. А. Городцов, а IV в. до н. э., основываясь на стратиграфии и комплексе других находок.

[53] А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, вып. Д1—4. М., 1964, табл. 9, *39, И5, К6*.

[54] П. Д. Либеров. Отчет о работе Воронежской лесостепной экспедиции в 1961—1962 гг. Архив ИА АН СССР, д. 2258-а, табл. XVI, *31*; 2489-а, табл. XLV, *45—47*.

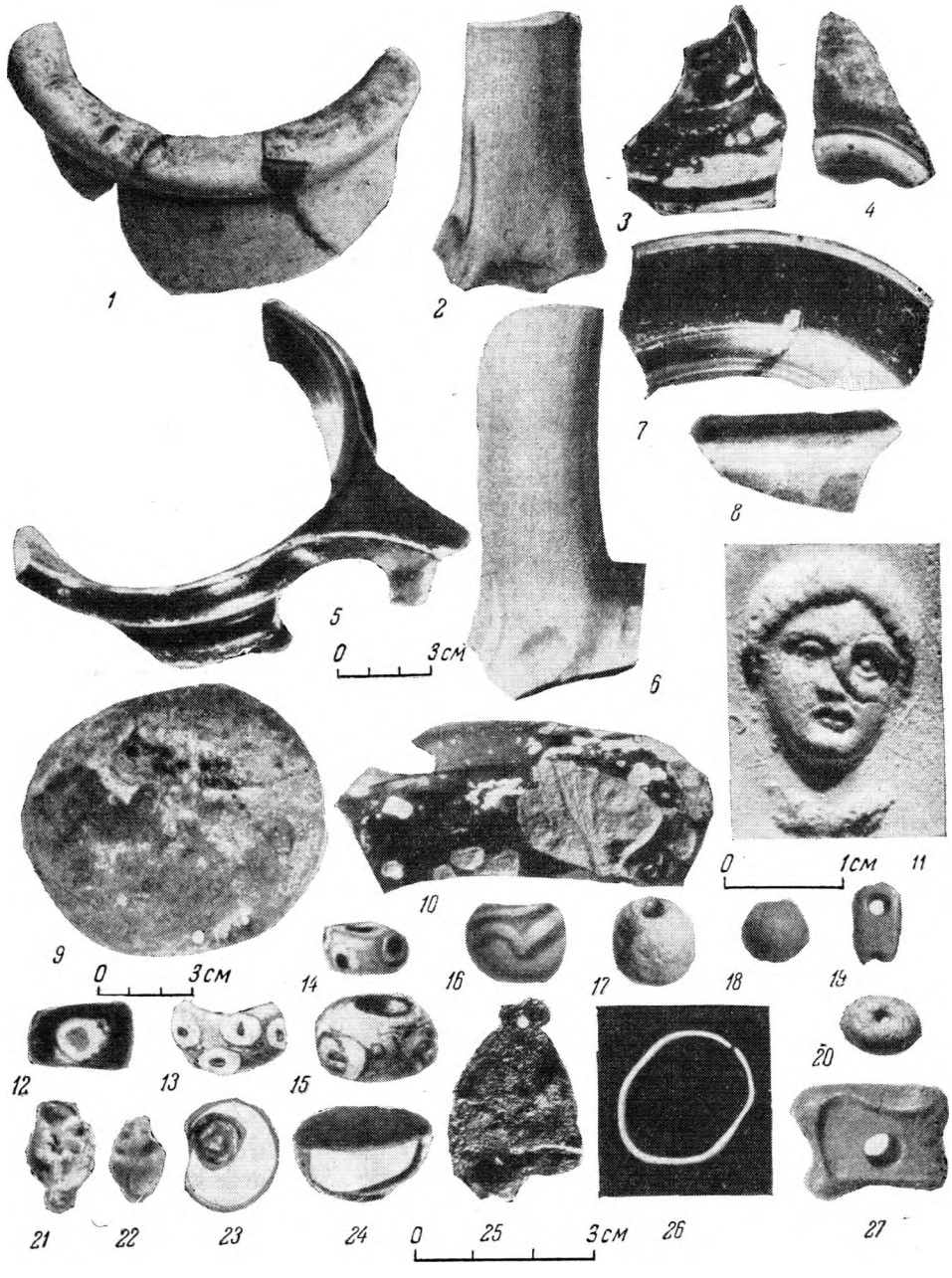


Рис. 20. Античная керамика, бусы и украшения с поселений и городищ

1 — фрагменты пухлогорлой хиосской амфоры; *2, 6* — фрагменты ручек античных амфор IV—III вв. до н. э.; *3, 5, 7, 10* — фрагменты чернолаковой керамики; *4* — фрагмент днища краснолакового сосуда; *8* — фрагмент венчика амфоры типа Солоха II (Византий?); *9* — бронзовое зеркало; *11* — стеклянная гемма; *12—15* — бусины глазчатые; *16—20* — бусины пастовые, глиняные, каменные; *21, 22* — стеклянные амфоровидные привески; *23, 24* — бронзовые перстни; *25* — бронзовая привеска; *26* — золотое кольцо; *27* — астрагал со сверлением;
1, 4, 9, 11, 16—20 — Большое Сторожевое; *2, 5—8, 10, 21, 23—25, 27* — Кировское; *3* — Русская Тростянка; *12* — Верхняя Покровка 2; *13—15, 22, 26* — Волошино 1

жевое, рис. 15, *18*) и астрагала барана (городище Кировское, рис. 20, *27*).

Индивидуальные находки представлены единицами. В 1959 г. на городище Волошино 1 в подъемном материале была обнаружена золотая серьга из гладкой проволоки с несомкнутыми концами (рис. 20, *26*). Диаметр ее равен 3 × × 2,5 см. Подобные серьги являлись довольно обычным предметом украшений и часто встречаются в погребениях. Изготовляться они могли как из золота, так и из серебра и бронзы; украшались серьги нанизанными глазчатыми, сердоликовыми и пастовыми бусинками [55].

В 1961 г. в культурном слое Большого Сторожевого городища была обнаружена стеклянная гемма с изображением женской головки (рис. 20, *11*). Длина геммы 2 см, ширина 1,8 см, толщина 0,6 см, высота изображения 1 см, ширина 0,8 см, глубина выемки до 0,2 см. Внутри геммы по ее вертикальной оси проходит сверление, свидетельствующее о том, что гемма служила бусиной или привеской. По свидетельству М. И. Максимовой, гемма была изготовлена из стекла-литика мастерами северопричерноморских греческих колоний. Изображение представляет собой головку Менады из культа Диониса и датируется III в. до н. э.

На том же Большом Сторожевом городище в 1962 г. была обнаружена серебряная литая бляха (рис. 16, *17*), состоящая из круглого ажурного щитка и полой трубочки, вмонтированной в щиток. Щиток состоит из узкого металлического круга, вокруг которого расположено 16 маленьких выпуклых розеток; полая трубочка орнаментирована кольцевыми поясками, скомпонованными по четыре. Длина всей бляшки 4,9 см, внешний диаметр щитка 2,7 см, диаметр внутреннего отверстия 1,3 см, диаметр трубочки 0,6 см. Аналогий этому предмету мы не знаем, но внешним видом он очень напоминает угрофинские украшения и скорее всего попал на городище из более северных областей (может быть, из районов городецкой культуры).

Бронзовое зеркало найдено в подъемном материале Большого Сторожевого городища. Зеркало небольшое, диаметр его 8,3 × 7,6 см. В нижней части щитка имелось три отверстия для прикрепления рукоятки (рис. 20, *9*).

В отвале раскопа 2 Большого Сторожевого городища было обнаружено височное колечко из плоской бронзовой проволоки, загнутой в два витка (рис. 16, *26*).

И, наконец, в раскопе 2 1965 г. на городище Кировском в самом низу культурного слоя (5 штык) были найдены два бронзовых перстня (рис. 20, *23, 24*) небольших размеров (диаметр 1,6—1,8 см). Оба перстня со щитками: у первого щиток представляет проволочку, загнутую в спираль, у второго — сплошную пластинку. Концы второго перстня не замкнуты.

Золотые перстни со сплошными щитками встречаются при раскопках курганов степи и лесостепи [56]; перстень со спиралевидным щитком обнаружен при раскопках впервые [57].

Предметы культа немногочисленны, но очень интересны. К ним относятся шесть фигурок животных (четыре целые, но с отбитыми головами, ногами, хвостами, и две половинки), три глиняные, слабо обожженные лепешки, два обломка рогатого кирпича, каменная личина и два жертвенника. Из шести фигурок животных две были обнаружены на городище Волошино 1, три — на Большом Сторожевом и одно — на Кировском. От двух фигурок (городище Волошино 1) сохранились лишь туловища, поэтому невозможно определить, кого они изображали. Фигурки с Большого Сторожевого еще более схематичны: вместо каждой пары ног они имеют два отростка, хвост обозначен небольшим налепом. Фигурки изготовлены из черно-серой глины, поверхность их желтая. Длина целой фигурки около 6 см (рис. 15, *19*). Наиболее выразительной является фигурка с Кировского городища. Ноги, голова и хвост у нее тоже обломаны, но на животе имеются ясно выраженные четыре сосковидных налепа, говорящие о том, что фигурка изображает корову. Длина всей фигурки около 6 см (рис. 15, *16*).

Культовые фигурки животных из глины были распространены повсеместно как в скифское время, так и в предшествующие эпохи [58]. Три обожженные лепешки (одна в обломке), обнаруженные на городищах Волошино 1 (рис. 3, *16*) и Круглом (рис. 3, *19*), несомненно, связаны с земледельческим культом. Размеры их

---

[55] П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону, табл. 36, *20*, *24*, *25*; он же. Отчет о работе Воронежской лесостепной экспедиции за 1960—1961 гг. Архив ИА АН СССР, д. 2118-б, табл. XI, *1*, *2*; 2258-а, табл. XXXVI, *3*, *3а*.

[56] ИАК, вып. 19, 1906, табл. XV; П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону, табл. 36, *28*.

[57] Возможно, что спиралевидный орнамент проник на наши городища из областей распространения юхновской и городецкой культур, где спираль была одним из излюбленных мотивов орнаментации. См.: А. П. Смирнов, Н. В. Трубникова. Городецкая культура. САИ, вып. Д1—14. М., 1965, табл. 17, *8*, *12*; А. Е. Алихова. Указ. соч., рис. 7, *11*, *17*.

[58] А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. МИА, № 64, 1958, рис. 28, *9*; Б. А. Шрамко. Древности Северского Донца, рис. 70, *1—9*; В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Исследования Сержень-Юртовского поселения. КСИА, вып. 106, 1966, рис. 37, *1—3*.

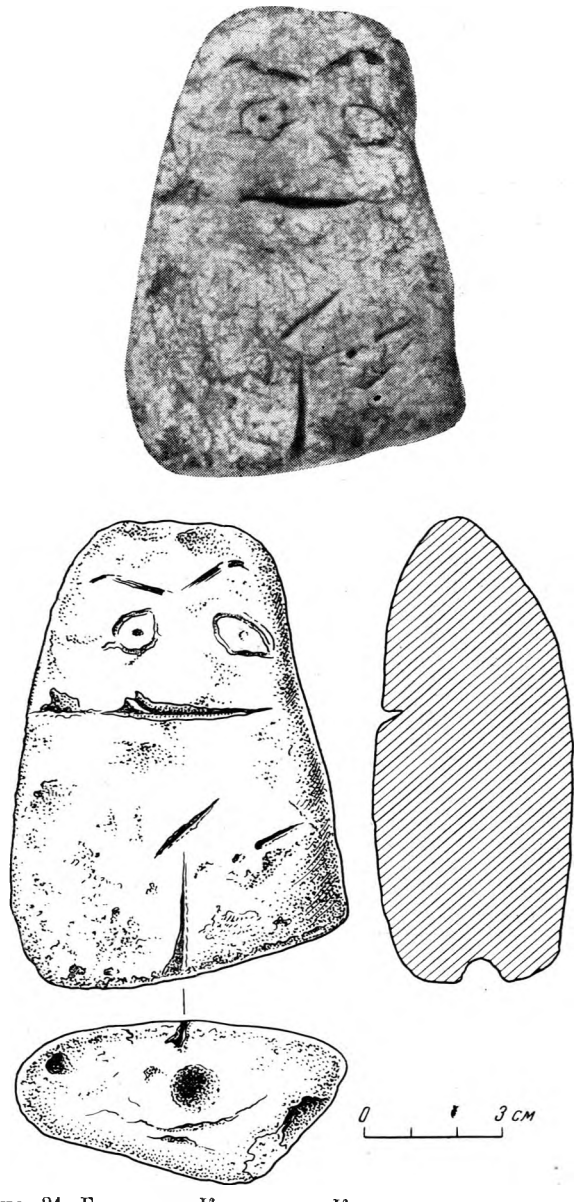


Рис. 21. Городище Кировское. Каменная антропоморфная фигурка

невелики (диаметр 3 и 5,5 см); поверхность — слабо выпуклая.

Выразительный обломок так называемого рогатого кирпича обнаружен при раскопках городища Кировского в 1965 г. (в том же раскопе обнаружено еще несколько обломков, видимо также относящихся к этому типу изделий). Обломок представляет собой половину кирпича с выступом в верхней части, символизирующим голову какого-то животного, и сквозным отверстием внизу. Длина сохранившейся части 11—13 см, высота 13—17 см, ширина овальной подошвы 11 см (рис. 3, *17*). Этому типу изделий посвящена обширная историография[59]. Ареал их очень велик: от Западной Европы до Средней Азии. В областях, расположенных по соседству со Средним Доном, они встречаются на памятниках дьяковской, городецкой и юхновской культур, в Причерноморье, на скифских городищах Нижнего Днепра и Крыма, на Кавказе, Кубани и т. д. Назначение этих изделий остается до сих пор неясным, несмотря на множество гипотез и догадок: их считали подставками под вертела, держалками для веретен при сматывании с них ниток, подставками под жаровни, грузилами для рыболовных сетей, изделиями, связанными с культом огня и домашнего очага, и т. д. Ни одно из этих положений не доказано, но большинство авторов склоняется к последнему предположению. Судя по условиям находки (вместе с обломками жертвенника), рогатый кирпич с городища Кировского тоже имел какое-то культовое назначение.

Каменная антропоморфная фигурка (рис. 21) была обнаружена на Кировском городище в 1965 г. Фигурка сделана из белого мягкого камня (мела или мергеля). Изображение очень схематично. Глаза и рот обозначены глубокими врезными линиями; зрачки глаз и брови нарисованы черной краской. Внизу фигурки вертикально прорезанной полосой обозначены ноги, а две косые параллельные резные полоски с правой стороны, видимо, изображают руку, подтянутую к поясу. Вся лицевая сторона покрыта буро-желтой краской. В нижней части фигурки имеется неглубокое конусовидное отверстие, служившее для насадки на какой-то стержень. Высота фигурки 10,5 см, ширина вверху 5 см, внизу — 7,5 см, толщина 3,5 — 4,5 см. Фигурка такого типа встречена при раскопках впервые и, видимо, имеет прямое отношение к жертвеннику, обнаруженному в северной части того же 2 раскопа.

Жертвенники были выявлены на двух городищах: Круглом и Кировском. Жертвенник городища Круглого представлял собой глиняную «сковороду» с прямостоящими бортиками диаметром 1,10 м, высотой 8 см, толщиной 4—5 см

[59] J. Dechelette. Manuel d'archeologie, v. IV, V. Paris, 1910, ch. XI, 1; C. Schuchhardt. Alt-Europa. Berlin, 1926, S. 52, Abb. 18a-b; Н. Н. Погребова. Позднескифские городища на Нижнем Днепре, стр. 230, рис. 49; стр. 231—233; В. А. Городцов. Старшее Каширское городище, стр. 14—15, табл. IV, *12*, *13*; Н. В. Трубникова. Указ. соч., стр. 126—127, рис. 41, *5*; М. В Воеводский. Городища Верхней Десны. КСИИМК, вып. XXIV, 1949, стр. 71, рис. 3, *5*, стр. 73; П. Н. Шульц. Гавро-скифская экспедиция. КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 61, рис. 26; О. Д. Дашевская. Скифское городище Красное (Кермен-Кыр). КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 115, рис. 45; С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, табл. 78, 81.

и массивным дном. Жертвенник, изготовленный из грубой рыхлой глины с примесью соломы или травы в тесте, был обнаружен в обломках и впоследствии реконструирован в лаборатории ИА АН СССР (рис. 3, *18*). Возможно, что он служил для отправления какого-то земледельческого культа, так как вместе с его обломками были найдены две глиняные лепешки, описанные выше.

О другом жертвеннике, обнаруженном на раскопе 2 Кировского городища в 1965 г., следует сказать несколько подробнее.

Раскоп был заложен в юго-западной части городища (рис. 1) на расстоянии 35—40 м от оборонительного вала. При обследовании городища на месте раскопа было зафиксировано небольшое кургановидное возвышение. Культурный слой раскопа, имевший глубину в южной части 0,60 м, а в северной — 0,80—1,00 м, состоял из однородного чернозема, в котором по мере приближения к материку встречались вкрапления суглинка. На материке никаких ям, пятен и следов сооружений не обнаружено. Наибольший интерес представляет северная часть раскопа, где были обнаружены обломки глиняного жертвенника. Под кусками жертвенника и среди них на глубине двух — четырех штыков найдены три человеческих черепа; других костей скелета там не было. Каково было первоначальное положение жертвенника, сейчас сказать трудно, так как он найден в виде отдельных фрагментов на площади трех квадратов (5, 7 и 8).

При реставрации жертвенника в лаборатории ИА АН СССР выяснилось, что он представлял собой площадку овальной формы размерами 100×110 см с прямостоящими бортиками высотой 8—10 см и массивным дном толщиной 5—6 см, слабо понижающимся от центра к краям. В бортиках жертвенника, изготовленного из грубо мешенной, комковатой глины с примесью соломы или травы в тесте, отмечено несколько отверстий, видимо, предназначенных для стока какой-то жидкости. Культурный слой всего раскопа отличался большой насыщенностью керамикой, костями животных и различными находками, так как, вероятно, при совершении религиозных обрядов наряду с предметами специального культового назначения использовались предметы, употреблявшиеся в быту повседневно. К предметам утвари, сопровождавшим жертвенник, несомненно относятся обломки рогатых кирпичей, глиняная фигурка коровы, просверленный астрагал барана и антропоморфная каменная фигурка, которая, видимо, изображает само божество.

Жертвенники в виде глиняных площадок с бортиками были обнаружены на городищах дьяковской и городецкой культур [60], на Северном Донце [61], на городищах Кубани [62]. Исследователи связывают их обычно с земледельческим культом, о чем свидетельствуют многочисленные находки рядом с жертвенниками глиняных лепешек и зерен злаков. В рассматриваемом случае налицо следы другого характера. В связи с этим нельзя не вспомнить сообщения Геродота о существовании у скифов человеческих жертвоприношений. Геродот сообщает, что у скифов особым почетом пользуется тот воин, который убил наибольшее количество врагов, что головы умерщвленных врагов скифский воин относил к царю и получал соответствующую долю добычи, что из черепов убитых врагов скифы делали себе чаши и пили из них на пирах (Herod., IV, *64*, *65*) и т. д. Очевидно, эти обычаи проникли и к лесостепным племенам. Отражением этих обычаев и было капище с тремя человеческими черепами, обнаруженное на Кировском городище [63].

В заключение необходимо сказать еще об одной категории находок, к сожалению, не очень многочисленной на среднедонских поселениях и городищах, но очень важной по значению. Речь идет о гончарной посуде, являвшейся предметом экспорта. Особую немногочисленную группу составляет сероглиняная керамика, обнаруженная при раскопках Большого Сторожевого городища в 1961—1962 гг. В раскопах и подъемном материале было собрано немногим более 50 фрагментов такой посуды, составивших 1% от общего числа керамики. Происхождение ее неясно, но, судя по формам нескольких венчиков мисок и кувшинов, она явно античного производства. Находки чернолаковой и краснолаковой посуды единичны: за все время работ на городищах и поселениях найдено всего 11 фрагментов таких сосудов. Невыразительные обломки стенок чернолаковой керамики были встречены в подъемном материале на городищах Волошино 1 и Большом Сторожевом. Фрагмент горла чернолакового флакона был обнаружен в 1962 г. на городище Русская Тростянка (рис. 20, *3*); два обломка чернолаковых мисок и венчик чернолакового канфара (рис. 20, *5*, *7*, *10*) — в 1965 г.

---

[60] В. А. Городцов. Старшее Каширское городище, стр. 42.

[61] Б. А. Шрамко. Древности Северского Донца, стр. 202.

[62] В. А. Городцов. Старшее Каширское городище, стр. 42—43.

[63] В. Ф. Гайдукевичем на городище Илурат был обнаружен каменный жертвенник с человеческим черепом. Он видит в этой находке отражение пережиточной формы местных скифо-таврских обычаев. См.: В. Ф. Гайдукевич. Боспорский город Илурат. СА, XIII, 1950, стр. 196—200, рис. 12; 13; 14, *а*, *б*.

на городище Кировском. Фрагменты, по определению В. Д. Блаватского и И. Б. Зеест, относятся к IV—III вв. до н. э. В раскопе 1 Большого Сторожевого городища были найдены обломок чашки, покрытой коричневым лаком, и два обломка венчиков флаконов, покрытых бурым лаком, датируемых эллинистическим временем. К тому же времени относится горло красноглиняного флакона, обнаруженного в раскопе 1 Кировского городища. III—II вв. до н. э. датируется поддон краснолакового килика или блюда, найденного на раскопе 2 Большого Сторожевого городища (рис. 20, *4*). Таков перечень всех находок этого рода. Однако, судя по частым находкам дорогой греческой посуды в погребальных комплексах, можно говорить о большем ее распространении, чем это может показаться по находкам только на поселениях и городищах. Совершенно очевидно, что такой посудой особенно дорожили, что она представляла особую ценность и в качестве таковой попадала в погребальный инвентарь. Среди гончарной керамики основную массу составляют амфоры. Процент их в общей массе невелик: от 0,5—1,5% (городища Круглое, Стрелецкое, Верхне-Покровское 2) до 8—8,6% (городища Большое Сторожевое, Волошино 1, Кировское). Находки венчиков, ручек и ножек амфор довольно редки. В основном это обломки амфорных стенок, поэтому при определении центра производства и времени бытования амфор большое значение имеют цвет и фактура глины, ее примеси, цвет поверхности. Наиболее раннюю дату (рубеж VI—V вв. до н. э.) имеют фрагменты хиосских пухлогорлых амфор, обнаруженных в основании культурного слоя на городищах Большом Сторожевом (рис. 20, *1)* и Кировском. К IV в. до н. э. относятся обломки фасосских амфор и амфор с рюмкообразными ножками, найденные на городище Кировском, а также амфор типа Солоха I и Солоха II (Византий?) (рис. 20, *8*), найденные на городищах Кировском и Волошино 1. Самую многочисленную группу составляют фрагменты амфор IV—III вв. до н. э. (рис. 20, *2*). Происходят они из неизвестного средиземноморского центра (фрагменты, обнаруженные на городище Волошино 1); из Гераклеи (на городищах Волошино, Кировское, поселение 3 урочища «Частые Курганы»); из Синопы (на городищах Волошино 1, Русская Тростянка, Кировское); с островов Фасос, Хиос, Кос (на городищах Волошино 1, Кировское, Большое Сторожевое, Русская Тростянка); из Боспора (на городищах Волошино, Русская Тростянка, Кировское); из неизвестного центра, производившего амфоры с рюмкообразными ножками (на городищах Русская Тростянка, Кировское). Фрагменты фасосских амфор III в. до н. э. были обнаружены на Кировском городище; обломки косских амфор II в. до н. э. на городищах Волошино 1 и Русская Тростянка. Амфор, датируемых временем позднее II в. до н. э., на городищах не обнаружено. Очевидно, II век до н. э. следует считать верхней гранью времени существования городищ.

Исследование поселений Среднего Дона позволяет сделать следующие выводы:

Начиная с VIII—VII вв. до н. э. на территории Среднего Дона обитало оседлое население, основными занятиями которого были земледелие и скотоводство. Характер земледелия из-за отсутствия находок земледельческих орудий трудно установить, но, основываясь на синхронных аналогиях, можно говорить о том, что оно было пашенным [64]. Находки многочисленных днищ лепных сосудов с отпечатками зерен проса, ячменя и пшеницы дают представление о составе культур, возделываемых населением среднедонских поселений и городищ. О большом значении земледелия в жизни населения свидетельствуют также следы земледельческого культа в виде глиняных жертвенников и сопровождающих их моделей глиняных лепешек, обнаруженных в культурном слое городищ Волошино 1, Круглого и Кировского. Бо́льшая часть ремесел (керамическое, кожевенное, ткацкое, обработка кости, дерева и камня) носила, видимо, зачаточный характер. Ремесло еще не отделилось от земледелия. Что касается металлургии и обработки металлов, то здесь, видимо, следует говорить о более высокой степени развития, несмотря на то, что на городищах встречаются лишь незначительные следы металлургического производства. Дело в том, что инвентари погребений среднедонских могильников («Частые Курганы», у сел Мастюгино, Русская Тростянка, Дуровка) изобилуют изделиями металлургии: там найдено большое количество железного оружия (мечи, наконечники копий, дротиков и стрел, панцири, орудия труда, украшения и т. д.). Локальные формы некоторых изделий (наконечников стрел, втоков копий и дротиков), форма и орнаментация бронзовых котлов, широкое распространение железных панцирей, некоторые местные мотивы звериного стиля — все это говорит в пользу местного их производства. Очевидно, для среднедонских городищ вполне применим вывод, к которому пришел Б. А. Шрамко в своей диссертации: на ряде поселений существовало местное металлургическое и металло-

[64] Б. А. Шрамко. Хозяйство лесостепных племен Восточной Европы в скифскую эпоху. Автореф. докт. дисс. Киев, 1965, стр. 8—9.

обрабатывающее производство[65]. С конца VI в. до н. э. складываются прочные торговые связи среднедонских племен с греческими колониями. На всем протяжении существования городищ торговля носила меновой характер, о чем свидетельствует полное отсутствие находок монет как в культурном слое поселений, так и в инвентаре погребений. Временем наивысшего расцвета поселений является IV и рубеж IV—III вв. до н. э. В это время достигает максимума обмен с греческими городами Северного Причерноморья, Малой Азии и Средиземного моря.

К сожалению, раскопки городищ и поселений мало что дают для решения социальных вопросов. В этом отношении решающее значение имеют раскопки могильников, однако кое-какие наблюдения можно сделать и на материале поселений. В 1958—1959 гг. на городище Волошино 1 были раскопаны три жилища площадью в 8,5, 13,5 и 150 кв. м. Одно из жилищ (3) отличалось не только большими размерами, но и материалом, обнаруженным в его заполнении; в первых двух жилищах было обнаружено почти в пять раз меньше фрагментов амфор, чем в третьем (45 фрагментов в первых двух и 194 — в третьем). Такое различие в размерах жилищ и в количестве амфорного материала в их заполнениях представляет большой интерес при изучении развития социальной дифференциации.

Исследование среднедонских поселений не может считаться завершенным. Решение большей части вопросов, касающихся социально-экономического строя, этнического состава населения, культурных связей, участия среднедонских племен в исторических событиях, причин прекращения жизни на всех поселениях во II в. до н. э., зависит от совокупного изучения материалов поселений и могильников, что связано с дальнейшим расширением работ на обоих видах этих памятников.

[65] Б. А. Шрамко. Хозяйство лесостепных племен..., стр. 13.

А. И. Пузикова

РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ У СЕЛА ДУРОВКА в 1965 г.

Одновременно с раскопками городищ и поселений Воронежская экспедиция проводила большие работы на курганных могильниках, синхронных поселениям. В 1956 г. были закончены раскопки «Частых Курганов», начатые еще до революции, в 1962 г.— курганного могильника у с. Мастюгино. В 1959 г. экспедиция начала раскопки курганной группы у с. Русская Тростянка, а в 1964 г.— группы у с. Дуровка Белгородской области. Две последние группы открыты разведками экспедиции, ранее они в литературе нигде не упоминались. Работы на них еще не закончены. За все годы работ (с 1954 по 1965 г.) было раскопано в общей сложности более ста курганов. Участниками экспедиции написано несколько статей, большей частью публикационного характера [1], а в 1965 г. вышел из печати Свод археологических источников, обобщивший все материалы по 1963 г. включительно [2]. В 1964—1965 гг. экспедиция работала на курганном могильнике у с. Дуровка. За два сезона было раскопано десять насыпей. Материалы первого года работ опубликованы [3]. В данной статье публикуются материалы второго года работ.

Летом 1965 г. было исследовано пять курганов, расположенных компактной группой в северо-западной части могильника, вокруг самой высокой насыпи — кургана 9. Высота раскопанных насыпей равнялась 0,20—1,50 м, их диаметры — от 15 до 40 м. Насыпи курганов снимались бульдозером: путем общей зачистки по обе стороны от центральной бровки (курганы 6, 8) или несколькими параллельными траншеями с оставлением вспомогательных бровок между ними (курганы 7, 9, 10). Ширина траншей 2,50—3 м; ширина бровок 0,50—1 м.

В четырех из раскопанных курганов (6, 7, 9, 10) был обнаружен материковый выкид, располагавшийся кольцом вокруг могильных ям. Ширина колец 1,5—4,25 м. Мощность слоя выкида 0,20—0,40 м. В курганах 6, 9, 10 (рис. 1, *2*) кольцо было сплошным, в кургане 7 в юго-западной части кольца прослежен проход к могильной яме шириной 1,75 м. В кургане 8 могильный выкид наблюдался в виде аморфных включений светлого материкового суглинка в насыпи кургана.

В кургане 10 (рис. 2, *1*) при снятии насыпи было зафиксировано большое количество золистых пятен от кострищ размерами от 1×1 до 1,5×4 кв. м. Два из них, обнаруженных в восточном секторе кургана, можно связать с обрядом тризны, так как они расположены над материковым выкидом, а в границах одного из них была обнаружена кость животного. Все золистые пятна и пятна прокаленной земли, найденные в западном секторе, были перекрыты выкидом. Не являлись ли эти кострища результатом того, что погребение совершалось в зимнее время и поэтому для отогрева почвы и облегчения работ вокруг будущей могильной ямы были зажжены многочисленные костры?

[1] П. Д. Либеров. Мастюгинские курганы и Волошинские городища. СА, 1960, № 3, стр. 162—171; он же. Мастюгинские курганы. СА, 1961, № 3; стр. 153—165; А. И. Пузикова. Курганный могильник скифского времени у с. Русская Тростянка. СА, 1962, № 4, стр. 219—224; она же. Два кургана из могильника скифского времени у с. Русская Тростянка. КСИА, вып. 102, 1964, стр. 24—33; В. А. Башилов. Курганы с трупосожжениями у с. Мастюгино. СА, 1963, № 2, стр. 151—158; он же. Бронзовая гидрия из кургана у с. Мастюгино. СА, 1966, № 2, стр. 304—309.

[2] П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону. САИ, вып. Д1—31. М., 1965.

[3] А. И. Пузикова. Новые курганы скифского времени в Белгородской области. КСИА, вып. 107, 1966, стр. 80—91.

Во всех раскопанных курганах обнаружили по одной могильной яме, располагавшейся в центре насыпи. Форма могильных ям — трапециевидная и прямоугольная с закругленными углами, глубина от уровня погребенной почвы 0,45—1,50 м. Могилы ориентированы по линии север — юг (в курганах 6 и 8) и северо-восток — юго-запад (в курганах 7, 9, 10). В курганах 6, 7 могилы представляли собой простые грунтовые ямы без облицовки с перекрытием в виде плоских накатников, располагавшихся вдоль или поперек могильных ям. В курганах 8, 9 и 10 могильные ямы были облицованы досками толщиной 0,08—0,10 м, от которых на дне сохранились отпечатки в виде неглубоких канавок со скошенным дном. Судя по этим отпечаткам-канавкам, облицовка имела следующую конструкцию: поперечные доски одними концами примыкали к доскам облицовки данных сторон, другими же — укреплялись при помощи пазов. Деревянные облицовки были помещены в грунтовые ямы больших размеров; зазоры между облицовкой и стенками ямы заполнены светлым мешеным грунтом (рис. 1, *2*, 2, *2*).

Наилучшей сохранностью отличалось перекрытие кургана 9. Прослежено оно на глубине 1,34—1,40 м в центре насыпи и 1,75—1,80 м — у ее краев (рис. 1, *1*). Дерево перекрытия лежало на слое материкового выкида из могилы, по краям далеко выходя за его пределы. Судя по расположению бревен, перекрытие имело шатровое устройство. Бревна лучами сходились в центре кургана, опираясь на центральный опорный столб, от которого в дне могилы сохранилась ямка глубиной 0,70 м, диаметром до 0,40 м. Длина отдельных бревен была 2,5—5 м, но чаще встречались куски бревен длиной 1,5—1 м и меньше. Внутренние концы бревен резко обрывались у краев могилы вследствие обвала перекрытия внутрь могильной ямы.

Аналогичное устройство имело, видимо, перекрытие кургана 10, судя по расположению кусков бревен, обнаруженных в северной части насыпи. Об устройстве перекрытия кургана 8 трудно сказать что-либо определенное, так как остатки его прослеживались в насыпи кургана в виде отдельных включений древесного тлена. Во всех раскопанных курганах кости погребенных были потревожены грабителями.

В кургане 7 кости скелета были выброшены грабителями в насыпь; в кургане 8 в могиле была обнаружена только челюсть ребенка, позволившая судить, что погребение являлось детским. В курганах 6 и 10 были обнаружены in situ кости ног; по положению их можно судить, что погребенные лежали на спине, ориентированные головой на юг и юго-запад. В кургане 9 погребение оказалось парным. Основным было погребение мужчины-воина, остатки костяка которого обнаружены у северо-западного борта могилы. Другое, у противоположного юго-восточного борта, судя по инвентарю, было погребением женщины. От костяков также сохранились в непотревоженном состоянии лишь кости ног. Оба костяка лежали на спине головой на юго-запад. В курганах 6, 9 и 10 под костяками прослеживались остатки деревянных настилов, а в головах, ногах и под бедренными костями погребенного — следы примитивных гробов в виде отпечатков досок, поставленных на ребро. Концы этих досок укреплялись в облицовке могилы при помощи пазов. Все курганы были ограблены. В кургане 6 на дне могильной ямы в ее северо-восточном углу мы обнаружили гераклейскую амфору IV в. до н. э. (рис. 3, *1*). В области грудных костей погребенного было найдено 30 золотых нашивных бляшек с петелькой на обороте (рис. 4, *18*) [4].

В кургане 7 из всего инвентаря сохранились только две вещи: круглая желтая пастовая бусина и золотая полусферическая бляшка с двумя отверстиями для нашивки. В кургане 8 количество находок несколько больше. На дне могилы были найдены вток дротика обычной рюмковидной формы (рис. 5, *12*), две стеклянные амфоровидные привески, обломок лезвия железного ножа с горбатой спинкой, две бронзовые бляшки от поясного набора или конской уздечки довольно сложных очертаний — в виде двух соединенных серповидных фигур (рис. 5, *10, 11*) [5] и обломки чернолакового флакона, относящегося к IV в. до н. э. (рис. 3, *2*) [6].

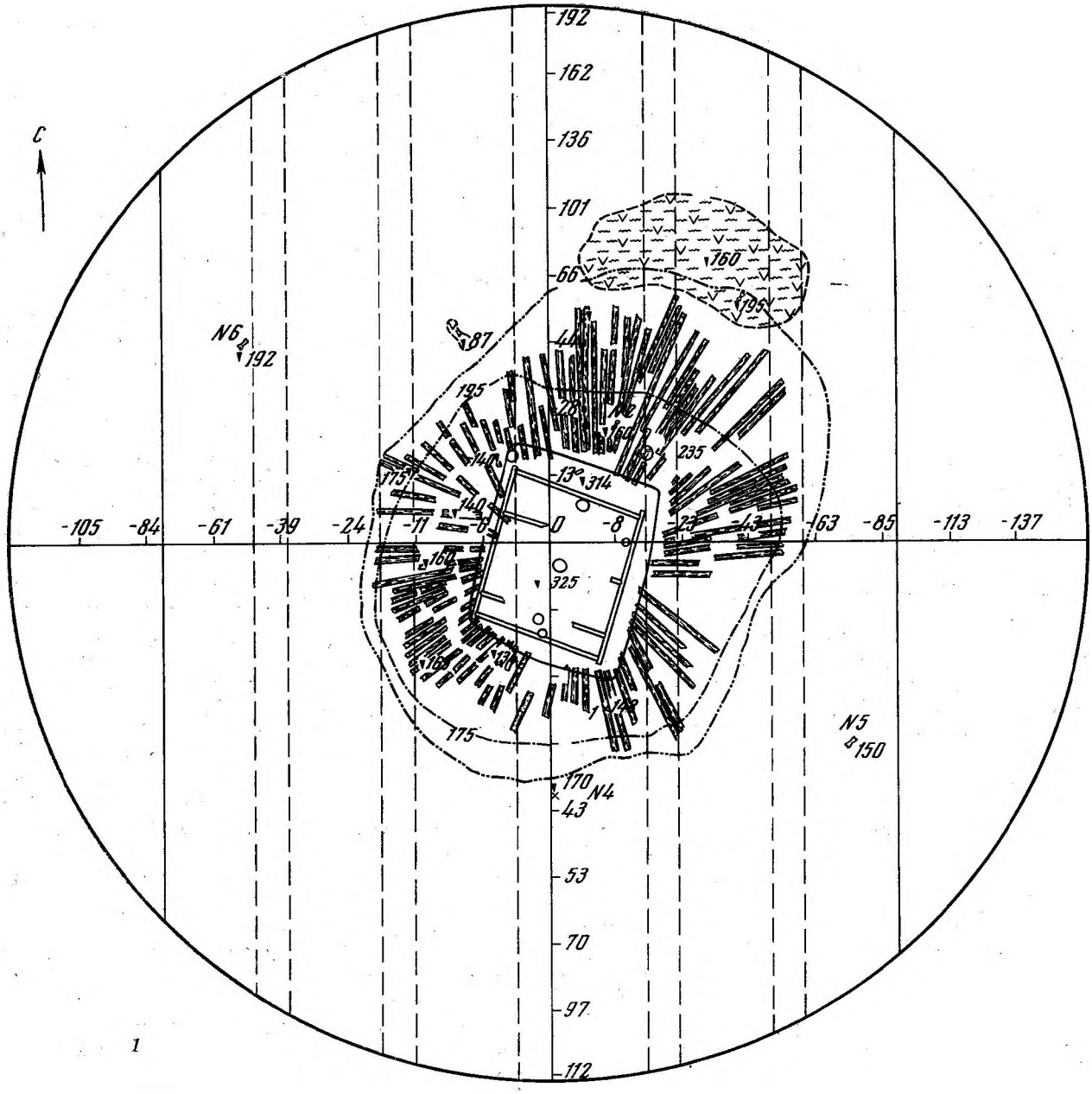
Сохранившийся инвентарь кургана 10 довольно обычен. В юго-восточном углу было обнаружено скопление трехлопастных наконечников стрел (42 отдельных экземпляра и 2 спекшихся куска, рис. 5, *3, 4*), три железные ворворки усеченно-конической формы (рис. *4*, *16*, *17*) и железное перевитое колечко в виде восьмерки (рис. 4, *15*) [7]. Слева от костяка

[4] Аналогии см.: С. Н. Замятнин. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем. СА, VIII, 1946, стр. 21, рис. 7, *2*; стр. 35, рис. 23, *3*; Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43, 1911, стр. 50, рис. 55, *1*, *2*; рис. 56, 61, *6*; Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. II. Киев, 1899, табл. XXVIII, *446*; вып. III, табл. VIII, *458*.

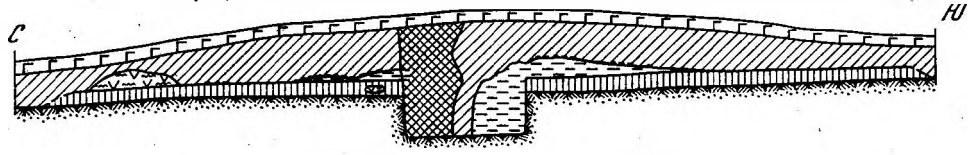
[5] Аналогии см.: С. Н. Замятнин. Указ. соч., стр. 38, рис. 27, *7*.

[6] Определение амфоры и чернолаковой керамики произведено И. Б. Зеест.

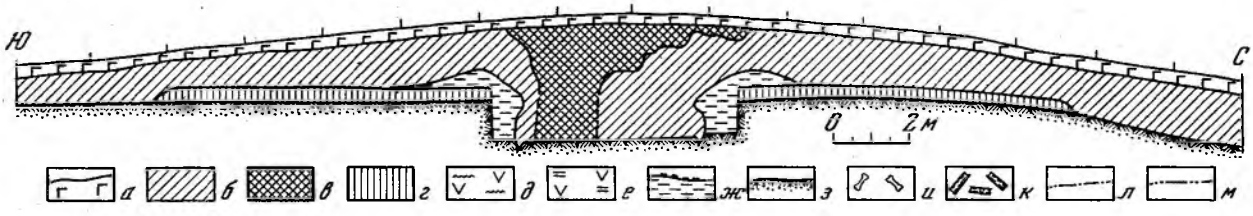
[7] См. подобные: П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону, табл. 21, *32*.



Профиль восточной стенки траншеи N1 (восточная половина)



Профиль кургана по оси Ю-С



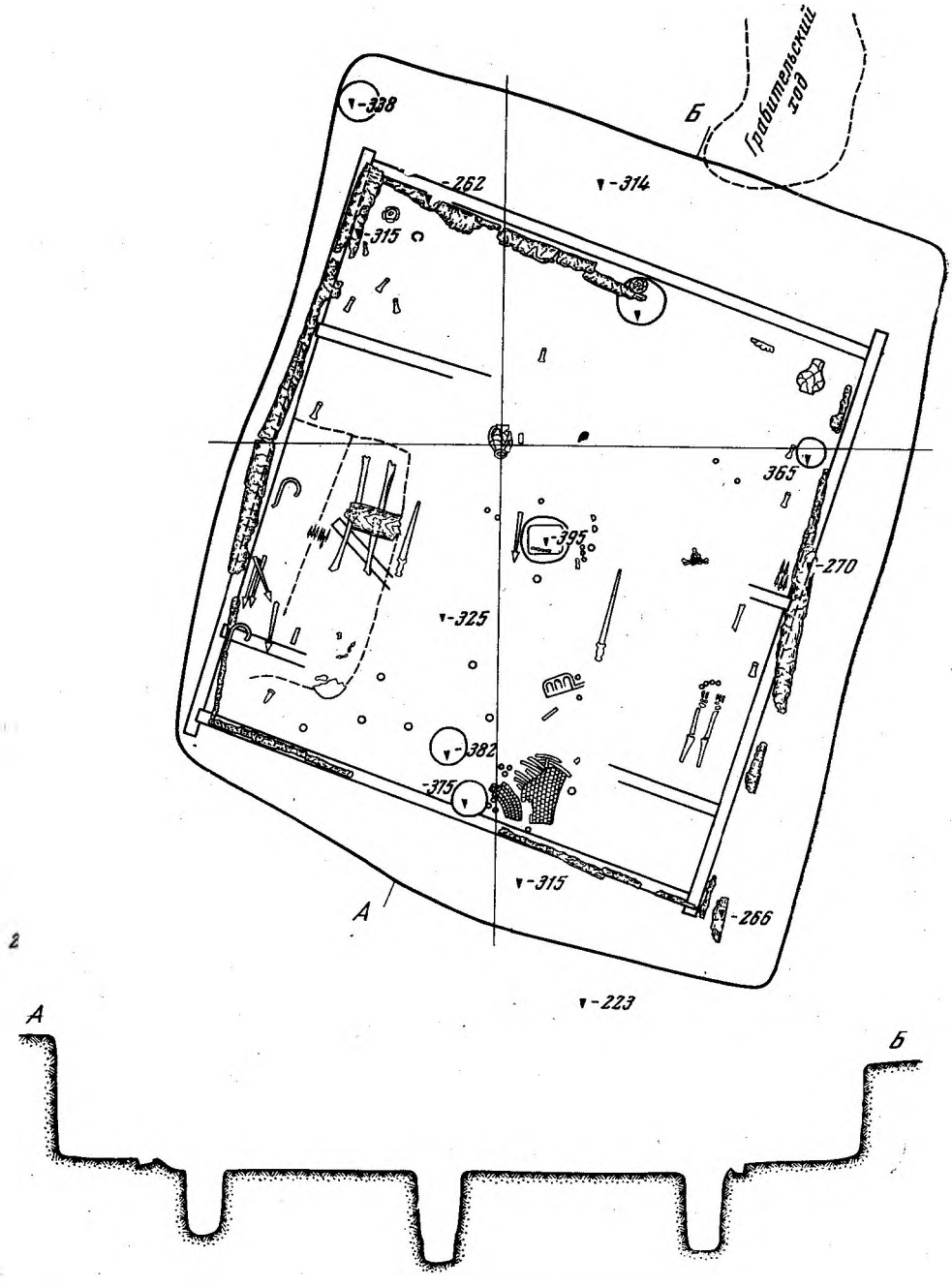


Рис. 1. План и разрез кургана 9 (*1*) (стр. 84). План и разрез могильной ямы (*2*)

а — пахотный слой; *б* — насыпь; *в* — грабительская яма; *г* — погребенная почва; *д* — зола с угольками; *е* — обожженная глина с угольками; *ж* — могильный выкид с покрывающим слоем древесного тлена и плахами; *з* — материк; *и* — кости животных; *к* — дерево; *л* — граница могильного выкида; *м* — граница древесного тлена, лежащего на выкиде

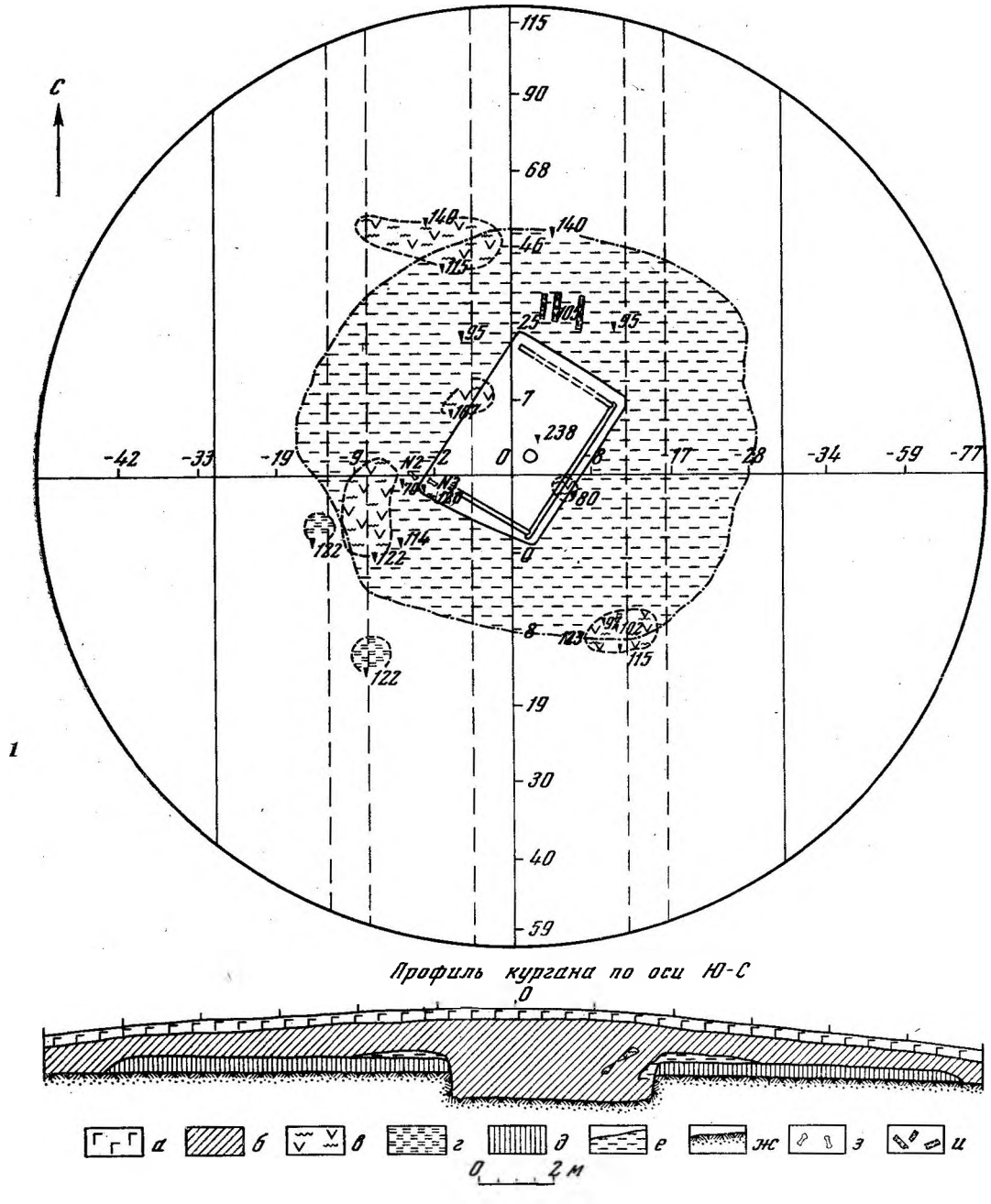
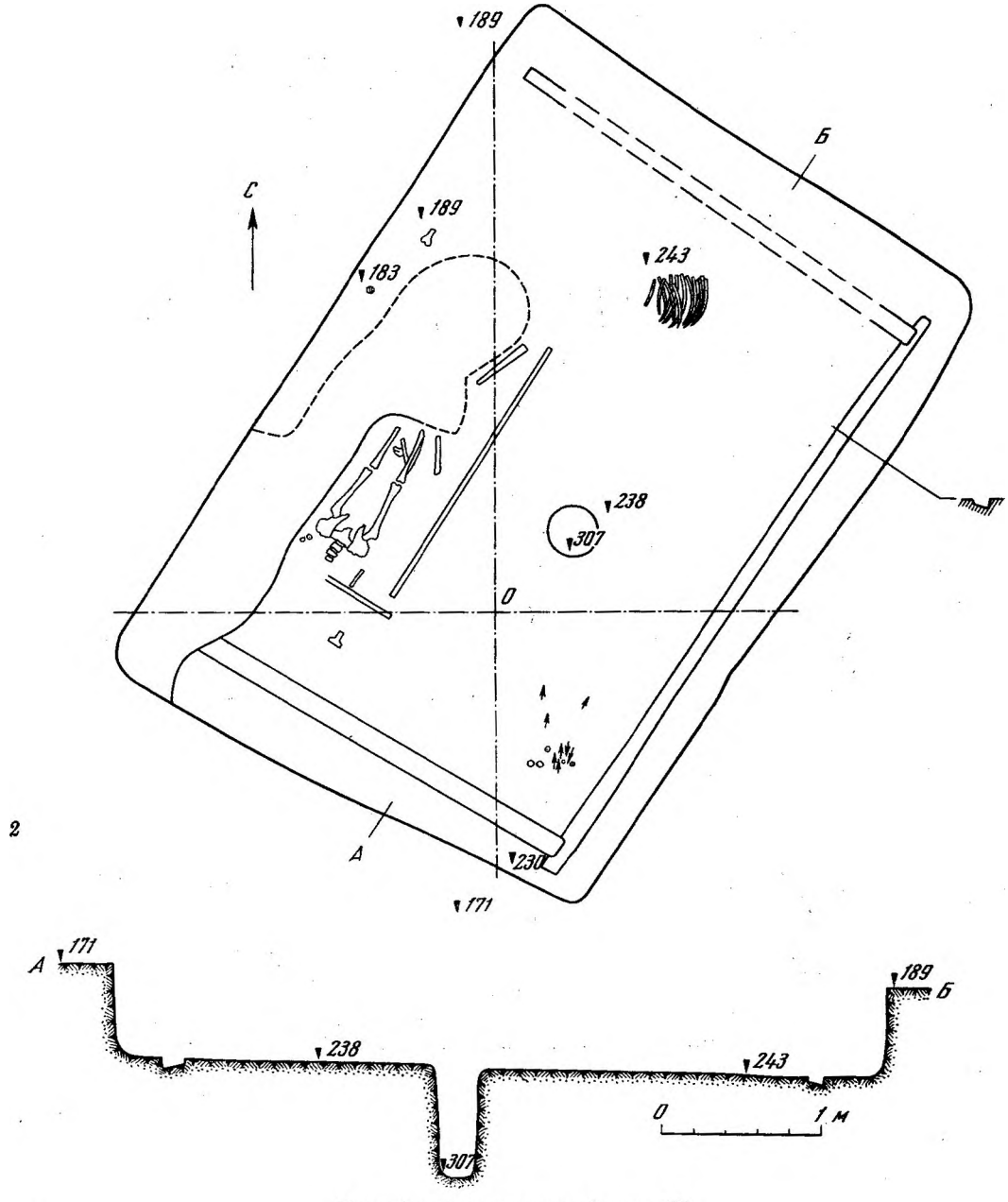


Рис. 2. План кургана 10 (*1*)

а — пахотный слой; *б* — насыпь; *в* — зола с угольками; *г* — обожженная глина; *д* — погребенная почва; *е* — могильный выкид, покрытый прослойкой древесного тлена; *ж* — материк; *з* — кости животных; *и* — дерево



План и разрез могильной ямы (2)

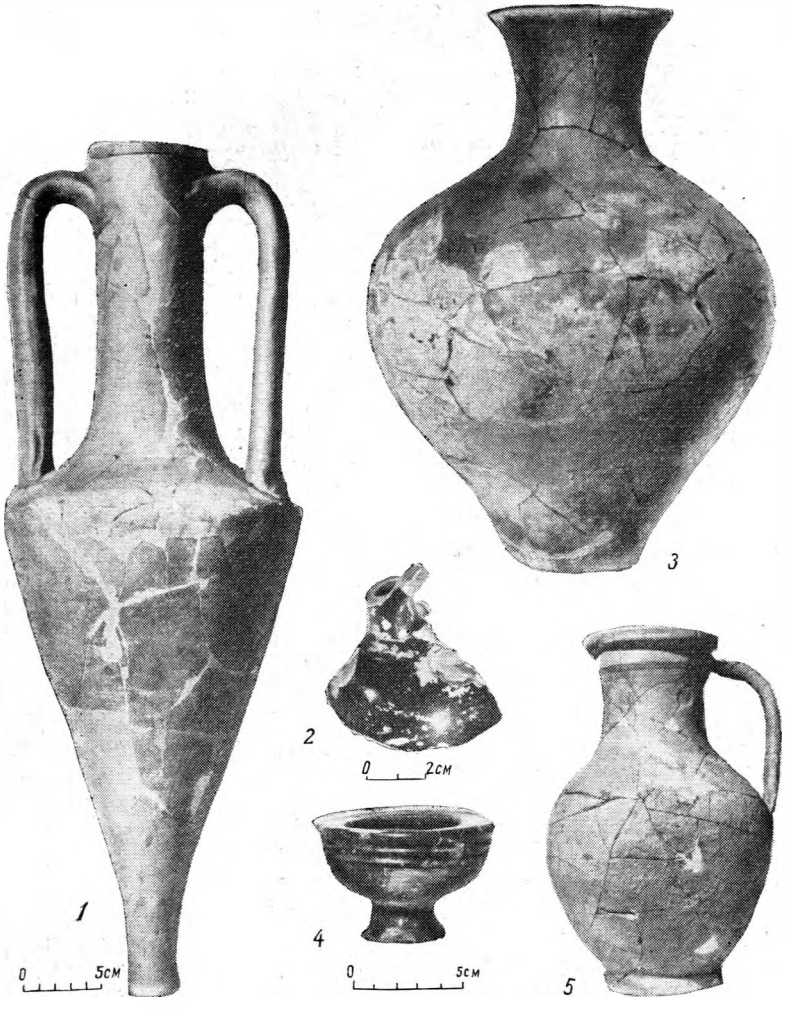


Рис. 3. Импортная и лепная керамика из курганов

1 — гераклейская амфора IV в. до н. э.; *2* — обломок чернолакового флакона; *3* — лепная ваза-кувшин; *4* — лепная чашечка на поддоне; *5* — гончарный одноручный кувшин
1 — курган 6; *2* — курган 8; *3—5* — курган 9

Рис. 4. Металлические вещи из курганов

1—3 — железные кольца от конской уздечки; *4* — конские железные удила с псалиями; *5* — железный псалий со шляпками; *6* — железный нож с костяной рукояткой; *7* — бронзовый и железный псалий; *8, 9* — железные крюки; *10* — железный браслет; *11, 13* — бронзовые ворворки; ***12, 14, 16, 17*** — железные ворворки; *15* — железное перевитое колечко; *18* — золотые бляшки с петелькой на обороте; *19—22* — костяные ворворки

1—10, 12, 14, 19—22 — курган 9; *11, 13, 15—17* — курган 10; *18* — курган 6

человека в области тазовых костей в первоначальном положении лежали две бронзовые ворворки (одна конической формы, другая в виде широкого кольца; рис. 4, *11, 13*). Наиболее редкой находкой в кургане 10 был меч (рис. 6, *5*). Рукоятка меча, разломанная на две половинки, находилась в разных частях могилы; лезвие меча обнаружили в ногах погребенного. Меч — железный с овальным навершием и бабочковидным перекрестием. Длина его равна 55 см, длина рукояти 10 см, ширина лезвия у перекрестия 5,5 см. С обеих сторон рукояти — ладьевидное углубление; сама рукоять имела форму вытянутого овала. По форме навершия и перекрестия меч из кургана 10 относится к третьему типу мечей (по классификации А. И. Мелюковой) и может быть датирован IV — первой половиной III в. до н. э.[8]

Наиболее богатым находками оказался, несмотря на ограбление, курган 9. Из непотревоженного инвентаря сохранилось очень немногое. Слева от основного погребения в области бедренных костей находилась кучка спекшихся железных трехлопастных наконечников стрел — остатки колчана (см. план могильной ямы на рис. 1, *2*), справа — железный меч. У северо-западного борта, слева от основного погребения, были обнаружены два больших железных крюка и четыре железных наконечника дротиков, лежавших рядом, параллельно стене могилы. Четыре подтока от дротиков обычной рюмковидной формы находились в противоположном северном углу могильной ямы. Не затронули грабители северный и восточный углы могилы, где in situ сохранились лепная чашечка на поддоне и лепной лощеный узкогорлый кувшин — ваза без ручек. В северо-западной части могилы у центральной столбовой ямки лежал раздавленный гончарный красноглиняный одноручный кувшин. Бóльшая часть вещей, находившихся в южной части могилы, была потревожена грабителями и оказалась беспорядочно разбросанной по всей могильной яме. К ним относится железный чешуйчатый панцирь, лежавший у юго-западного борта в виде кучки крупных кусков и отдельных чешуек. В куче панцирных пластинок были обнаружены две костяные и три железные ворворки, одна бронзовая и две серебряные заклепочки. Под панцирем находились кости животного (особи крупного рогатого скота или лошади) и, как обычно, железный нож с широким лезвием, горбатой спинкой и костяной рукояткой. В той же южной и центральной части могильной ямы были разбросаны принадлежности конской сбруи и оружие: три железных кольца, три железные ворворки, бронзовые бляшки в виде восьмилепесткового цветка и головы собаки или волка, четыре бронзовые ворворки, две серебряные бляшки в виде фигурок медведя, железные удила с псалиями. Псалий от другой пары удил, имевший прямой железный ребристый стержень с широкими шляпками на концах, и наконечник дротика были найдены около центральной столбовой ямки. У юго-восточного борта были обнаружены еще два втока дротиков и скопление плоских железных наконечников стрел; в ногах малого костяка — четыре пастовые бусины (две темные с желтыми прожилками и две глазчатые) и еще один вток дротика. Слева от малого костяка на дне могилы были прослежены отпечатки какого-то предмета типа сумочки из ткани с основой из ребер животного. Рядом с сумочкой лежали две костяные ворворки, служившие, видимо, застежками, и второй железный меч. Кроме того, в третьем и четвертом штыках заполнения могильной ямы в ее юго-западной части были обнаружены S-видный псалий от третьей пары удил, скомбинированный из железа и бронзы, и бронзовая бляшка в виде головы лошади; в северо-западном углу могилы — обломки железного браслета и железный подток дротика; еще один, девятый по счету, подток был найден у юго-восточного борта. Итак, бóльшую часть инвентаря, обнаруженного в кургане 9, составляют вещи, часто встречающиеся при раскопках среднедонских курганов. К ним относятся лепной лощеный кувшин-ваза, отличающийся от обычно встречаемых сосудов этого типа отсутствием ручек (рис. 3, *3*); высота сосуда 37 см, диаметр венчика 12,5 см, диаметр тулова 27 см, диаметр дна 9,5 см[9]; лепная лощеная чашечка на полом поддоне (рис. 3, *4*); высота ее 7 см, диаметр венчика 10,2 см, диаметр поддона 5,8 см[10]; пять железных наконечников дротиков с жаловидными перьями[11] (рис. 5, *1,2*); девять железных подтоков дротиков рюмковидной формы (рис. 5, *15*)[12]; 27 плоских (рис. 5, *7—9*) и трехлопастные наконечники стрел (рис. 5, *5, 6*), одиннадцать отдельных экземпляров и четыре спекшихся куска[13]; железные конские удила с прямыми винтообразно закрученными стержнями и прямыми псалиями с

[8] А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, вып. Д1—4. М., 1964, стр. 51—52, табл. 18, *2, 3, 6, 9*.

[9] Аналогии см.: П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону, табл. 9, *1—18*.

[10] Там же, табл. 10, *33—35, 37—39*.

[11] Там же, табл. 18, *10—12, 22—27*.

[12] Там же, табл. 18, *13—15, 17—21*.

[13] Там же, табл. 19, *7—11, 15, 16, 19—23, 26—32, 71—92* и т. д.

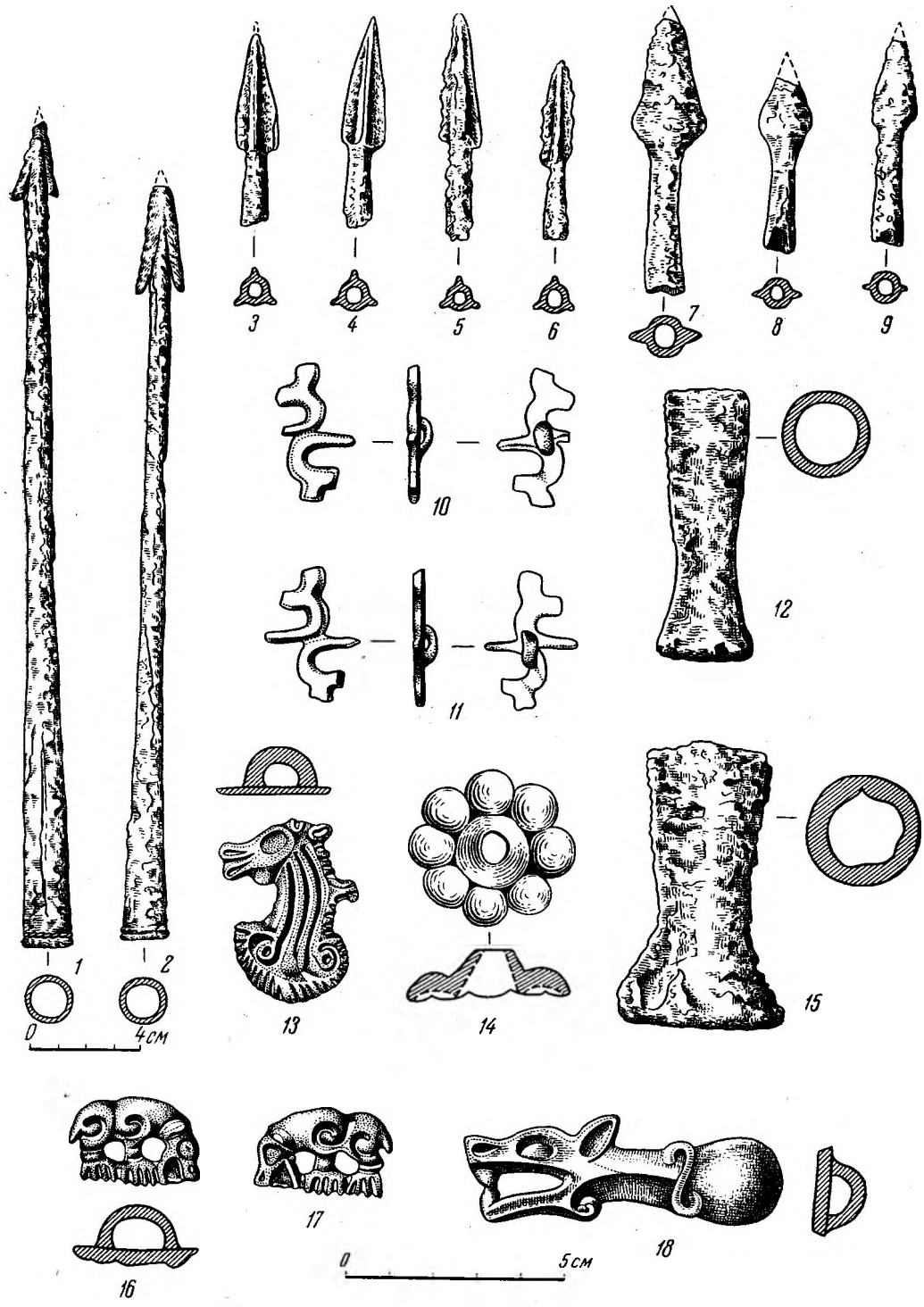


Рис. 5. Оружие и предметы, изготовленные в зверином стиле

1, 2 — железные наконечники дротиков; *3—6* — железные трехлопастные наконечники стрел; *7—9* — железные плоские наконечники стрел; *10, 11* — бронзовые бляшки от поясного набора или уздечки; *12, 15* — железные втоки дротиков; *13* — бляшка бронзовая в виде головы лошади; *14* — бронзовая восьмилепестковая ворворка; *16, 17* — серебряные бляшки с изображением медведя; *18* — бронзовая бляшка в виде головы собаки или волка

1, 2, 5—9, 13—18 — курган 9; *3, 4* — курган 10; *10—12* — курган 8

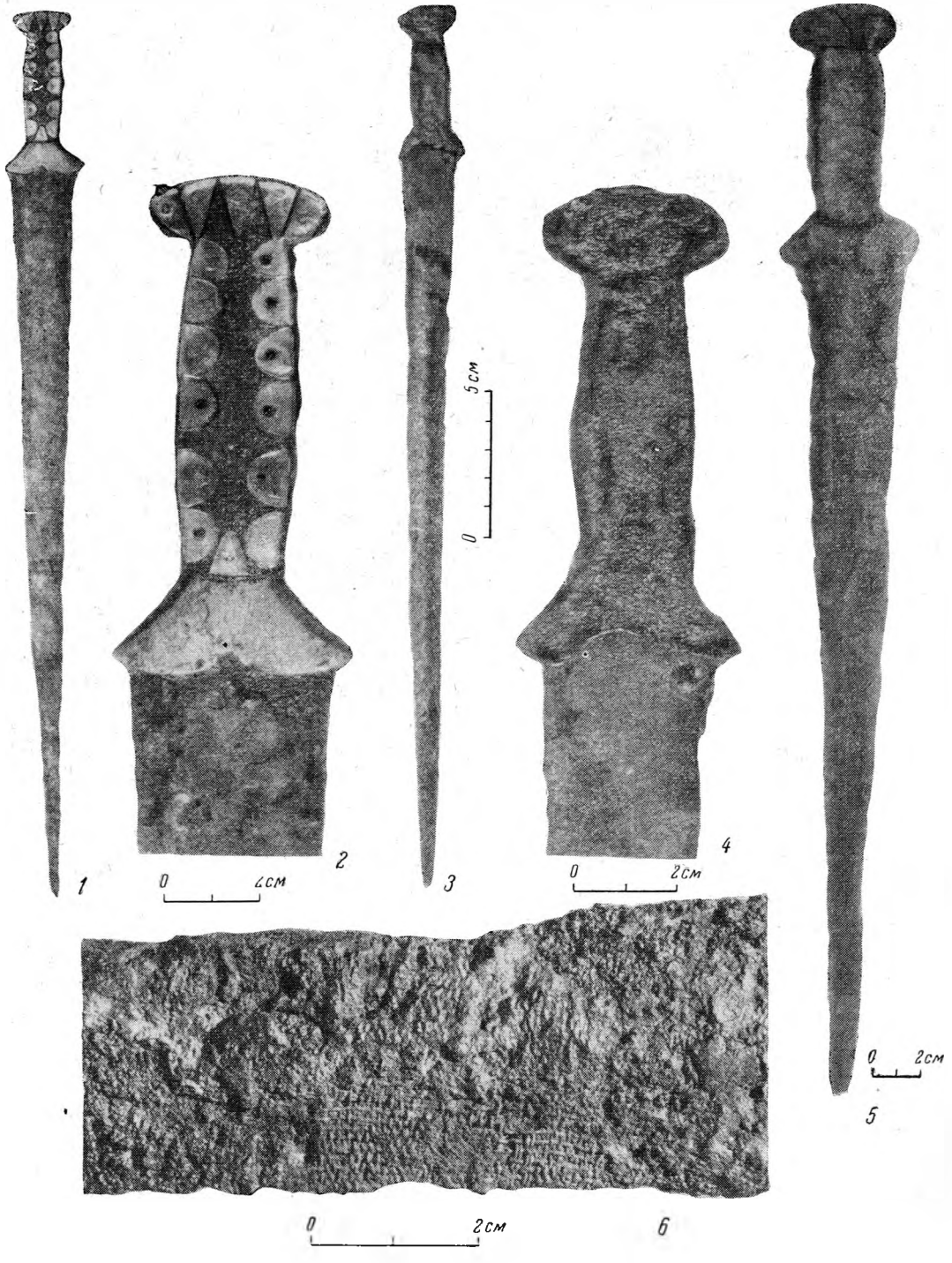


Рис. 6. Мечи

1, 2 — меч с рукояткой, обложенной золотыми и серебряными пластинками; *3, 4* — железный меч с железной рукояткой; *5* — железный меч; *6* — отпечаток ткани на лезвии меча
1—4, 6 — курган 9; *5* — курган 10

шишечками на концах (рис. 4, *4*) [14]; псалий от другой пары удил в виде стержня с прямой нарезкой и круглыми шляпками на обоих концах (рис. 4, *5*) [15]; бронзовые (четыре штуки), железные (восемь штук, рис. 4, *12*, *14*,) и костяные (семь штук, рис. 4, *19—22*) ворворки различных диаметров и форм [16]; круглые железные кольца (три штуки диаметром 2,8 см) от конской уздечки (рис. 4, *1—3*) [17]; железный нож с костяной рукояткой (рис. 4, *6*) [18]; железный незамкнутый браслет с шишечками на концах (рис. 4, *10*) [19]; бусы пастовые, глазчатые, со светлыми полосами инкрустаций и дыневидные [20]; две серебряные и одна бронзовая заклепочки, обломок втулки копья (или дротика).

К числу более редких находок относятся прежде всего два железных меча. Один из них находится справа от основного погребения. Меч — железный, с овальными навершием и бабочковидным перекрестием. Общая длина меча 69 см, длина овальной рукояти 10 см, размеры навершия 2 × 4,7 см, размеры перекрестия 2,5 × 6 см, ширина лезвия у перекрестия 5 см. Перекрестие было медным или бронзовым; рукоять и навершие украшены чередующимися серебряными и золотыми полукруглыми и треугольными пластиночками, прикрепленными при помощи заклепок. На одной из сторон лезвия сохранились отпечатки ткани (рис. 6,*6*), на другой — дерева. Лезвие в сечении — овальное (рис. 6, *1—2*). Другой меч, обнаруженный ближе к центру могилы, отличался от первого более скромным оформлением (рис. 6, *3, 4*). Он изготовлен целиком из железа. Рукоять и навершие имели форму овала, перекрестие было бабочковидным. Общая длина его равнялась 68 см, длина рукояти 10 см, размеры навершия 2,0 × 4,5 см, размеры перекрестия 2,5 × 5,5 см, ширина лезвия у перекрестия 4,5 см. Вдоль лезвия проходило слабо намеченное ребро. Оба эти меча, так же как и меч из кургана 10, относятся к третьему типу мечей и датируются IV — первой половиной III в. до н. э. [21] К сравнительно редким предметам относятся бляшки от конской узды, изготовленные в зверином стиле.

Одна из бляшек изображает голову лошади (рис. 5, *13*). Голова повернута влево, изгиб шеи подчеркнут тремя выпуклыми линиями, две из которых оканчиваются внизу боковыми волютами. Грива, изображенная неглубокими насечками, переходит в веерообразное украшение низа бляшки, на обороте — горизонтальная петля. Бляшки с аналогичными, но сильно стилизованными изображениями встречены в курганных комплексах левобережья Днепра.

Другая бляшка представлена в виде головы собаки или волка (рис. 5, *18*). Морда зверя вытянута вперед, пасть разинута, внутри пасти — два клыка, шея ограничена S-видным, вертикально поставленным завитком. На обороте бляшки — вертикальная петля, через которую пропущен ремень. Такая же бляшка была обнаружена в комплексе кургана 40/26 у с. Мастюгино, который датируется гераклейской амфорой IV—III вв. до н. э. [23]

Две серебряные бляшки с изображением медведей (рис. 5, *16, 17*) имеют довольно многочисленные аналогии в комплексах воронежских курганов. Часто подобные изображения украшают так называемые поясные крючки [24], реже они являются принадлежностью конской уздечки [25]. Псалий S-видной формы от третьей пары удил интересен тем, что он скомбинирован из двух металлов. Концы псалия, покрытые винтовой нарезкой и оканчивающиеся шишечками, изготовлены из бронзы, а середина его, в месте восьмерковидного расширения, — из железа (рис. 4, *7*). Бронзовая бляшка в виде восьмилепесткового цветка (рис. 5, *14*) представляет собой разновидность ворворки. Диаметр бляшки 3,5 см, центральное отверстие ее оформлено в виде выпуклого конуса, лепестки — в виде полусферических бляшек [26]. Два железных крюка (рис. 4, *8*, *9*) отличаются от ранее известных крупными размерами [27]. Назначение их

---

[14] П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону, табл. 23, *33*.

[15] Там же, табл. 23, *4*.

[16] Там же, табл. 22, *2*, *4*, *6*; 23, *11—18*, *27*, *30*; 24, *24*, *25*, *30*, *38—40*, *46*, *52* и т. д.

[17] Там же, табл. 21, *17*, *24*; 22, *13*, *20*, *25*; *6—9*, *34* и т. д.

[18] Там же, табл. 16, *1—11*.

[19] Там же, табл. 24, *63*.

[20] Там же, табл. 36, *3, 5, 6, 8—10, 12, 13, 15, 17—19*, *22*, 23 и т. д.

[21] А. И. Мелюкова. Указ. соч., табл. XVIII, *1—3*.

[22] Б. И. и В. Н. Ханенко. Указ. соч., табл. XV, *315*; XVII, *317*; XIX, *320б*.

[23] П. Д. Либеров. Отчет о раскопках Воронежской лесостепной экспедиции в 1960 г. Архив ИА АН СССР, д. 2118-а, табл. XXXVIII, *12*.

[24] П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону, табл. 32, *13*, *14*.

[25] П. Д. Либеров. Отчет о раскопках Воронежской лесостепной экспедиции в 1960 г., табл. XXIX, *8*, *9*. Кроме среднедонских курганов, подобные изображения встречаются на памятниках ананьинской культуры и на Кавказе. См.: А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, табл. XXIX, *8*; XXXI, *29*; Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 154, рис. 17, *7*.

[26] Аналогии см.: С. Н. Замятнин. Указ. соч., рис. 10, *7*.

[27] Аналогии см.: П. Д. Либеров. Отчет о раскопках Воронежской лесостепной экспедиции в 1960 г., табл. XIII, *1*; XVI, *2*; П. Д. Либеров, А. И. Пузикова. Отчет о работе Воронежской лесостепной экспедиции в 1964 г. Архив ИА АН СССР, д. 2860-а, табл. XXXVIII, *1*, *2*.

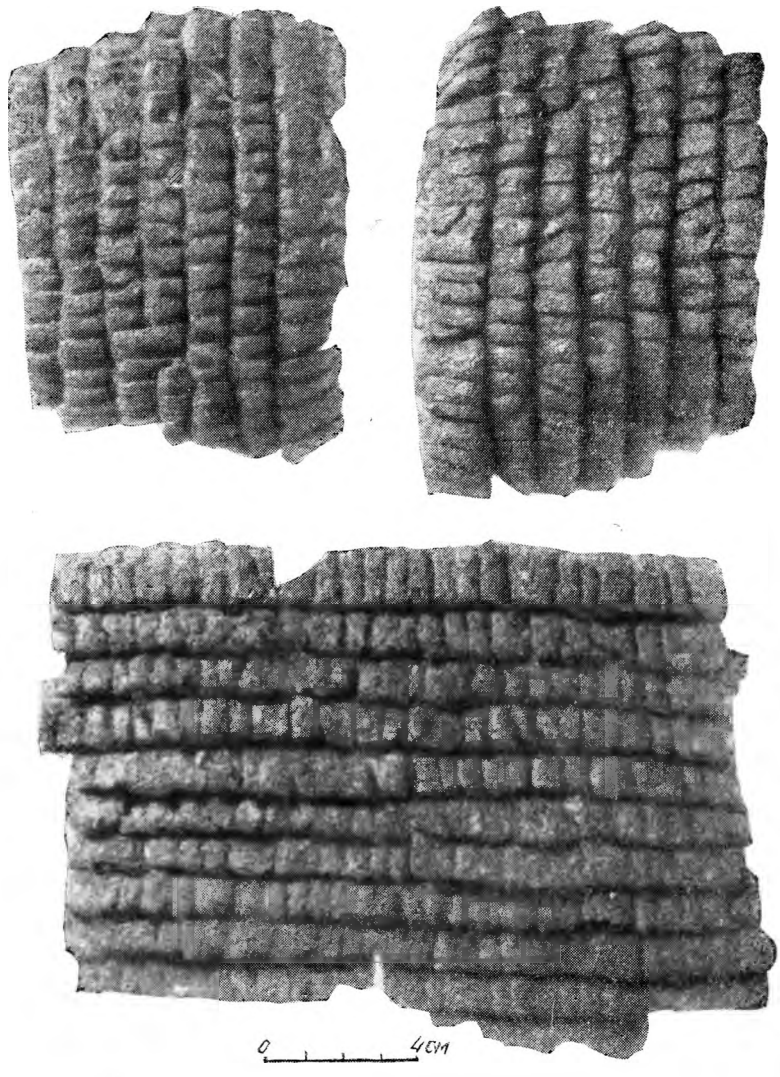


Рис. 7. Фрагменты железного чешуйчатого панциря

не выяснено, но, судя по обстоятельствам их находки в данном комплексе, можно высказать некоторые предположения. В кургане 9 они были найдены in situ у северо-западного борта могилы рядом с четырьмя наконечниками дротиков. Возможно, что они были забиты в облицовку стены и служили для подвешивания дротиков в горизонтальном положении; кроме того, по положению дротиков и подтоков можно высчитать длину древков, которая должна была равняться 2,3 — 2,5 м, так как подтоки находились в противоположном углу могилы именно на этом расстоянии.

Железный панцирь был отброшен грабителями в южную часть могильной ямы. Из собранных кусков и отдельных пластинок по изображениям панцирей на предметах торевтики удалось реконструировать переднюю часть панциря и два куска оплечий (рис. 7) [28]. Пластинки панциря расположены горизонтальными рядами, одной боковой стороной находя друг на друга. Длина пластинок 1,9—2 см, ширина — 1,3 см. Подол панциря окаймлен более длинными пластинками (3,5 см); в середине — пояс из пластинок длиной 5,5 см с отпечатками кожаного ремешка.

Из предметов греческого импорта в кургане был обнаружен одноручный кувшин на кольце-

[28] См. изображение панциря конного воина на гребне из кургана Солоха: М. И. Артамонов. Сокровища скифских курганов. Прага, 1967, рис. 147—148. Реконструкция панциря см.: А. И. Мелюкова. Указ. соч., табл. 22, *16*.

вом поддоне (рис. 3,5). Высота кувшина — 24 см, диаметр венчика 9 см, диаметр дна 8,5 см. Судя по форме и красновато-оранжевой со светлыми блестками глине, этот кувшин боспорского производства и может быть датирован IV в. до н. э.[29] Итак, все раскопанные курганы по времени укладываются в IV—III вв. до н. э. Гераклейская амфора из кургана 6 датируется И. Б. Зеест IV в. до н. э.; к этому же времени относятся и обломки чернолакового флакона из кургана 8. Сложнее обстоит дело с датировкой комплексов курганов 9 и 10, так как они не содержат столь хорошо датирующихся вещей греческого производства, а диапазон во времени многих местных изделий довольно широк. Судя по тому, что бо́льшая часть вещей относится к IV — III вв. до н. э., очевидно, этим временем и надо датировать данные комплексы.

Однако следует заметить, что не исключена возможность и более ранней датировки, т. е. IV в. до н. э. В пользу этого предложения говорят ранние признаки некоторых предметов, обнаруженных в кургане (отсутствие у лепного кувшина ручек, которые появляются в IV в. до н. э., судя по наблюдениям на материалах поселений; реализм в зверином стиле, форма античного кувшина и т. д.).

[29] С. И. Капошина. Некрополь в районе поселка им. Войкова близ Керчи. МИА, № 69, 1959, рис. 44, 4.

А. Н. Москаленко, А. Д. Пряхин

ПОСЕЛЕНИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА У ХУТОРА ТИТЧИХА

На Среднем Дону в настоящее время известно значительное число поселений и могильников раннего железного века. Лучше изучены могильники [1]. Поселения археологи начали исследовать только в последнее десятилетие [2]. Вместе с тем даже небольшие раскопки каждого нового памятника расширяют наши представления о материальной культуре населения лесостепи в I тысячелетии до н. э. В связи с этим определенный интерес представляют и результаты раскопок двух поселений раннего железного века у хут. Титчиха Лискинского района Воронежской области.

Раскопки одного из них (поселение 1) велись параллельно с исследованиями Титчихинского городища боршевского типа [3]. На мысу городища боршевской культуры и на прилегающей территории плато были заложены семь раскопов и разведочная траншея (рис. 1). На площади раскопов I, II, V, VI материал раннего железного века встречается в культурном слое наряду с материалом боршевской культуры [4]. Кроме указанных материалов, на площади раскопов встречено небольшое количество фрагментов керамики, а также несколько кремневых скребков и отщепов эпохи бронзы. Керамика эпохи бронзы имеет коричневую или серую внешнюю и внутреннюю поверхности. По форме это горшки с почти прямым, довольно высоким венчиком и пухлым туловом и миски. Они орнаментированы горизонтальными рядами елочных вдавлений, сделанных зубчатым штампом, которые сочетаются с горизонтальными рядами пальцевых защипов. Подобная керамика есть на ряде мысовых поселений в районе Верхнего и Среднего Подонья, составляющих своеобразную группу среди поселений катакомбного типа на указанной территории.

Культурный слой раскопа VII однороден: он состоит из керамики и вещей только раннего железного века. Толщина его 35—36 см. Здесь находилась центральная часть рассматриваемого поселения раннего железного века. Через поселение проходит вал, связанный со славянским городищем. Поселение раннего железного века не было укреплено.

На современной дневной поверхности раскопа VII были видны две удлиненные, довольно глубокие западины, а также много небольших округлых. На месте удлиненных западин расчищены две углубленные в материковый мел канавы. Размеры одной из них следующие: длина 9,80 м, ширина по верху 1,80 м—2 м, ширина по основанию 0,90—1,40 м, глубина

[1] В. А. Городцов. Раскопки «Частых Курганов» близ Воронежа в 1927 г. СА, IX, 1947; С. Н. Замятнин. Скифский могильник «Частые Курганы» под Воронежем. СА, VIII, 1946; П. Д. Либеров. Мастюгинские курганы и Волошинские городища. СА, 1960, № 3, стр. 165—170; он же. Мастюгинские курганы. СА, 1961, № 3; А. И. Пузикова. Курганный могильник скифского времени у с. Русская Тростянка. СА, 1962, № 4.

[2] А. Н. Москаленко. Некоторые итоги работ на Архангельском городище Воронежской области в 1952—1953 гг. Сб. «Из истории Воронежской области». Воронеж, 1954; она же. Раскопки на Архангельском городище в 1952—1953 гг. КСИИМК, вып. 62, 1956; П. Д. Либеров. Некоторые результаты разведок на Среднем Дону в сезон 1957 г. Труды Воронежского областного краеведческого музея, вып. 1, 1960; он же. Мастюгинские курганы и Волошинские городища, стр. 162—165; А. Н. Москаленко, Д. А. Попов. Волошинское городище Воронежской области. Сб. «Из истории Воронежского края». Труды Воронежского университета, т. 53, вып. 1, 1961.

[3] Материалы поселения боршевской культуры у хут. Титчиха опубликованы. См.: А. Н. Москаленко. Городище Титчиха. Воронеж, 1965.

[4] На большей части территории раскопа I и раскопов III и IV встречаются только боршевские материалы.

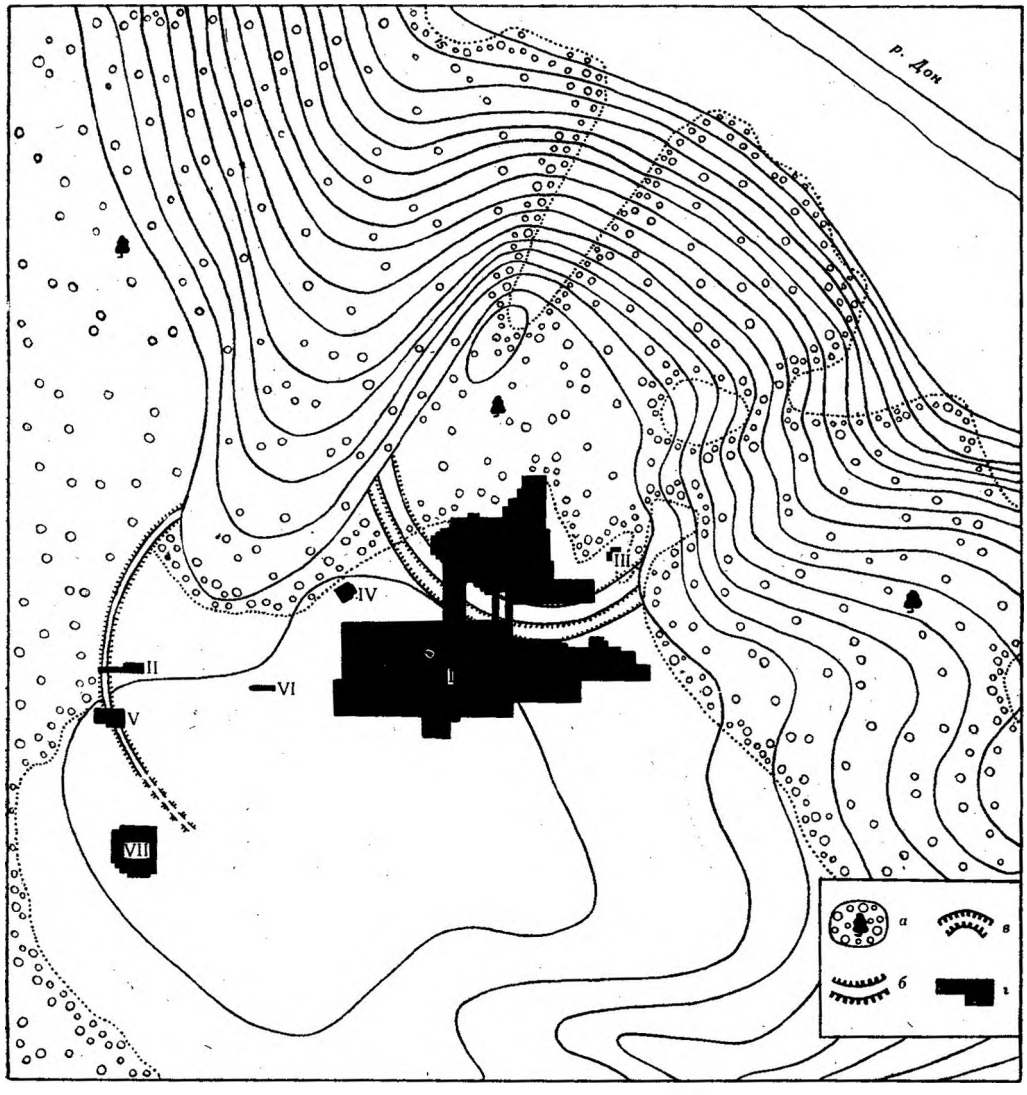


Рис. 1. План раскопов на городище и поселении 1 у хут. Титчиха
а — лес; *б* — вал; *в* — ров; *г* — границы раскопов
Номера раскопов обозначены римскими цифрами

0,85 м; размеры другой: длина 12,60 м, ширина по верху 2 м — 2,60 м, ширина по основанию 0,90 — 1,70 м, глубина 1,05 м. Пол обеих канав ровный. Насыщенность их заполнения культурными остатками незначительна. На полу первой канавы расчищено три очага в виде скоплений золы, которые располагались по центральной оси канавы. Меловой пол в основании очагов обожжен. На полу другой канавы расчищено четыре подобных очага, расположенных также по ее длинной оси. Наличие очагов свидетельствует о жилом характере обоих помещений. В территорию жилищ входила и окружающая наземная площадка, ограниченная плетневыми стенами, от которых сохранились двойные ряды ямок в материке (рис. 2). Плетневые стены жилищ в древности были обмазаны глиной; куски ее в большом количестве встречены в культурном слое вблизи ямок. Обращает на себя внимание тот факт, что на некоторых участках по линии стен ямки отсутствовали. Это может быть объяснено двумя причинами: во-первых, материк, подстилающий культурный слой, не однороден. Там, где в основании культурного слоя залегала материковая глина, столбики забивали не только в культурный слой, но и в глину, а на тех участках, где культурный слой подстилал мел, их могли забивать только в культурный слой, поэтому никаких столбовых ямок в материке не было. Во-вторых, вполне

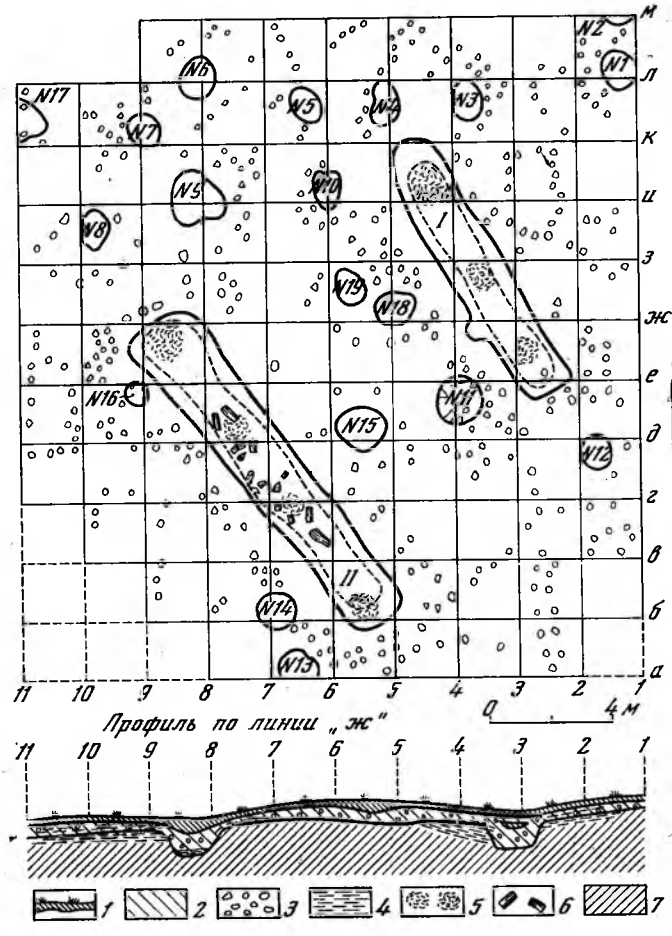


Рис. 2. План и профиль раскопа VII поселения 1 у хут. Титчиха

1 — гумус; *2* — чернозем; *3* — меловая щебенка; *4* — глина; *5* — зола; *6* — обгоревшее дерево; *7* — материковый мел

возможно, что опорные столбики вбивали на разную глубину и некоторые из них вообще не достигли материка.

Оба жилища имели деревянную кровлю, остатки обгоревших плах которой довольно хорошо сохранились в углубленной части жилища 2. Для более детальной реконструкции кровли нет достаточных данных. Вход в оба жилища был с северо-восточной стороны. На площади каждого из жилищ находились хозяйственные ямы (жилище 1 — хозяйственные ямы 3 и 4, жилище 2 — хозяйственные ямы 15 и 16 и, вероятно, 14). Таким образом, оба жилых помещения состояли как бы из двух частей — наземной и полуземляночной.

Прямых аналогий жилищам Титчихинского 1 поселения среди близлежащих памятников раннего железного века нам найти не удалось. Известные жилища того времени значительно отличаются от жилищ обоих Титчихинских городищ. На Волошинском 1 городище, расположенном также в бассейне Среднего Дона, выявлено два наземных жилища площадью от 8,5 до 12—13 кв. м и отдельные очаги, не связанные с жилищами [5]. На Нижнем Дону, на Кобяковом и Гниловском городищах, были открыты наземные жилища овальной формы с деревянной и камышовой основой, обмазанные глиной, и жилища с каменными стенками [6]. В бассейне Северного Донца в рассматриваемое время существовали наземные мазанки столбового типа с открытыми очагами [7]. На городище Кузина Гора на Сейме вскрыта удлиненная наземная постройка, ограниченная канавками, в которые ставили столбы деревянной облицовки [8]. А. Е. Алихова замечает, что на городищах Курского Посеймья совершенно отсутствуют жилища типа землянок или полуземлянок [9]. На Днепре на Каменском городище открыты полуземляночные и наземные постройки с деревянной столбовой конструкцией [10].

Итак, все эти постройки отличаются от жилищ на поселении у хут. Титчиха. Поэтому нам представляются целесообразными поиски аналогий этим жилищам в памятниках предшествующего времени. На территории Верхнего и Среднего Дона в эпоху поздней бронзы одним из типов жилых построек были жилища, имевшие наземную и углубленную в материк части. Например, на Елецком поселении эпохи бронзы в 1958—1959 гг. был прослежен профиль углубленной части подобной постройки [11], а в 1964 г. в результате охранных работ на этом поселении была вскрыта оставшаяся часть жилища, состоявшая из центральной канавы, в которой находились два очага, и наземной части, ограниченной столбовыми ямками, расположенными на расстоянии 3—4 м от канавы. По заполнению это жилище датируется периодом поздней бронзы. Следует обратить внимание и на тот факт, что в жилище 1 на поселении поз-

[5] П. Д. Либеров. Мастюгинские курганы и Волошинские городища, стр. 163.

[6] А. А. Миллер. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции Академии в 1926—1927 гг. СГАИМК, вып. 2. Л., 1929, стр. 91 и сл.

[7] П. Д. Либеров. Памятники скифского времени бассейна Северного Донца. МИА, № 113, 1962, стр. 67.

[8] А. Е. Алихова. Особый тип сооружений на городище Кузина Гора. СА, 1958, № 3, стр. 197—200.

[9] А. Е. Алихова. Древние городища Курского Посеймья. МИА, № 113, 1962, стр. 88.

[10] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 60—63.

[11] А. Н. Москаленко, А. Д. Пряхин. Новые данные о поселениях эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону. Приложение к кн.: П. Д. Либеров. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964, стр. 197.

дней бронзы у с. Подгорного соблюдается тот же принцип в расположении очагов — они находятся в канаве по отношению к уровню самого жилища [12].

Итак, жилища Титчихинского 1 поселения находят прямые аналогии в одном из типов жилищ поздней бронзы на рассматриваемой территории и, вероятно, своим происхождением связаны с ними.

В каждом из жилищ Титчихинского 1 поселения, как и в больших жилищах эпохи бронзы на данной территории, по-видимому, жила большая патриархальная семья. А таких жилищ на поселении, вероятно, было два. Поэтому количество жителей в этом поселке раннего железного века было небольшим, что характерно также для поселений поздней бронзы на рассматриваемой территории.

Кроме жилищ, на поселении открыто 49 хозяйственных ям [13] и большое количество небольших столбовых ямок (рис. 2). Ни в одной из хозяйственных ям нет характерного заполнения. В них найдены только фрагменты керамики и небольшие раздробленные кости животных. По форме все хозяйственные ямы раннего железного века могут быть разбиты на четыре типа. К первому типу относятся ямы, которые в основании расширяются. Ко второму типу принадлежат хозяйственные ямы, диаметр которых по верху больше, чем диаметр по основанию. Третий тип составляют ямы, диаметры горловины и основания которых равны. В четвертый тип выделяются ямы, не имеющие определенной формы. На поселении преобладают ямы второго и третьего типов (ям второго типа — 23, третьего — 16). Ям первого типа всего лишь — пять. Подобное разнообразие форм хозяйственных ям характерно и для поздней бронзы на рассматриваемой территории.

По расположению столбовых ямок удается выделить контуры некоторых наземных построек раннего железного века. Все они небольшие по площади. Основу их стен составляют столбики, оплетенные прутьями. В ряде случаев плетневые стены были обмазаны глиной. На территории некоторых наземных построек есть хозяйственные ямы: по нескольку ям (6 и 7, 18 и 19) или по одной (1, 8, 9, 12 и др.). Наличие наземных хозяйственных комплексов с ямами — явление не новое на памятниках раннего железного века. Они есть на Архангельском городище и на других поселениях раннего железного века на Среднем Дону.

В культурном слое поселения широко представлена керамика. Основная часть керамического материала относится к зольничному типу (рис. 3, *1 — 2*). Эти сосуды изготовлены из хорошо промешенной глины с примесью песка и мелкого шамота. Примесь песка делает поверхности сосудов шероховатыми. По обломкам венчиков удается восстановить две основные формы сосудов: горшки и миски с загнутыми внутрь краями. Горшки представлены двумя типами: 1) с толстым небольшим почти прямым венчиком и слабо выраженной шейкой и 2) с высоким, отогнутым наружу венчиком, плавно переходящим в округлое тулово.

Первый тип горшков в зависимости от оформления верха венчика может быть разделен на две группы. У сосудов первой группы венчик закруглен в верхней части (рис. 3, *1—4*). Такое оформление верхнего среза венчика часто встречается на керамике раннего железного века. Сосуды этой группы по верху венчика украшены вдавлениями палочкой и ногтевыми защипами. Орнамент на тулове отсутствует. Среди обломков венчиков сосудов этой группы выделяется несколько фрагментов, у которых с внешней стороны имеется валик, орнаментированный двойными ногтевыми вдавлениями (рис. 3, *4*). В Верхнем и Среднем Подонье такие валики, характерные для эпохи бронзы, встречаются на сосудах в начале раннего железного века. Горшки второй группы первого типа имеют прямой верхний срез венчика (рис. 3, *5—7*) и в большинстве случаев лишены орнамента. Только на нескольких венчиках встречается орнамент из пальцевых и ногтевых вдавлений. Вдавления палочкой на сосудах данной группы отсутствуют. Интересна одна деталь: при окончательном выравнивании верха венчика часть глины оказывалась смещенной во внешнюю и внутреннюю стороны, образовывая небольшие закраины, что в некоторой степени сближает способ формовки верхнего среза венчиков горшков этой группы и части мисок с загнутым внутрь краем. Такое оформление венчиков появляется в эпоху поздней бронзы.

Второй тип в количественном отношении значительно уступает первому типу (рис. 3, *8*, 9). Венчик в большинстве случаев имеет округлый и значительно реже — прямой верхний срез. По верху венчика горшки второго типа украшены пальцевыми вдавлениями. Всего лишь на нескольких фрагментах венчиков по шейке есть орнамент из сквозных отверстий и жемчужин.

Миски с загнутым внутрь краем представлены двумя группами. У одних мисок есть слабо выраженный внутренний выступ (рис. 3, *10, 11*), у других — ярко выраженный «козырек»

[12] П. Д. Либеров. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы, стр. 44—46.

[13] 19 хозяйственных ям находятся на территории раскопа VII, а остальные — в юго-западной части раскопа I.

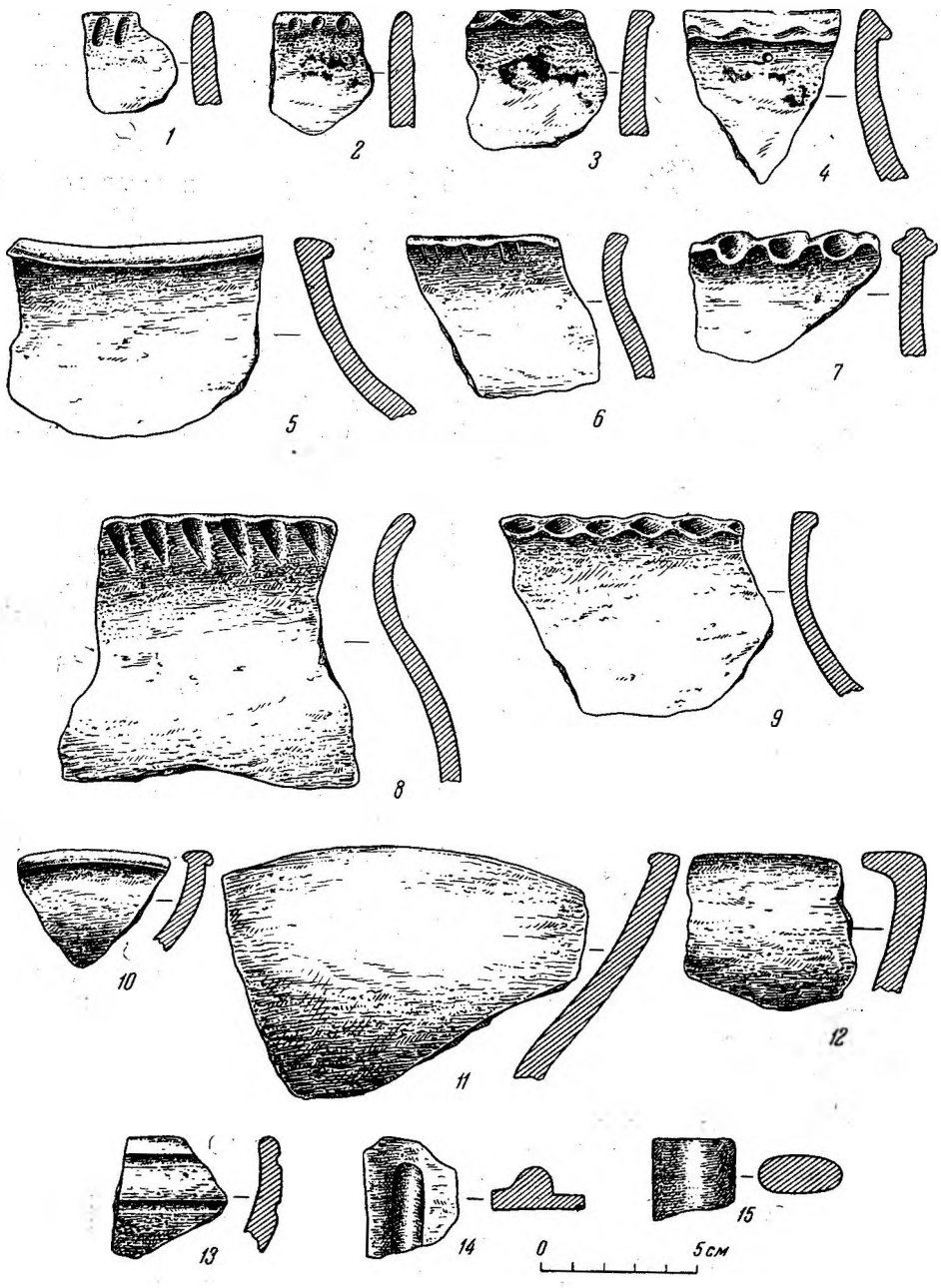


Рис. 3. Керамика с поселения 1 у хут. Титчиха (*1—15*)

(рис. 3, *12*). Причем вторая группа мисок в ряде случаев покрыта лощением.

Керамика зольничного типа с рассматриваемого поселения в большинстве случаев аналогична керамике раннего железного века с других памятников этого времени на Среднем Дону [14], в бассейне р. Северный Донец [15] и на других территориях распространения зольничной культуры [16].

Несколькими фрагментами на поселении представлена керамика с рогожным орнамен-

[14] А. Н. Москаленко. Раскопки на Архангельском городище в 1952—1953 гг., стр. 85—87.

[15] П. Д. Либеров. Памятники скифского времени бассейна Северного Донца, стр. 47—60.

[16] И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. МИА, № 104, 1961, стр. 30—32, 39.

том, широко распространенная на памятниках раннего железного века более северных территорий. На поселениях раннего железного века Среднего Подонья эта керамика встречается очень редко. Она есть на Архангельском городище [17] и на ряде других памятников в районе Среднего и Нижнего Дона [18]. Для решения вопроса о происхождении керамики с рогожным орнаментом важным является то обстоятельство, что рогожная и сетчатая орнаментации появляются уже на сосудах позднеабашевского облика на городище у с. Нижний Воргол Елецкого района Липецкой области [19].

Небольшую группу керамики с Титчихинского 1 поселения составляют обломки чернолощеных сосудов, которые характерны для ворсклинской группы раннескифского времени (рис. 3, *13—15*) [20].

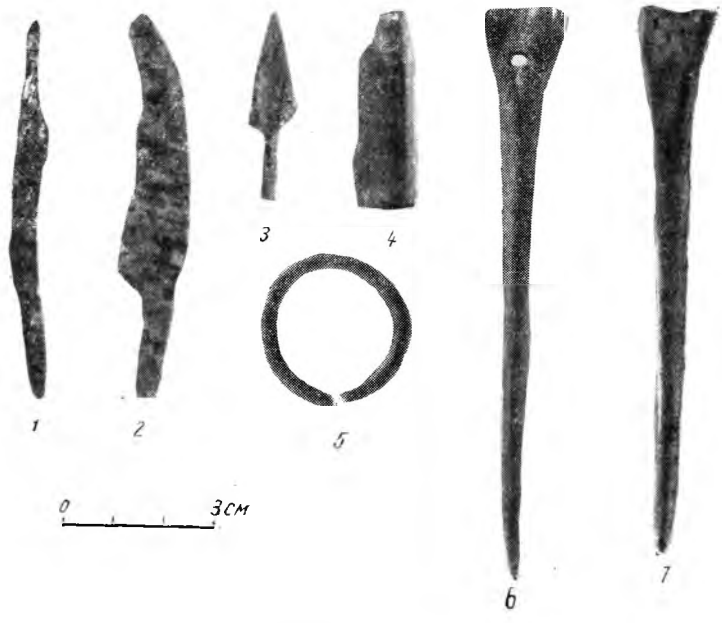


Рис. 4. Вещи с поселения 1 у хут. Титчиха (*1—7*)

Костей животных с этого поселения немного, и все они сильно раздроблены. В. И. Цалкин выделил среди них кости крупного и мелкого рогатого скота, лошади, свиньи и собаки [21]. Состав стада поселения близок составу стада памятников поздней бронзы на рассматриваемой территории.

Кроме керамики и костей, в культурном слое и в заполнении построек найдены три целых железных ножа с горбатой спинкой (рис. 4, *1, 2*), один обломок ножа, трехгранная железная стрела (рис. 4, *3*), точильный брусочек (рис. 4, *4*), железное круглое в сечении колечко (рис. 4, *5*), костяная игла, заготовка к ней (рис. 4, *6—7*) [22] и пряслица.

Пряслиц раннего железного века на поселении найдено 41, причем 14 из них сохранились в таких маленьких обломках, что определить их форму не удается. Основные формы пряслиц с поселения те же, что и на городищах раннего железного века в бассейне р. Северный Донец [23]. По форме здесь можно выделить следующие типы: фигурные, повторяющие формы сосудов (рис. 5, *1—4*), биконические (рис. 5, *5, 6*), плоско-биконические (рис. 5, *7, 8*), шаровидные (рис. 5, *9—12*), плоские (рис. 5, *13—16*), конусовидные (рис. 5, *17—19*), усеченно-биконические (рис. 5, *20, 21*) и цилиндрические (рис. 5, *22—24*). Среди них преобладают округлые биконические и фигурные пряслица. Они составляют 70% всех пряслиц, найденных на поселении. Обращает на себя внимание тот факт, что здесь встречено много пряслиц в форме сосудов (28 штук). В свое время высказывалось мнение, что фигурные пряслица характерны только для милоградской культуры [24]. Это не совсем верно. Они есть и на рассматриваемом поселении, и на городищах Курского Посеймья [25], и на городищах в бассейне Северного Донца [26].

Время возникновения Титчихинского 1 поселения раннего железного века может быть предварительно установлено на основании следующих наблюдений. Прежде всего небезынтересен тот факт, что сосуды этого поселения близки со-

[17] Материалы раскопок Архангельского городища 1952—1953 гг. (руководитель А. Н. Москаленко), 1964 г. (руководитель А. Д. Пряхин).
Хранятся в кабинете археологии Воронежского университета.

[18] Н. В. Трубникова. К вопросу о происхождении городецкой культуры. КСИИМК, вып. 75, 1959, стр. 165.

[19] А. Д. Пряхин. Отчет археологической экспедиции Воронежского университета за 1964 г. Архив ИА АН СССР.

[20] В. А. Ильинская. О происхождении культур раннежелезного века на левобережье Среднего Днепра. КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 14.

[21] Анализу был подвергнут остеологический материал только с раскопа VII.

[22] Возможно, к этому же времени относятся и многие костяные проколки, в большом количестве найденные на городище.

[23] П. Д. Либеров. Памятники скифского времени бассейна Северного Донца, стр. 60—62.

[24] О. Н. Мельниковская. Древнейшие городища Южной Белоруссии. КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 33.

[25] А. Е. Алихова. Древние городища Курского Посеймья, стр. 110, рис. 13.

[26] П. Д. Либеров. Памятники скифского времени бассейна Северного Донца, стр. 62.

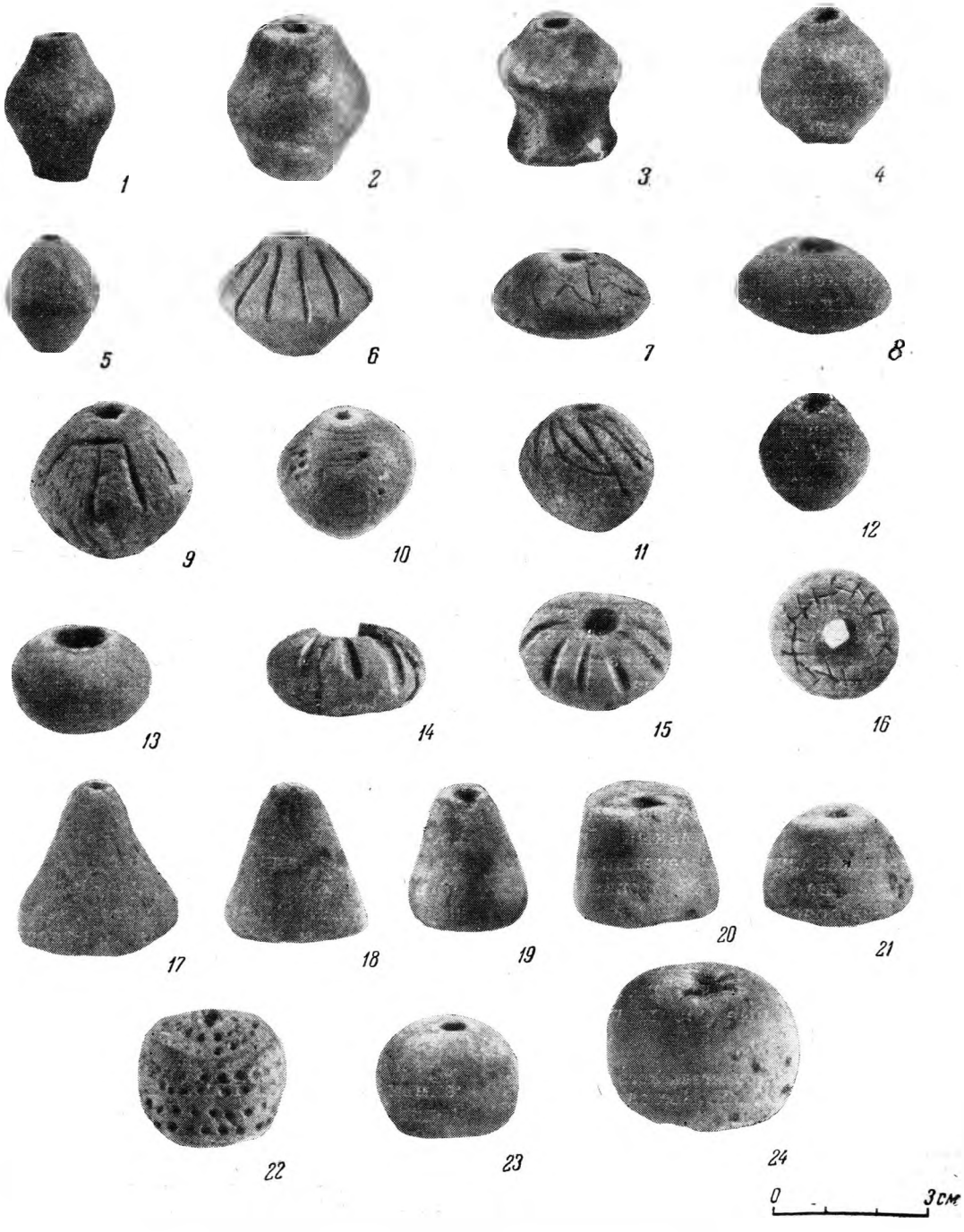


Рис. 5. Пряслица с поселения 1 у хут. Титчиха (*1—24*)

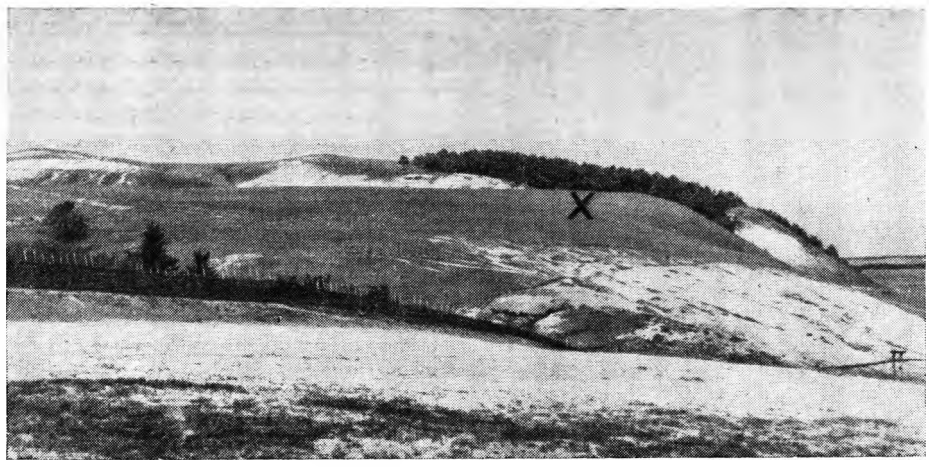


Рис. 6. Общий вид поселения 2 у хут. Титчиха

судам заключительного этапа эпохи бронзы рассматриваемой территории. Это относится и к горшкам, и к баночным сосудам [27]. Кроме того, как указывалось ранее, здесь были встречены фрагменты венчиков с валиками и венчики от толстостенных сосудов с орнаментом из прямоугольных вдавлений, которые появляются на рассматриваемой территории в эпоху бронзы и продолжают встречаться в раннескифское время. В связи с датировкой интересны фрагменты стенок с продолговатыми налепами на внешней поверхности. Такие налепы есть на сосуде из погребения 1 кургана 12/14 Мастюгинского могильника, которое относится к рубежу эпохи бронзы и раннего железного века [28]. К раннескифскому периоду принадлежат и фрагменты чернолощеной керамики с указанного поселения. Перечисленные выше черты позволяют отнести время существования этого поселения к началу раннего железного века.

Косвенным свидетельством столь ранней даты является и отсутствие на поселении оборонительных сооружений, которых почти нет на самых ранних памятниках железного века Подонья. Так, в лесостепной части бассейна Северного Донца оборонительные сооружения появляются только с V в. до н. э. Такое же явление можно наблюдать и на городище Кузина Гора, где укрепления были сооружены только во второй период существования поселения [29]. Не характерны оборонительные сооружения и для поселений раннескифского времени в районе левобережья Днепра [30]. Но здесь следует оговориться, что древнейшие оборонительные укрепления эпизодически появляются на территории верхнего и среднего течения Дона еще на памятниках поздней бронзы. Так, например, оборонительные укрепления известны на городище у с. Нижний Воргол Елецкого района Липецкой области, где они датируются самым концом эпохи бронзы. Что же касается причины отсутствия укреплений на наиболее ранних поселениях раннего железного века Среднего Подонья, то это вряд ли сейчас можно объяснить.

Второе поселение раннего железного века находится на высоком мыса правого берега Дона, примерно на расстоянии 1 км к востоку от первого поселения (рис. 6). Склоны мыса этого поселения довольно крутые. Следов укреплений на нем нет. На поверхности отчетливо видно несколько округлых западин диаметром 3—4 м, глубиной 0,80—1,20 м. На месте одной из таких западин был заложен раскоп 10×10 м. Культурный слой однороден, его толщина 30—45 см. В нем встречены фрагменты керамики раннего железного века, кости животных, два пряслица округлой формы (одно из них обломано) и каменный брусочек.

На месте западины в материковом мелу расчищена полуземляночная постройка прямоугольной формы, ориентированная по линии северо-запад — юго-восток (рис. 7). Длина этой постройки 5—5,2 м, ширина —2—2,1 м, глубина — 0,80 — 0,95 м. Стены котлована отвесные. С восточной стороны, ближе к восточному углу, в

[27] На определенное сходство форм сосудов эпохи поздней бронзы и раннего железного века на рассматриваемой территории обращает внимание П. Д. Либеров.

[28] П. Д. Либеров. Мастюгинские курганы, стр. 156, рис. 4.

[29] А. Е. Алихова. Особый тип сооружений на городище Кузина Гора, стр. 199.

[30] И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 29.

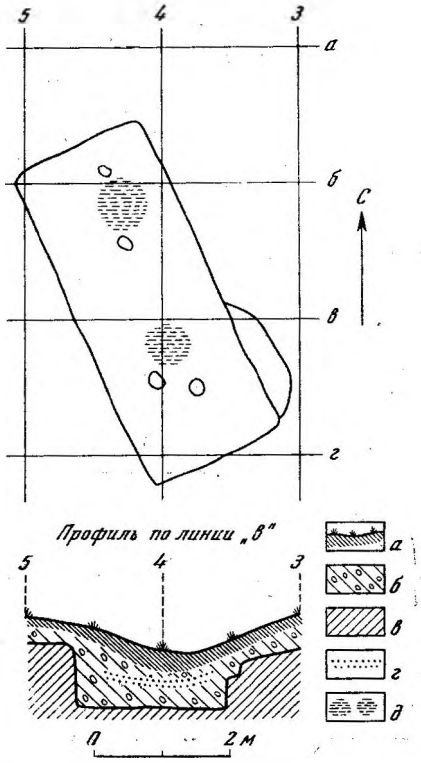


Рис. 7. План и профиль жилища на поселении 2 у хут. Титчиха

а — гумус; *б* — чернозем с меловой щебенкой; *в* — материковый мел; *г* — углистый слой; *д* — зола

постройку вела приступка шириной 25—40 см, вырубленная в материковом мелу. Вероятно, эту приступку следует связывать со входом. На полу постройки выявлены четыре небольшие округлые ямки глубиной от 10 до 14 см, в которые ставились столбы под матицу двускатной крыши. Примерно на высоте 30 см от пола во всем заполнении постройки лежит углистый слой, связываемый с деревянной крышей. Эта полуземляночная постройка служила жилищем, о чем свидетельствуют два очага, выявленные в основании котлована. Они представляли собой скопления золы с обожженным меловым основанием.

Конструктивно это жилище значительно отличается от жилищ поселения 1. Оно не только меньших размеров, но и не имеет наземной части.

В культурном слое поселения 2 у с. Титчихи встречено сравнительно мало керамики. Это, как правило, неорнаментированные фрагменты стенок. По небольшому количеству венчиков удается восстановить те же две основные формы сосудов, как и на Титчихинском 1 поселении — горшки и миски с загнутым внутрь краем. Фрагменты венчиков от горшков по краю украшены только пальцевыми защипами. Следует заметить, что, несмотря на фрагментарность керамического материала, здесь отсутствуют те архаические черты, о которых говорилось при характеристике керамики Титчихинского 1 поселения раннего железного века. Отсюда вполне вероятен вывод о том, что начало жизни на Титчихинском 2 поселении относится к несколько более позднему времени, чем на первом.

Изучение обоих поселений раннего железного века у хут. Титчиха имеет интерес не только для уточнения истории населения Среднего Подонья в раннежелезном веке, но и для выяснения происхождения культуры этого населения.

Г. И. Корнюшин

КУРГАН У СЕЛА ЛЕВАШОВКА

В 1964 г. Воронежская лесостепная скифская экспедиция провела обследование и раскопки в Аннинском районе Воронежской области (на левобережье Дона). В числе исследованных памятников интересен курган 1, расположенный в 3 км к юго-западу от с. Левашовка (рис. 1). Он входил в небольшой могильник, состоявший из трех распаханных насыпей. Высота кургана достигала около 1,5 м. Форма насыпи — овальная. Диаметр кургана по линии юго-запад — северо-восток — около 30 м, а по линии северо-запад — юго-восток — около 40 м. Как выяснилось в процессе раскопок, удлинение диаметра кургана на северо-запад и юго-восток произошло за счет перекрытия насыпей двух небольших курганов эпохи бронзы курганом скифского времени. Исследования производились с помощью шести круговых траншей: пять траншей были шириной по 2 м и одна (центральная) — 3 м. Таким образом, общая территория кургана, подвергшаяся раскопкам, составляла в диаметре 26 м.

Всего в кургане было обнаружено четыре четко определимых погребения, из которых погребения 1 и 3 относились к эпохе бронзы, погребение 2 (впускное) — к сарматской эпохе, наконец погребение 4 — к скифскому времени (рис. 1).

Погребение 1. Могильная яма почти квадратной формы, размеры 2 × 1,95 м, ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. Ее удалось проследить на глубине 1,8 м от поверхности насыпи. На дне и в засыпке могильной ямы были обнаружены беспорядочно разбросанные остатки человеческих костей: череп, длинные кости ног, тазовые кости, ребра и позвонки. Вещей в погребении не оказалось. По-видимому, они были выброшены при ограблении могилы.

Однако, на наш взгляд, заслуживает внимания следующий факт: в ряде мест насыпи, непосредственно примыкающих к погребению 1, были найдены обломки лепного сосуда баночной формы, который может относиться к эпохе бронзы. Поэтому можно и погребение 1 относить к эпохе бронзы [1].

Погребение 2 (впускное). Погребение было обнаружено в северо-восточном секторе, на глубине 0,72 м от поверхности кургана. Погребенный был вытянут на спине, головой ориентирован на северо-восток, правая рука согнута, кости левой руки отсутствовали. От таза сохранилась правая его часть; на месте черепа лежал маленький обломок черепной крышки. Судя по останкам, скелет принадлежал взрослому человеку. Из вещей уцелело только одно бронзовое круглое зеркало (рис. 2), находившееся в районе грудной клетки костяка. Часть диска у него отбита, на месте ручки имеются два отверстия со следами окиси железа. На одной стороне зеркала по краю был сделан небольшой валик шириной около 1 см. Погребение, очевидно, было потревожено кладоискателями. По характерному зеркалу его можно с полным основанием отнести к кругу сарматских памятников III—II в. до н. э. [2]

Погребение 3. Погребение находилось в юго-восточном секторе кургана, на глубине 1,69 м от его поверхности. От костяка сохранились обломки черепа, зубы и часть длинных костей рук и ног. Он был ориентирован головой на северо-восток. На костях и под ними был обнаружен слой древесного тлена. Около головы погребенного стояли два лепных глиняных сосуда (рис. 3, *а, б*). Один из них большой широкогорлый горшок (диаметр горла 18 см, дна —

[1] По определению Т. С. Кондукторовой (кафедра антропологии МГУ), кости из погребения 1 принадлежали мужчине в возрасте 40—50 лет.

[2] Определение даты зеркала произведено К. Ф. Смирновым.

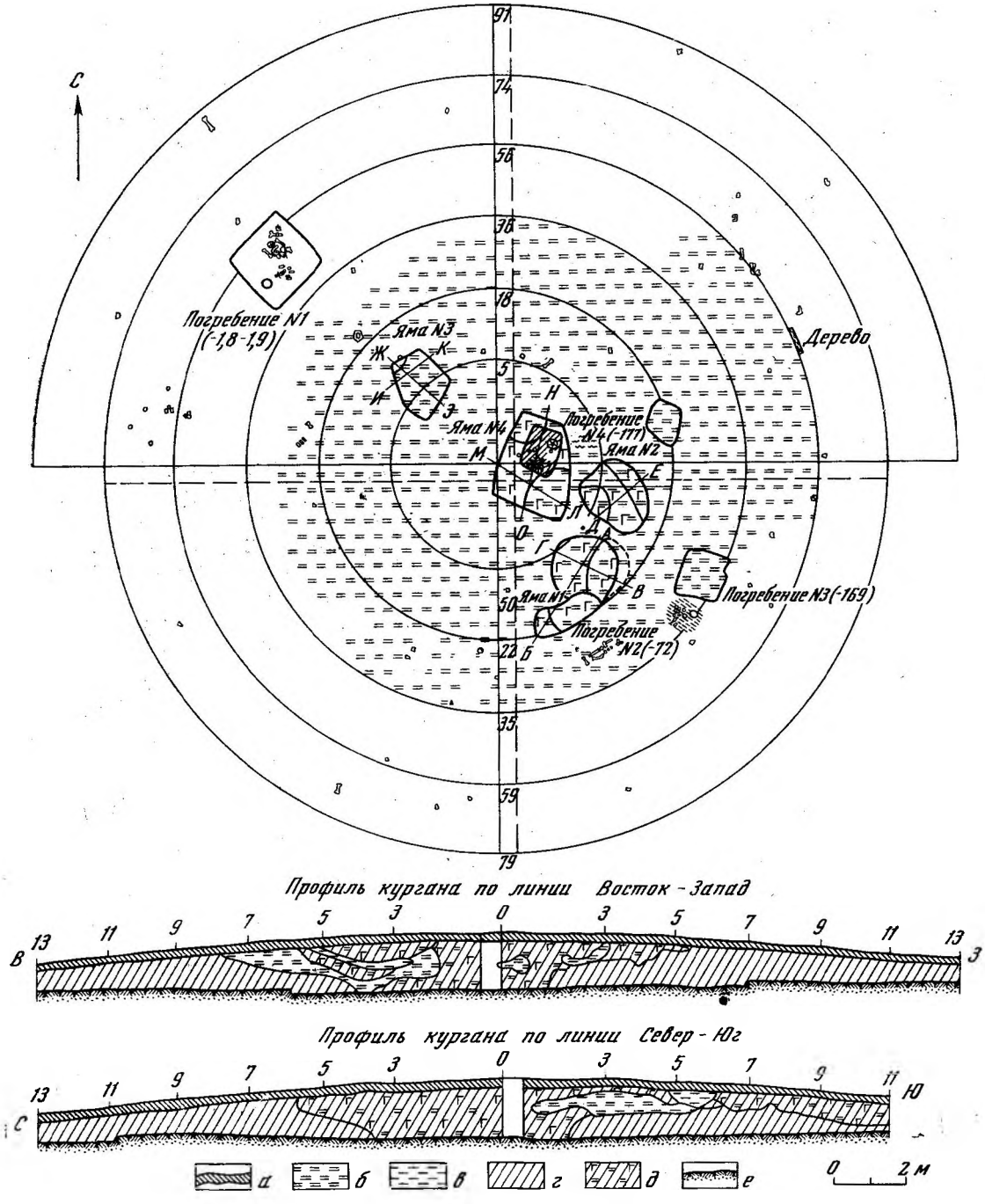


Рис. 1. План, профили и разрезы ям кургана 1

а — пахотный слой; б — жженая земля; в — глина зеленого цвета; г — чернозем нетронутый (засыпка); д — чернозем, мешенный с жженой землей; е — материк

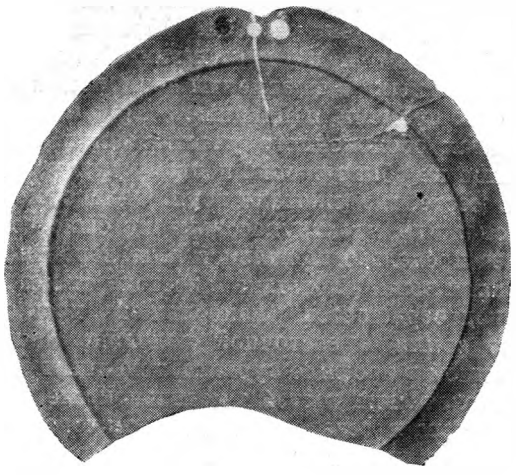


Рис. 2. Бронзовое зеркало из погребения 2

11 см, высота 21 см) с отчетливыми следами заглаживания. Второй сосуд был меньшего размера (диаметр горла 10,5 см, дна — 8 см, высота 9 см), имеет хорошо выраженное ребро и следы заглаживания по краю венчика. Поверхность одного сосуда покрыта черно-желтыми пятнами, а у другого имеет ровную желтую окраску.

Погребение 4. Погребение расположено в центральной части кургана, ближе к его восточной половине. Могильная яма — неправильной трапециевидной формы размерами 2,6 × × 2,1 м, ориентирована по линии север — юг. Заполнение ее состояло из чернозема, перемешенного с сильно прокаленной землей. В середине ямы находилось темное, как бы нетронутое пятно чернозема, имеющее форму неправильного прямоугольника длиной 1,25 м и шириной 1 м. При выборке заполнения могилы в южной части черноземной площадки на глубине 1,77 м от вершины кургана были обнаружены остатки человеческого скелета: позвоночник, отдельные кости грудной клетки и рук, челюсть с зубами. Судя по сохранившимся костям, погребенный лежал на левом боку, головой был ориентирован на северо-запад. Все найденные кости подвергались сильному обжигу. К северо-востоку от человеческих костей в пределах черноземного пятна стоял раздавленный сосуд (кувшинообразная ваза без ручки) с высоким и узким горлом и маленьким дном (рис. 4). Стенки сосуда были очень тонкими. Цвет поверхности — красный. Тесто в изломе — черное. Размеры сосуда: высота 27,5 см, диаметр горла 13 см, диаметр по тулову 22,5 см, высота шейки 7 см, диаметр дна 10 см, высота поддона 2 см. Сосуд этот, судя по немногочисленным пока аналогиям с территории Среднего Дона, относится к раннескифскому времени.

Рис. 3. Сосуды из погребения 3 (*а* и *б*)

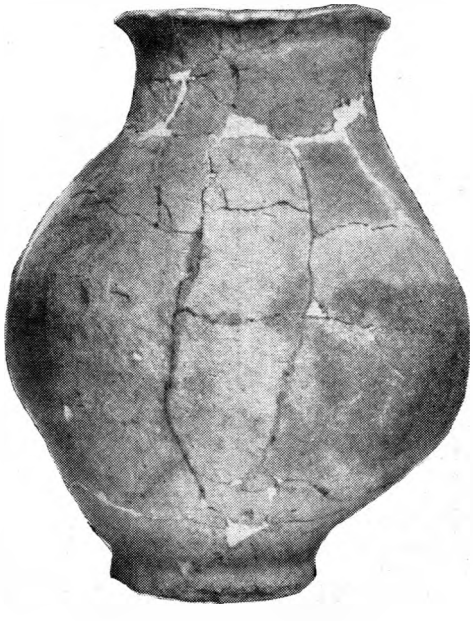


Рис. 4. Сосуд из погребения 4

После завершения работ на всей площади кургана сложная картина разновременных погребальных комплексов, находившихся там, стала более понятной. Прежде всего необходимо сделать несколько дополнительных разъяснений по поводу устройства погребения 4.

В центральной части кургана земля была сильно прокалена на довольно значительную глубину. В центре этого обожженного участка была выкопана могильная яма со ступеньками в юго-восточном и северо-западном углах. Посредине ямы была сооружена специальная площадка («стол») из черноземной земли, на которую и положили останки умершего. После этого яму засыпали еще горячими остатками кострища. Возникает вопрос, могли ли ступеньки и черноземная площадка-«стол» образоваться в могильной яме случайно, естественным путем? Нам кажется, что не могли. Скорее всего мы имеем здесь дело с довольно сложным и специальным конструктивным сооружением, построенным в соответствии с определенными обрядовыми требованиями. Если это так, то мы сталкиваемся с интересным фактом: наличие в погребальном обряде скифского времени глубоких пережитков верований и обрядов эпохи бронзы. Дело в том, что точно такие же черты встречаются, например, в погребениях абашевской культуры. После засыпки могилы была, очевидно, справлена тризна. Остатками этой тризны являются, на наш взгляд, отдельные кости животных [3] и фрагменты лепной керамики скифского времени, найденные вокруг могилы и в пределах обожженного участка земли. Следы кострища не обнаружены, поэтому трудно говорить о месте, где сжигали труп. Однако можно предположить, что трупосожжение было совершено за пределами могильной ямы, вероятно, на указанной выше площадке к востоку от могилы. Это подтверждается наибольшей прокаленностью земли в восточной половине насыпи, отмеченной в профиле кургана, неполным составом человеческих костей в могильной яме, остатками дерева в северо-восточном секторе и разбросанными костями лошади во втором и третьем штыках насыпи, которые, как нам кажется, были остатками тризны (рис. 1).

Погребальные комплексы из кургана 1 представляют значительный интерес для изучения культуры населения, обитавшего на левобережье Дона в эпоху бронзы и раннего железного века.

---

[3] По определению В. И. Цалкина, в их число входили: крупный рогатый скот — 2 особи (9 костей); мелкий рогатый скот — 1 особь (13 костей); лошадь — 2 особи (12 костей).

В. И. Гуляев

ЗООМОРФНЫЕ КРЮЧКИ СКИФСКОГО ПЕРИОДА

За последние десятилетия среди советских археологов, занимающихся изучением скифской проблемы во всех ее многочисленных аспектах, наметилась совершенно определенная методологическая тенденция. Суть ее состоит в том, что основное внимание сосредоточивается на определенных типах вещей с тем, чтобы выявить их происхождение, точную хронологию и назначение. Блестящие работы Б. З. Рабиновича в этой области[1] показывают, какие широкие возможности открываются при подобном методе исследования. Значительный интерес представляют также работы А. П. Манцевич о скифских поясах и котлах, А. И. Мелюковой — о скифском вооружении, В. А. Ильинской — о конской сбруе скифов и др.

Настоящая статья посвящена еще одной группе предметов скифского периода, которая до сих пор не нашла сколько-нибудь широкого освещения в литературе. Речь идет о зооморфных металлических крючках V—III вв. до н. э., широко распространенных в областях, лежавших к востоку от Скифии Геродота. Эта категория предметов представляет для нас особый интерес по следующим соображениям. Во-первых, тщательное изучение крючков позволит выяснить их назначение и место в обиходе древних племен восточных районов Европейской части СССР в V—III вв. до н. э. Во-вторых, их богатое зооморфное оформление даст новый обильный и разнообразный материал о зверином стиле Скифии и смежных с ней областей. В-третьих, назрела потребность в хронологическом упорядочении данной группы предметов. Тот факт, что зооморфные крючки употреблялись в течение сравнительно короткого отрезка времени (конец V в. до н. э. — середина III в. до н. э.), позволяет считать их важным показателем при датировке тех комплексов, в которых они встречаются.

Несмотря на то что первые находки зооморфных металлических крючков стали известны еще в 50-х годах XIX в., они долгое время не привлекали к себе внимания исследователей. Золотых и серебряных застежек из Александропольского кургана, интересных находок из Мастюгинского курганного могильника и нескольких крючков из далекого Прикамья (Ананьинский могильник) при всем их необычном и экзотическом характере было явно недостаточно для далеко идущих выводов. Только М. И. Ростовцев со свойственной ему проницательностью сумел подняться выше тех рамок, которые ставила ему ограниченность материала, и сделал ряд отдельных блестящих догадок о происхождении, назначении и датировке зооморфных металлических крючков[2].

Широкие археологические исследования, которые за последние годы проводит на Среднем Дону Воронежская лесостепная экспедиция, по сути дела заново открыли для нас эту важную и интересную область на окраине Скифии.

Систематические и планомерные раскопки богатейших курганных могильников группы «Частые Курганы» близ Воронежа, у сел Мастюгино и Русская Тростянка дали огромный материал, среди которого особенно выделяется группы зооморфных металлических крючков. Раскопки последних лет в Чувашии, в Поволжье и в Приуралье, а также ряд публикаций старых коллекций добавили к ранее известным образцам зооморфных крючков много новых и интересных экземпляров.

---

[1] Б. З. Рабинович. О датировке некоторых скифских курганов Среднего Приднепровья. СА, I, 1936; он же. Шлемы скифского периода. ТОИПК ГЭ, т. I. Л., 1941.

[2] M. Rostovtzeff. Animal style. Princeton, 1929 p. 42—43.

В настоящее время по публикациям, из музеев Москвы и Ленинграда мне известно на территории Европейской части СССР 34 металлических крючка с зооморфными украшениями. Для их изготовления древние мастера использовали самые различные металлы: железо, бронзу, золото и серебро. Несмотря на все многообразие в устройстве и оформлении крючков, их можно условно разбить на две большие группы. Основой для этой первичной классификации являются зооморфные изображения, представленные на всех без исключения крючках (сюжетная композиция).

Оформление крючков первой группы носит довольно сложный характер: на широком конце обычно помещается какое-нибудь зооморфное изображение; к этому широкому концу или бляхе крепился в свою очередь металлический стержень, округлый в сечении; конец стержня, как правило, был украшен головкой хищной птицы («ушастого грифона») с характерной трактовкой ушей и глаз. Длинный изогнутый клюв птицы образовывал застежку-крючок. Между изображением на щитке и птичьей головкой на конце стержня композиционной связи за редким исключением не бывает. Здесь характерно присутствие двух самостоятельных зооморфных мотивов («грифон» и какой-либо другой зверь).

Для второй группы крючков типично отсутствие длинного стержня. Его заменяет заостренный изгиб хвоста или задней части туловища зверя, чьим изображением украшен данный крючок. Здесь уже налицо композиционная связь всего изображения в целом, и, что особенно важно, имеется лишь один зооморфный мотив. Для прикрепления к ремню на обороте крючков обеих групп есть костылек или петля. Из общего количества 34 металлических зооморфных крючков 16 приходятся на территорию Среднего Дона, 8 — на Прикамье, 3 — на Северный Кавказ и Прикубанье, 2 — на степную Скифию (Александрополь), а 2 — на Крым (Керчь и Симферополь). Среди оставшихся образцов один был найден в кургане у с. Чурачки в Чувашии, другой — у с. Кише близ Астрахани, третий — у ст. Старо-Минской близ г. Ейска. Кроме того, многочисленная и разнообразная по оформлению группа зооморфных крючков известна среди древностей Ордоса и в самнитских могильниках Италии. Однако две последние группы выходят за рамки настоящей работы и представляют для нас некоторый интерес лишь при решении вопроса о происхождении и назначении данной категории предметов.

Среди перечисленных выше находок можно выделить две компактные территориальные группы — воронежскую и прикамскую, на долю которых приходится подавляющая часть всех известных нам образцов (24 экземпляра из 34). Тщательный стилистический анализ оставшихся крючков позволяет отнести к двум основным группам еще несколько экземпляров (оба александропольских крючка, ейский и чурачский экземпляры и, вероятно, крючок из Бажигана тесно связаны с воронежской группой).

Оставшиеся крючки (за исключением крымских) можно было бы, вероятно, выделить в особую савроматскую группу (Кише, ст. Казанская, Тамань, Любимовка), но пока у нас нет для этого веских оснований. Таким образом, сейчас можно говорить лишь о двух больших территориальных группах — воронежской и прикамской, к которым примыкает значительная часть остальных находок этого рода.

При сравнительном анализе зооморфных крючков обеих территориальных групп между ними выявляются важные различия:

1. Воронежская группа (не считая примыкающих к ней по стилю находок из других областей) в два раза превосходит прикамскую в количественном отношении (16 экземпляров из 24). То же самое заметно при сопоставлении количества крючков с числом раскопанных погребений в указанных районах.

2. Для воронежской группы характерно преобладание крючков первой сюжетной группы с двумя зооморфными мотивами (11 экземпляров из 16); в Прикамье к ним относятся лишь 2 экземпляра из 6. В прикамской группе всецело господствуют застежки второй сюжетной группы (один зооморфный мотив).

3. Прикамская группа включает в себя, помимо металлических, большое число костяных крючков (8 штук), украшенных различными зооморфными мотивами. Причем все они принадлежат ко второй сюжетной группе. В воронежской группе имеется лишь один костяной крючок, но и тот относится к первой сюжетной группе (а вернее, к особой группе, поскольку на нем — три самостоятельных зооморфных мотива).

Рассмотрим теперь особенности мотивов звериного стиля, представленных на крючках обеих территориальных групп.

Воронежская группа. Характер мотивов звериного стиля, употреблявшихся для украшения крючков в той или иной области Евразии, каждый раз отражает специфические особенности искусства данной области вообще и звериного стиля в частности. В искусстве же воронежской группы лесостепной скифской культуры мы наблюдаем более сложную картину. Возникшая на базе нескольких разнородных культур эпохи бронзы[3], культура скифского времени на Сред-

[3] П. Д. Либеров. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964.

нем Дону в силу своего географического положения во многом сохранила сложный характер, обусловленный сильными влияниями степного юга и лесостепи с одной стороны, Поволжья, Прикамья и Приуралья — с другой.

Изучение предметов с изображениями в зверином стиле из воронежских курганов позволяет сделать вывод о большой их близости к так называемому скифо-сибирскому звериному стилю. Понятие о последнем было выработано в трудах М. И. Ростовцева [4], Г. Боровки [5], П. Рау [6] и Б. Н. Гракова [7].

К числу культур, входящих в область скифо-сибирского звериного стиля, относятся савроматская культура Поволжья и Приуралья, ананьинская культура Прикамья, культуры скифского времени в Сибири и на Алтае. Имея дело с тем же набором зооморфных мотивов, что и у скифов Северного Причерноморья, население восточных районов Европейской России (прежде всего Прикамья, Среднего Дона, Поволжья, Приуралья) благодаря локальному развитию выработало ряд специфических черт звериного стиля: преобладание специфических мотивов местной фауны (медведь, волк, лось); важная роль мотива головы хищника с открытой зубастой пастью, с особой трактовкой зубов, уха и глаза [8]; своеобразные средства выделения частей тела животных в виде S-видных завитков, огромных, намеренно выделенных когтистых лап и др. [9]; наделение мирных животных не свойственными им чертами: замена копыт лапами хищника [10] или изображение травоядных в позе припавшего к земле хищного зверя [11]; широкое применение геометрического орнамента в целях заполнения пустующего пространства; сочетание геометрического и зооморфного орнаментов на одном предмете [12]. Анализ крючков воронежской группы мы будем вести по отдельным зооморфным мотивам.

Изображение медведя. В восточных районах Евразии, начиная со Среднего Дона и до границ Монголии, одним из наиболее популярных мотивов звериного стиля в скифский период был мотив медведя. Он широко представлен на многочисленных предметах из металла и кости. В числе 16 зооморфных крючков из воронежских курганов имеются три застежки с изображением медведя. Все три экземпляра относятся к первой сюжетной группе застежек и очень близки друг другу по стилистическим деталям. Медведь, украшающий бронзовую застежку из кургана 11 группы «Частые Курганы» [13] (рис. 1), имеет очень характерную для этого мотива позу: стоящая сгорбленная фигура с опущенной вниз мордой, повернутой в правую сторону. Поверхность тела зверя гладкая, с широкими округлыми выпуклостями, которые столь типичны для звериного стиля архаического периода (см., например, изображение оленя на золотой бляхе из кургана у ст. Костромской). Стилизованные когтистые лапы больших размеров, открытая пасть с едва намеченным рядом зубов и круглый глаз в виде двойного кружка еще больше подчеркивают условность всего изображения. Наиболее близкое по характеру и трактовке деталей изображение медведя мы находим на ряде бронзовых блях из с. Тамды на Памире (группа Памирская I, вторая половина IV — середина III в. до н. э., курган 10) [14]. Время сооружения кургана 11 хорошо определено чернолаковой чашечкой и золотыми бляшками типа александропольских и кульобинских. Второй экземпляр, найденный в кургане 11/11 в том же могильнике, к сожалению, сильно поврежден [15]. Золотая обкладка железной основы крючка в нескольких местах порвана. С большим трудом удается различить на ней отдельные характерные черты данного мотива. И здесь мы видим ту же сгорбленную стоящую фигуру зверя с опущенной вниз головой, с маленьким круглым ухом и выпуклым глазом. Конец морды медведя не сохранился, поэтому трудно судить о строении его пасти. Задняя часть туловища и лапы также сильно пострадали от времени. Однако на плече и крупе зверя все еще можно различить характерные спиральные завитки. Набор вещей из этого кургана (железные втульчатые наконечники стрел с плоским пером, бронзовая бляшка-розетка, близкая аналогичным бляшкам из Уфимского могильника IV—III вв. до н. э., серебряная оковка ножен меча, железный набор конской узды и т. д.) позволяет датировать его временем не ранее середины IV в. до н. э. Изображение медведя на бронзовой застежке из кургана 1 у с. Русская

---

[4] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 338—339.

[5] G. Borovka. Scythian art. London, 1928.

[6] P. Rau. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929.

[7] B. Grakov. Monuments de la culture scythique. ESA, v. III. Helsinki, 1928, p. 25—62.

[8] Там же.

[9] P. Rau. Указ. соч.

[10] И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности, т. III. СПб., 1890, стр. 53, рис. 60.

[11] B. Grakov. Указ. соч., стр. 25—62.

[12] P. Rau. Указ. соч.

[13] С. Н. Замятнин. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем. СА, VIII, 1946, стр. 38, рис. 27, 2.

[14] А. И. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1962, стр. 298, рис. 128.

[15] П. Д. Либеров. Отчет о работах Воронежского отряда в 1954 г. Архив ИА АН СССР.

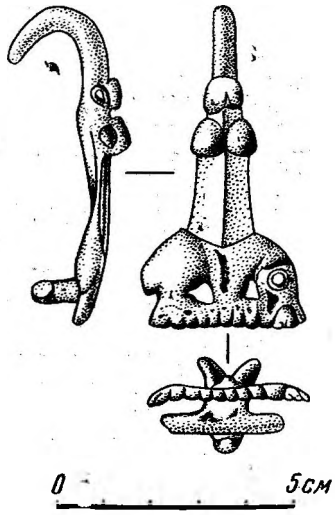


Рис. 1. Бронзовый крючок с изображением медведя из кургана 11 группы «Частые Курганы»

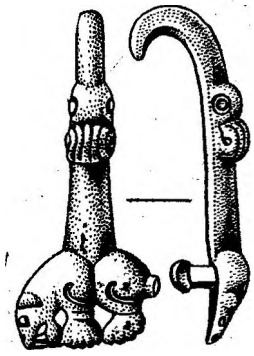


Рис. 2. Бронзовый крючок с изображением медведя из кургана 1 у с. Русская Тростянка

Тростянка (рис. 2) [16] отличается от двух предыдущих лишь тем, что фигура стоящего в профиль зверя обращена в левую сторону. Здесь мы вновь наблюдаем огромные когтистые лапы и спиральные завитки на плечах. Характерный комплекс вещей из этого кургана, состоящий из железных втульчатых наконечников стрел (плоских и трехлопастных), железных удил, остатков железного панциря и других, относится к IV в. до н. э., ко времени наивысшего расцвета культуры скифского времени на Среднем Дону. Все три изображения до мельчайших деталей совпадают друг с другом. Ближайшие параллели им в изобилии дают образчики звериного стиля из тех же «Частых» и Мастюгинских курганов. Великолепные серебряные фигурки медведей из богатого кургана 29/21 у с. Мастюгино [17] имеют те же характерные черты: стоящие сгорбленные фигуры в профиль, опущенные вниз морды с открытой зубастой пастью, маленькие круглые уши, огромные когтистые лапы и спиральные завитки на плечах. Погребение из кургана 29/21 довольно точно датируется греческой бронзовой гидрией, относящейся к концу V в. до н. э. Аналогичное изображение медведя представлено на золотой оковке сосуда из кургана 1 группы «Частых Курганов», относящегося к IV—III вв. н. э. [18] Ряд сходных изображений встречается и к востоку от Среднего Дона: фигурки медведей на костяных предметах с Пижемского [19] и Аргыжского [20] городищ ананьинской культуры и изображение медведя, искусно вырезанное на туалетной костяной ложечке из Бис-Обы [21].

Таким образом, мотив медведя со всеми его специфическими особенностями и разновидностями стоит гораздо ближе к стилю восточных областей Европейской части СССР, чем к стилю собственно скифскому, где он встречается в искусно вырезанное на туалетной костяной Среднем Приднепровье.

Мотив «фантастического» хищника. Очень близка к предыдущему мотиву по трактовке деталей головка зубастого «фантастического» зверя, составляющая к востоку от Скифии самостоятельный и довольно распространенный мотив. С территории Среднего Дона известно три экземпляра застежек с подобными изображениями. Железный крючок с золотой обкладкой был найден в кургане 3 группы «Частых Курганов» (рис. 3) [22]. Благодаря богатству инвентаря из этого кургана М. И. Ростовцев определил время всего комплекса серединой III в до н. э. [23] Узкий конец пряжки украшен головкой ушастого грифона с большим изогнутым клювом. На широком конце бляхи изображена голова «фантастического» зверя с открытой зубастой пастью. Губы выделены в виде узкой ленты, окаймляющей внутренние контуры пасти. Ряд насечек, нанесенных по внутреннему краю пасти и оставляющих середину ее пустой, должен, очевидно, изображать зубы хищника. Верхняя часть морды зверя (симметрично удвоенной) покрыта вертикальными насечками, назначение которых остается неясным. Глаза зверя изображены в виде овальных розеток. Уши имеют вытянутую остроконечную форму и плотно прижаты к задней части головы. Они также украшены косыми насечками. Наибольший интерес вызывает трактовка самой головы зверя, представляющей странное, на первый взгляд, соединение двух совершенно одинаковых половинок верхней части головы, прикрепленных друг к другу своими основаниями. В итоге все изображение головы животного получается как бы en face.

Почти аналогичная бронзовая застежка была найдена в кургане 10 того же могильника

[16] А. И. Пузикова. Курганный могильник скифского времени у с. Русская Тростянка. СА, 1962, № 4, стр. 220, рис. 1, *8*.

[17] П. Д. Либеров. Мастюгинские курганы. СА, 1961, № 3, стр. 163, рис. 9.

[18] С. Н. Замятнин. Указ. соч., стр. 15, рис. 2, *1*.

[19] А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1962, табл. XXXI, *29*.

[20] ГИМ. Экспозиция, зал 5, витрина 7.

[21] М. И. Ростовцев. Курганные находки в Оренбургской области. МАР, вып. 37. Пг., 1918, табл. VII, *1*.

[22] С. Н. Замятнин. Указ. соч., стр. 25, рис. 10, *1*.

[23] М. И. Ростовцев. Воронежский серебряный сосуд. МАР, вып. 34. СПб., 1914, стр. 90.

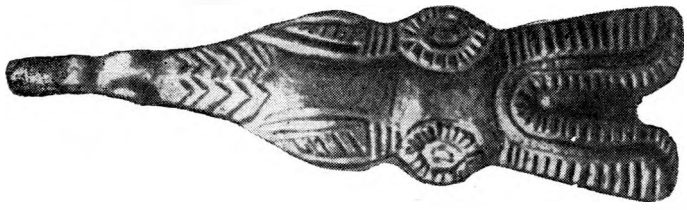


Рис. 3. Железный крючок с золотой обкладкой из кургана 3 группы «Частые Курганы»

(рис. 4) [24]. Здесь мы вновь видим ту же симметрично удвоенную голову en face со стилизованными глазами-розетками, остроконечными прижатыми ушами удлиненной формы. Пасть зверя широко открыта, но зубы не показаны совсем. Вместо них мастер оставил пустое гладкое пространство. Губы изображены в виде двух узких лент, выходящих из одной точки по направлению к краям пасти и оканчивающихся двумя спиральными завитками (вероятно, это ноздри животного).

По времени данный курган тесно примыкает к группе памятников скифского времени на Среднем Дону, относящихся к самому концу V — началу IV в. до н. э. (золотая серьга, бронзовый котел, железные плоские наконечники стрел).

Железная застежка с неясным изображением «фантастического» хищника (рис. 5) была обнаружена в богатом погребении из кургана 11/16 близ с. Мастюгино (раскопки 1960 г.) [25]. По устройству она относится ко второй сюжетной группе, поскольку крючком у нее является изгиб задней части туловища самого зверя. Отдельные детали изображения ввиду плохой сохранности предмета выделить чрезвычайно трудно. В центре головы имеется небольшое круглое отверстие, через которое, пересекаясь, проходят две диагональные резные линии. У края пасти помещены две округлые выемки неопределенного назначения (может быть, ноздри?). Однако общие очертания головы зверя, а также его открытая пасть очень напоминают изображения «фантастических» хищников, о которых говорилось выше. Время сооружения кургана определяется характерным для IV в. до н. э. набором золотых бляшек и железным оружием (стрелы, дротики). Аналогичная по типу застежка была найдена в кургане 32/32 у с. Мастюгино [26].

[24] С. Н. Замятнин. Указ. соч., стр. 38, рис. 27, *3*.
[25] П. Д. Либеров. Мастюгинские курганы, стр. 163, рис. 9, *4*.
[26] П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону. САИ, вып. Д1—31. М., 1965, стр. 103, табл. 32, *6*.

Что можно сказать о происхождении и общем значении данного мотива в целом? Мотив «фантастического» зверя часто использовался для украшения различных предметов вооружения (рукояти кинжалов и мечей, бронзовые секиры) и конской сбруи в областях, входивших в провинцию скифо-сибирского звериного стиля (Прикамье, Поволжье, Приуралье, Средний Дон и др.).

В большинстве случаев головки хищников стилизованы до такой степени, что почти невозможно определить реальную подоснову мотива.

Попытка Г. Боровки рассматривать в качестве подобной подосновы мотив медведя [27] вызывает большие сомнения. Дело в том, что почти у всех изображений «фантастических» хищников ухо всегда трактуется остроконечным и сильно вытянутым. А это никак не соответствует классическому образу медведя, сложившемуся в скифо-сибирском зверином стиле. Там медведь всегда изображался с округлым маленьким ухом и другими характерными деталями, тонко подмеченными местными мастерами у реальных животных.

Что же касается происхождения мотива «фантастического» зверя, то его, судя по всему, следует скорее сближать с теми волкоподобными фигурами, которые были так широко распространены к востоку от Дона (например, с волкоподобными хищниками на бронзовых частях конского убора из савроматских курганов на р. Илеке — раскопки К. Ф. Смирнова, 1960 г.). Процесс образования странных образов зверей с удвоенными головами довольно отчетливо прослеживается на блюменфельдских резных клыках, представляющих собой великолепный образчик савроматского звериного стиля [28]. Изображения головок зубастых хищников на этих клыках поразительно близки по духу образам «фантастических» зверей на крючках из воронежских курганов. Местный художник, руководствуясь какой-то особой идеей и определенными канонами в украшении предмета, изобразил на одном из клыков две почти одинаковые головы, расположенные одна за другой [29]. Но этого ему показалось мало, и он придал нижней части головы очертания, близкие верхней ее части. Имеем ли мы здесь дело с процессом поисков художником какой-то формы для выражения новых идей, или это просто декоративное оформление предмета — пока сказать трудно. Тем не менее блюменфельдские изображения зубастых «фантастических» зверей — первые, наиболее ранние

[27] G. Borovka. Указ. соч., стр. 48—49.
[28] B. Grakov. Указ. соч., стр. 25—62.
[29] Там же.

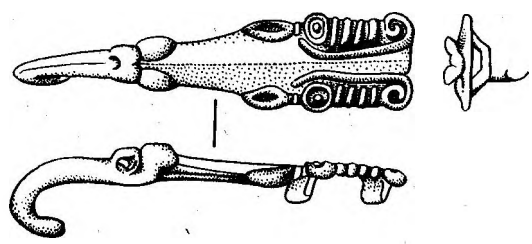


Рис. 4. Бронзовая застежка, украшенная изображением «фантастического» зверя, из кургана 10 группы «Частые Курганы»

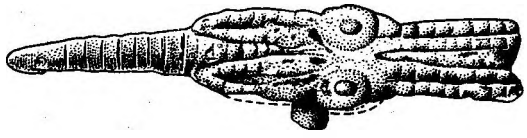


Рис. 5. Железная застежка с фигурой хищника из кургана 11/16 у с. Мастюгино

образчики этого мотива (начало V в. до н. э.). Изображение на большом блюменфельдском клыке имеет уже почти одинаковые контуры верхней и нижней части головы [30]. И хотя внизу нет еще деталей второго изображения, отсюда лишь один шаг до симметричного удвоения головы en face, которое мы наблюдаем на изделиях конца V—IV в. до н. э. Кстати, все характерные детали изображения хищника на большом блюменфельдском клыке (глаз-розетка, лентообразные губы, трактовка зубов и др.) повторяются позднее почти на всех изображениях этого рода в Прикамье и на Среднем Дону.

На наш взгляд, сложный характер магических понятий, вкладывавшихся в образ «фантастического» хищника, привел в конце концов к почти полному отрыву данного мотива от его реального прообраза, установить который в настоящее время практически невозможно.

Мотив «волка». Этот мотив довольно близок по характеру к мотиву хищника с открытой зубастой пастью (рис. 6). Он представлен на железном крючке из кургана 11/16 у с. Мастюгино (раскопки 1960 г.) [31]. Несмотря на наличие реалистических деталей, изображение зверя подверглось здесь значительной трансформации, так что трудно судить, кто именно изображен в данном случае. Однако остроконечное вытянутое ухо, строение зубов и общие очертания морды зверя очень напоминают фигуры «волкоподобных» хищников из области скифо-сибирского звериного стиля [32]. Туловище зверя покрыто резными крестообразными знаками. На обороте крючка помещен костылек для скрепления с ремнем. Судя по другим вещам из этого погребения, данный крючок (вторая сюжетная группа) относится к IV в. до н. э.

Мотив оленя. Важную роль в скифском искусстве играл образ оленя, который неоднократно встречается на предметах из кости и металла с глубокой архаики вплоть до конца скифского периода. Большая популярность этого мотива и богатство его разновидностей заставляют думать, что он не был простым декоративным украшением, а имел какое-то особое культовое содержание. Наиболее характерными позами оленя в скифском искусстве являются поза «галопирующего» животного с подогнутыми ногами и вытянутой вперед головой и бегущего оленя с подогнутыми ногами и повернутой назад головой. Из других специфических элементов мотива следует особенно подчеркнуть наличие больших ветвистых рогов, создающих удобный узор для декоративного оформления всего предмета в целом.

В воронежской группе мотив оленя представлен на трех металлических и одной костяной застежке (последняя найдена в 1962 г. при раскопках кургана 34/39 у с. Мастюгино; рис. 7, *1*) [33]. Что касается металлических застежек, то две из них — золотая и бронзовая — были получены в результате грабительских раскопок курганов у с. Мастюгино в 1905 — 1906 гг. Они очень близки друг другу как по форме, так и по трактовке отдельных деталей [34]. На золотой застежке (рис. 7, *2*) изображен олень с повернутой назад головой и огромными когтистыми лапами, подогнутыми в манере, свойственной копытным животным. Рогов нет совершенно. В результате сильной стилизации морда животного превратилась в узкий завиток, на котором выделяются большие уши и круглый выпуклый большой глаз. Посредине туловища проходит узкая изогнутая выемка, заполненная геометрическим орнаментом в виде квадратиков и прямоугольников. На плече животного помещен завиток. Однако особый интерес представляет, конечно, трактовка конечностей. Вместо обычных копыт мы видим здесь огромные когтистые лапы, характерные скорее

[30] B. Grakov. Указ. соч., стр. 25—62.

[31] П. Д. Либеров. Мастюгинские курганы, стр. 163, рис. 9, *3*.

[32] B. Grakov. Указ. соч.

[33] П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону, стр. 103, табл. 32, *12*.

[34] ОАК за 1905 г., стр. 96—97, рис. 121, 122.

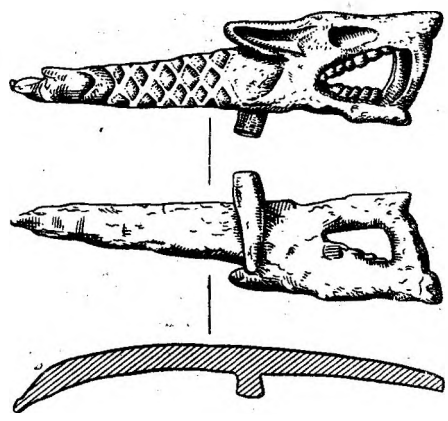


Рис. 6. Железный крючок с изображением волка из кургана 11/16 у с. Мастюгино

для хищника, чем для травоядного животного. Лапы хищника в подобной трактовке, так же как и сам прием «усиления» мирных животных, были широко распространены к востоку от Скифии — в области скифо-сибирского звериного стиля. В качестве примера можно привести изображения дерущихся зверей на золотых бляхах из Сибирской коллекции Петра I [35]. Выделение мышц животного при помощи спиральных завитков и широкое применение геометрического орнамента также ведут нас в область скифо-сибирского звериного стиля [36]. В целом же образ оленя в подобной трактовке (морда-завиток, огромный выпуклый глаз и подчеркнуто выделенное ухо) носит следы явного упадка стиля и очень напоминает зооморфные изображения Прикубанья (станицы Казанская и Елизаветинская) [37] и Среднего Дона (с. Мастюгино, курган 1) [38], относящиеся ко второй половине IV—III в. до н. э. Узкий конец золотой застежки оформлен в виде головки «ушастого грифона» с нависающим клювом (первая сюжетная группа).

Животное, изображенное на бронзовой застежке, до мельчайших деталей напоминает предыдущий случай (правда, вместо лап хищника у него уже обычные копыта), так что особо останавливаться на его характеристике нет необходимости (рис. 7, *3*).

Третий образец этого мотива представлен бронзовым крючком из кургана 12 группы «Частые Курганы» (раскопки ВУАК в 1914 г.) [39]. Данное изображение (рис. 7, *4*) отличается от двух предыдущих образцов тем, что, во-первых, голова оленя вытянута здесь вперед; во-вторых, олень имеет обычные копыта; в-третьих, голова его увенчана большими ветвистыми рогами, которые оканчиваются головкой хищной птицы. Мышцы животного на плечах и крупе изображены в виде спиральных завитков. В целом все изображение стоит гораздо ближе к скифскому звериному стилю, где имеется ряд близких ему аналогий (олени из Александропольского кургана), чем к восточным образцам этого стиля. Однако спиральные завитки на плечах, трактовка глаза и ряд других черт придают изображению из кургана 12 известное своеобразие. Дата кургана 12 определяется по ряду предметов погребального инвентаря IV в. до н. э.

Мотив кабана. В 1905 г. А. А. Спицын при доследовании ограбленного погребения у с. Мастюгино обнаружил на дне могильной ямы интересную биметаллическую застежку с изображением головки кабана на конце (рис. 7, *5*) [40]. Другой конец застежки был оформлен в виде головки «ушастого грифона» с большим изогнутым клювом. Основная часть предмета была изготовлена из бронзы, лишь внутренний стержень, конец которого выходил наружу, образуя клюв «грифона», был железным. На обороте застежки имелись две петли для прикрепления ее к ремню. Близкие изображения кабана известны среди находок из кургана 11 группы «Частых Курганов» (IV—III вв. до н. э.) [41], в с. Мастюгино (случайная находка) [42] и в кургане — А12 в Блюменфельде [43]. Судя по наличию железных втульчатых наконечников плоских стрел и нескольких наконечников стрел из бронзы, погребение, раскопанное А. А. Спицыным, можно отнести к IV в. до н. э.

Мотив хищной птицы. В 1906 г. в том же ограбленном кургане близ с. Мастюгино А. А. Спицын обнаружил на дне могильной ямы интересную железную застежку с головкой «грифона» на конце [44]. В 1959 г. почти аналогичная железная застежка с головкой «грифона» на конце была найдена в кургане 15/11 у с. Мастюгино [45]. Близкий по форме железный

[35] И. Толстой, Н. Кондаков. Указ. соч., стр. 53, рис. 60; стр. 59, рис. 68.
[36] В. Grakov. Указ. соч.
[37] Н. И. Веселовский. Раскопки в Кубанской области. ОАК за 1903 г., стр. 169, рис. 326—333; ГИМ, кл. 79/49а, № 42380—82.
[38] Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 г. ИАК, вып. 43, 1911, стр. 50, рис. 55, *4*.
[39] С. Н. Замятнин. Указ. соч., стр. 38, рис. 13, *27*.
[40] ОАК за 1906 г., стр. 110, рис. 152.
[41] С. Н. Замятнин. Указ. соч., стр. 44, рис 35.
[42] В. Grakov. Указ. соч.
[43] Там же.
[44] ОАК за 1906 г., стр. 110.
[45] П. Д. Либеров. Отчет о работе Воронежского отряда в 1959 г. Архив ИА АН СССР.

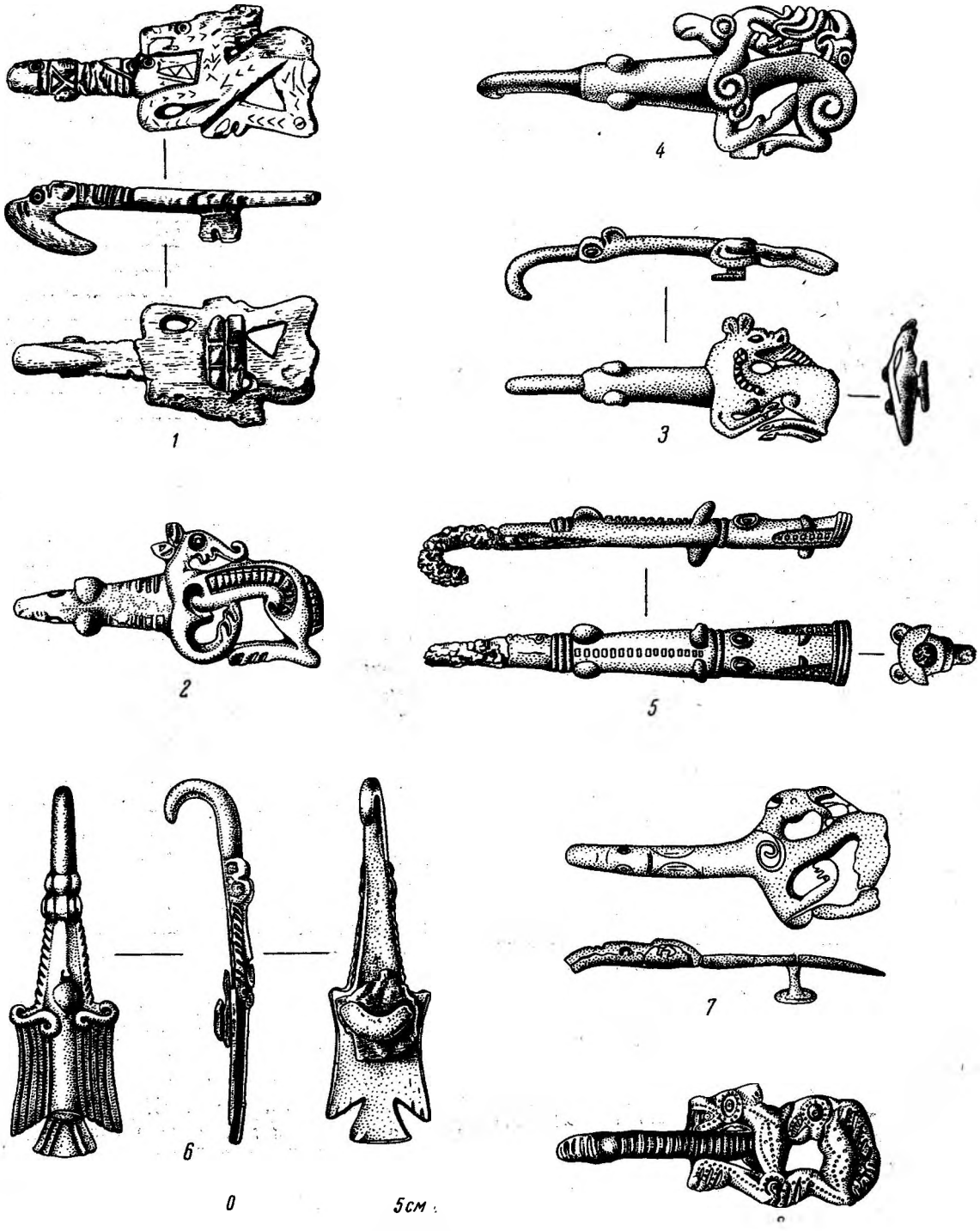


Рис. 7. Застежки и крючки

1 — костяная застежка с изображением оленя из кургана 34/39 у с. Мастюгино; *2* — золотая застежка из кургана у с. Мастюгино (грабительские раскопки); *3* — бронзовая застежка из кургана у с. Мастюгино (случайная находка); *4* — бронзовый крючок с изображением оленя из кургана 12 группы «Частые Курганы»; *5* — биметаллический крючок (железо и бронза) с головкой кабана на конце из кургана у с. Мастюгино; *6* — бронзовый крючок в виде птицы из кургана у с. Мастюгино; *7* — бронзовый крючок из разрушенного курганного погребения у ст. Старо-Минской близ г. Ейска; *8* — железная застежка с золотой обкладкой, украшенной фигурой хищника (случайная находка на Нижнем Дону)

крючок был обнаружен в 1960 г. в кургане 4 у с. Русская Тростянка [46]. И, наконец, уникальную бронзовую застежку этого типа дали раскопки 1961 г. курганов у с. Мастюгино (рис. 7, *6*) [47]. Все эти застежки образуют совершенно обособленную группу, сильно отличающуюся от всех других крючков не только стилистически (по зооморфному оформлению), но и по форме. Дело в том, что все четыре застежки нельзя включить ни в первую сюжетную группу, ни во вторую. На первый взгляд, они, несомненно, принадлежат к первой сюжетной группе. Об этом говорит наличие широкой бляхи с каким-то зооморфным мотивом и длинного стержня с головкой «грифона» на конце. Отнесению изображения к первой группе противоречит характер изображения, помещенного на широкой бляхе. Поскольку большинство этих застежек сделано из железа, то изображения на бляхах сильно коррозированы и с трудом поддаются толкованию. Во всяком случае контуры изображенной фигуры напоминают сидящую птицу с распущенным хвостом и сложенными крыльями, но без головы. Заменой головы служит помещенная на конце стержня головка «ушастого грифона» [48]. Все изображение птицы дано как бы в плане (вид сверху) так, что длинный стержень с грифоньей головкой на конце хорошо увязывается с основной фигурой, помещенной на щите застежки. Особенно хорошо заметны все детали этого сложного мотива на бронзовой застежке из Мастюгинских курганов (раскопки 1961 г.). Таким образом, если признать композиционную связь между мотивом «грифона» и изображением на щитке, то мы имеем здесь дело с особым мотивом хищной птицы, получившей ряд грифоньих черт. Если же придерживаться мнения о разобщенности обоих мотивов («грифон» на конце стержня — сам по себе; птица на щитке — отдельно), то все четыре застежки с изображением хищной птицы следует отнести к первой сюжетной группе. Пока что точка зрения о единстве обоих изображений ничем не подкреплена и основана на субъективных соображениях. Заслуживает внимания тот факт, что мотив хищной птицы встречается на крючках наиболее раннего типа как на Среднем Дону, так и в других местах (с. Кише близ Астрахани). Дата кургана 2 у с. Мастюгино и кургана 4 у с. Русская Тростянка определяется по всему набору вещей из погребального комплекса временем не позднее середины IV в. до н. э. Железная застежка из кургана 15/11 у с. Мастюгино датируется гораздо точнее: найденные в этом же погребении обломки чернолаковой греческой чашки относятся к концу V в. до н. э. [49]

Заканчивая обзор зооморфных мотивов, представленных на крючках воронежской группы, необходимо еще раз подчеркнуть их сходство с камско-уральским звериным стилем. Это справедливо не только в отношении зооморфных изображений, известных нам по крючкам, но и для всего звериного стиля воронежского варианта лесостепной культуры в целом. В этом нетрудно убедиться при общем знакомстве с зооморфными изображениями из «Частых» и Мастюгинских курганов [50].

Правда, в зверином стиле воронежской группы чувствуются значительные влияния со стороны степной Скифии и украинской лесостепи, но они не идут ни в какое сравнение с могучим культурным воздействием камско-уральского искусства. Все это заставляет нас сделать вывод о том, что культура скифского времени на Среднем Дону наряду с ананьинской и савроматской культурами входила в область скифо-сибирского звериного стиля.

Богатство и разнообразие зооморфных мотивов, предствленных на металлических крючках из воронежских курганов, а также богатство и разнообразие звериного стиля этой группы в целом, позволяют предполагать, что воронежская группа была одним из крупнейших и активнейших центров этой области.

Случай с крючками служит дополнительным подтверждением этого вывода. Наиболее многочисленная (16 экземпляров из 34) и разнообразная по отделке и материалу воронежская группа богатством зооморфных мотивов затмевает все остальные. Кроме того, крючки воронежской группы имеют характерную черту — почти все они принадлежат к первой сюжетной группе.

К той же группе примыкает несколько крючков из других областей, как смежных с территории Среднего Дона, так и значительно удаленных от нее. Все эти образцы объединяет с воронежскими крючками большое сходство по форме и по трактовке деталей изображения.

---

[46] П. Д. Либеров. Отчет о работе Воронежского отряда в 1960 г. Архив ИА АН СССР, стр. 7, табл. 5, *6—7*.

[47] П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону, стр. 103, табл. 32, *4*.

[48] Название «ушастый грифон» носит условный характер. Не исключено, что здесь изображена просто головка хищной птицы. Однако наличие уха — довольно показательная черта.

[49] П. Д. Либеров. Отчет о работе Воронежского отряда в 1959 г. Архив ИА АН СССР.

[50] С. Н. Замятнин. Указ. соч.; П. Д. Либеров. Мастюгинские курганы.

В 1961 г. в насыпи большого кургана у с. Чурачки на р. Цивиль было найдено около 35 впускных погребений эпохи раннего железа. В одном из этих погребений находились бронзовый крючок с изображением медведя и бронзовая многолепестковая бляшка-розетка [51]. Крючок имеет обычную схему первой сюжетной группы: узкий конец трактован в виде головки «ушастого орлиноголового грифона» с большим клювом, а широкий — в виде фигуры стоящего медведя с опущенной вниз мордой. Среди наиболее интересных деталей следует отметить такие типичные для данного мотива черты, как особая трактовка уха, наличие завитков на плечах и намеренно выделенные огромные когтистые лапы. Мотив медведя в подобной трактовке характерен и для ананьинских, и для воронежских памятников IV—III вв. до н. э. Но тот факт, что застежка принадлежит к первой сюжетной группе (довольно редкой среди ананьинских крючков), достаточно красноречив. Крючки с изображением медведя в аналогичной позе и с близкой трактовкой деталей найдены в воронежских курганах трижды, тогда как в Прикамье этот мотив на крючках не встречается вообще и представлен лишь на нескольких костяных предметах с Аргыжского и Пижемского городищ на Вятке [52]. Все это заставляет нас считать, что чурачский экземпляр был привезен с территории Среднего Дона. Любопытно, что бронзовая бляшка-розетка из Чурачского кургана имеет много параллелей в воронежских древностях (курган 3 урочища «Частые Курганы» [53], курган 11/11 той же группы [54] и др.) IV—III вв. до н. э. Судя по этим аналогиям, наиболее вероятной датой крючка из Чувашии является IV—III вв. до н. э.

В развеянном погребении у с. Бажиган Ставропольского края был обнаружен интересный комплекс вещей, в который входили бронзовые скифские стрелы конца V в. до н. э., несколько бронзовых бляшек и бронзовая застежка с изображением медведя [55]. Узкий конец застежки был оформлен в виде головки «ушастого грифона». Медведь, изображенный на широком конце предмета, по особенностям ближе всего стоит к образцам скифо-сибирского стиля [56]. Об этом говорят спиральные завитки на плечах зверя, сама его поза в виде стоящей сгорбленной фигуры с опущенной вниз головой, характерная трактовка уха и глаза, огромные, намеренно подчеркнутые когтистые лапы. Однако, несмотря на общую близость к изображениям из области камско-уральского искусства, бажиганский медведь не имеет там прямых аналогий, за исключением нескольких костяных зооморфных предметов из Прикамья. Ни в Прикамье, ни у савроматов нет металлических крючков с изображением медведя в подобной трактовке. Воронежская группа крючков, как я уже отмечал, дает сразу три застежки аналогичного типа. Картина общего сходства бажиганского и воронежских крючков дополняется набором характерных бронзовых бляшек, сопровождавших бажиганскую находку: четырехлепестковые бляшки с отверстием в центре, овальные бляшки-привески с ушком на обороте и др. Все они встречаются в воронежских курганах, относящихся к IV—III вв. до н. э. (курган 11/11 группы «Частых Курганов»). Каково же происхождение бажиганской застежки? Судя по некоторым деталям изображения, она не была привезена с территории Среднего Дона. Скорее всего ее изготовили местные мастера, руководствуясь воронежскими образцами застежек. Но сам факт большого ее сходства с крючками воронежской группы не вызывает никакого сомнения.

Еще одна бронзовая застежка происходит из разрушенного курганного погребения у ст. Старо-Минской близ г. Ейска (рис. 7, *7*) [57]. Этот бронзовый крючок принадлежит к первой сюжетной группе. Широкий конец предмета украшен изображением странного зверя. Голова его повернута назад к изогнутому узкому туловищу с поджатыми ногами. Плечо украшено спиральным завитком, идущим от основания шеи. Ухо изображено в виде ромба с диагональной перегородкой. А глаз трактован в виде резного полукруга. Верхняя часть морды зверя украшена вертикальными насечками. В раскрытой пасти нет зубов, а губы изображены в виде узкой ленты, окаймляющей пасть изнутри. Особый интерес представляет для нас трактовка ног животного. Расположенные в обычном для копытных животных подогнутом положении, они имеют странный вид. Передняя нога изображена в виде огромной когтистой лапы, а задняя — имеет обычное в таких случаях острое копыто. Такое сочетание деталей хищных и травоядных животных на одном

[51] В. Ф. Каховский. Чурачский курган в Чувашии. СА, 1963, № 3, стр. 172, рис. 3.

[52] А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху, стр. 133, табл. XXVI, *6*, *10*.

[53] С. Н. Замятнин. Указ. соч., стр. 25, рис. 10.

[54] П. Д. Либеров. Отчет о работе Воронежского отряда в 1954 г. Архив ИА АН СССР.

[55] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1962, стр. 154, рис. 17, *7*.

[56] Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и в Грозненской области. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 98.

[57] Ейский музей, инв. № 4835. Приношу глубокую благодарность И. С. Каменецкому, любезно предоставившему мне рисунок крючка.

изображении опять-таки характерно для скифо-сибирского звериного стиля. Чуждая степному скифскому искусству по характеру изображения, застежка из ст. Старо-Минской является, несомненно, вещью привозной. Скорее всего место ее производства находилось на территории Среднего Дона. Ведь именно мастюгинские крючки с изображением странного оленя-пантеры больше всего напоминают ейского зверя. Судя по воронежским аналогиям, ейский экземпляр следует отнести к IV—III вв. до н. э.

В культуре скифских племен Северного Причерноморья зооморфные металлические крючки вплоть до самого конца скифского периода оставались явлением сугубо чуждым. Поэтому сам факт появления на скифской территории единичных находок этого рода требует особого объяснения. При раскопках богатейшего Александропольского кургана в 50-х годах XIX в. были найдены две великолепные одинаковые застежки: одна была изготовлена из серебра, другая — из массивного золота [58]. Узкий конец застежки оформлен в виде классической головки «ушастого грифона» с огромным кривым клювом, а позади на широкой бляхе помещена фигура «галопирующего» оленя в характерной для скифского звериного стиля позе. Голова этого грациозного животного обращена вперед к узкому концу застежки. Огромные ветвистые рога оригинальной формы прижаты к спине. Хвост изображен в виде небольшой петельки. Ноги животного подогнуты в обычной манере, а их концы имеют острые стилизованные копыта. Несмотря на то что в данном случае в зооморфном оформлении крючков трудно найти какие-нибудь «восточные» элементы, они, как и предыдущие находки, являются, по-видимому, привозными предметами. Зооморфные крючки были несвойственны типичным скифским инвентарям как рядовым, так и «царских» курганов. Единичная находка крючков в Александропольском кургане служит, на наш взгляд, доказательством контактов степной Скифии с восточными областями. Поскольку мотив оленя встречается в Прикамье и у савроматов крайне редко, логично высказать предположение о воронежском происхождении александропольских застежек (на Среднем Дону найдены две бронзовые и одна золотая застежка с изображением оленя). Дата Александропольского кургана определяется по греческой керамике — первая половина III в. до н. э.[59]

Еще один интересный крючок с фигурой хищника (барса?) на щитке был случайно найден на Нижнем Дону (железная основа, обтянутая золотым листом) (рис. 7, *8*) [60].

Прикамская (ананьинская) группа. Широкие археологические исследования древностей раннего железного века в Прикамье привели еще в конце прошлого столетия к накоплению значительного материала по культуре и быту ананьинских племен. Изучению подверглись в основном могильники с наиболее эффектными находками (Ананьинский, Зуевский, Котловский и др.). Позднее интерес археологов привлекли и древние городища, расположенные на крутых мысах по Вятке и Каме. Среди огромной коллекции вещей, полученных в результате многолетних раскопок ананьинских памятников, имеется целая группа металлических и костяных крючков с зооморфным оформлением. Эта группа, вторая по величине после воронежской (восемь металлических застежек), интересна тем, что дает возможность проследить весь путь развития крючков с момента их появления до превращения в пьяноборские застежки. Подобная преемственность в культурном развитии объясняется тем, что основной массив населения в Прикамье оставался неизменным, автохтонным, тогда как на юге (Средний Дон, Южное Поволжье и другие области) местные племена были сметены ордами кочевников, двигавшихся в III—II вв. до н. э. на запад. Этот факт наряду с тем, что ананьинские крючки были найдены и опубликованы еще в 50—60-х годах XIX в., когда о подобных находках в других областях почти ничего не было известно, позволил некоторым исследователям сделать вывод об ананьинском происхождении всех зооморфных крючков [61]. Насколько достоверны такие выводы, мы увидим ниже. А пока перейдем к анализу изображений на металлических крючках ананьинской группы.

Мотив лося. Всего на территории Прикамья известно восемь металлических зооморфных застежек, из которых шесть штук найдены на территории могильника у с. Ананьино. Большинство их представляет собой случайные находки и лишь в погребении IX—XI Ананьинского могильника, исследованном П. В. Алабиным, бронзовый крючок находился при костяке вместе с металлическими бляшками поясного набора и другими вещами [62]. Массивный литой

[58] ДГС. Атлас. СПб., 1854, табл. 1, *4*.
[59] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 432.
[60] П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону, стр. 103, табл. 32, *15*.
[61] А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху, стр. 173—174.
[62] П. В. Алабин. Ананьинский могильник. ВРГО, ч. 29. СПб., 1860, стр. 96.

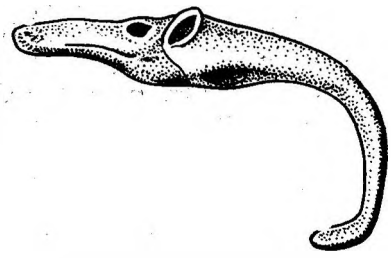


Рис. 8. Бронзовый крючок с головкой лося из Ананьинского могильника

крючок из этого погребения оформлен в виде длинномордого ушастого зверя с закрытой пастью и тонким изогнутым туловищем, конец которого образует изгиб крючка. Мастер, изготовлявший данный предмет, остроумно решил вопрос о соответствии всего изображения классической схеме застежки первой сюжетной группы: грифонья головка представляет основной зооморфный мотив. Благодаря своеобразному расположению уха у зверя и утолщению его шеи была создана имитация головки «грифона», хорошо заметной даже при беглом знакомстве с предметом. На широком конце застежки изображена морда зверя: скорее всего это изображение лося — наиболее популярный мотив в искусстве ананьинских племен (рис. 8). Этот крючок сильно отличается по устройству от других образцов: вместо обычных в таких случаях петли или костылька он имеет вертикальное круглое отверстие, сделанное на загривке зверя. Погребение IX—XI, как и большинство погребений Ананьинского могильника, относится к V—IV вв. до н. э.[63] Совершенно аналогичный бронзовый крючок был найден на территории Ананьинского могильника несколько лет спустя после раскопок Алабина. Крючок, хранящийся ныне в Музее антропологии МГУ[64], украшен, как и предыдущий экземпляр, головкой лося (конец морды у него отбит) и изображением головы «грифона», полученным при помощи приемов, описанных выше.

Мотив «волкоподобного» хищника представлен двумя образцами бронзовых застежек из Ананьинского могильника. На одной из них изображена головка хищника с открытой пастью (рис. 9)[65]. Острые уши зверя прижаты к затылку, а глаз трактован в виде небольшого овального углубления. Открытая пасть окаймлена узкой лентой с вертикальными нарезками для обозначения линии губ. Особенно интересна трактовка зубов зверя, изображенных в виде трех саблевидных клыков, занимающих все пространство между верхней и нижней челюстями. Этот мотив неоднократно встречается в Прикамье, на Среднем Дону и у савроматов. Так, например, очень близка описанному изображению головка хищника на бронзовой рукояти ножа из Ананьинского могильника[66]. Известное сходство с ананьинским «волком» имеет хищник, изображенный на железном крючке из кургана 11/16 у с. Мастюгино Воронежской области (дата кургана IV—III вв. до н. э.)[67]. Все это позволяет отнести данную застежку ко времени не ранее IV в. до н. э. Что касается толкования этого мотива, то, на наш взгляд, определение «волкоподобный» больше всего подходит к данному случаю: острое длинное ухо, очертания головы и ряд других черт исключают всякую возможность рассматривать это изображение как стилизованный мотив медведя.

Из сборов К. И. Невоструева происходит интересная бронзовая застежка с изображением странного зверя с огромной головой и сравнительно небольшим туловищем, загнутый конец которого образует крючок (рис. 10)[68]. Глаз чудовища трактован в виде ромба, имеющего внутри косую штриховку. Линия губ четко выделена в виде узкой ленты, окаймляющей широко открытую пасть. Зубы изображены в виде двух огромных треугольных клыков, образующих сплошную перегородку в передней части морды зверя. Нижний край головы и туловища украшен зубчатым орнаментом и странным завитком. Стилизация зверя достигает здесь такой степени, что сказать что-нибудь о реальной основе мотива крайне трудно. Однако бесспорное сходство в трактовке деталей с предыдущим мотивом позволяет предполагать, что и в данном случае мы имеем дело со стилизованным изображением «волка».

Мотив «фантастического» хищника. Классический образец этого мотива дает бронзовая застежка из Ананьинского могильника (рис. 11)[69]. Она украшена изображением хищника с симметрично удвоенной головой. Остроконечное длинное ухо, круглый глаз, лента губ, окаймляющих пасть, характерная трактовка зубов — все эти черты неоднократно встречаются на изображениях «фантастичес-

[63] А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху, стр. 29.

[64] Музей антропологии МГУ, инв. № 135/33.

[65] I. Aspelin. Antiquités du Nord finno-ougrien, t. II. Helsinki, 1877, pl. 470.

[66] ГИМ. Экспозиция, зал 5, витрина 7, № 9.

[67] П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону, стр. 103, табл. 32.

[68] I. Aspelin. Указ. соч., табл. 472.

[69] Там же, табл. 471.

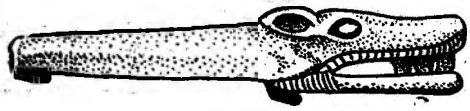


Рис. 9. Бронзовый крючок с фигурой волка из Ананьинского могильника

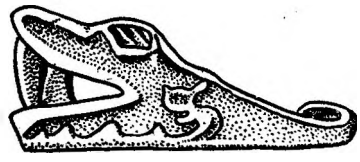


Рис. 10. Бронзовый крючок из Ананьинского могильника

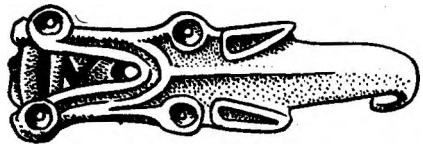


Рис. 11. Бронзовая застежка с изображением «фантастического хищника» из Ананьинского могильника

ких» хищников в области скифо-сибирского звериного стиля (Блюменфельд А12; воронежские курганы, ананьинские бронзовые секиры и т. д.). Изгиб хвоста зверя образует «рабочую часть» крючка.

Вторая застежка этого типа представляет собой плоскую бронзовую пластинку, один конец которой, слегка расширяясь, изображает головку какого-то хищника, а другой — более узкий, изогнут и образует крючок (рис. 12) [70]. На обороте застежки имеется большая петля-скоба для прикрепления к поясу. Относительно самого изображения зверя сказать что-либо определенное трудно. Никаких характерных черт, позволяющих отнести его к определенному зооморфному мотиву, выделить не удается.

Все разобранные выше образцы крючков (за исключением двух первых — с изображением головы лося) относятся ко второй сюжетной группе застежек, которая, как мы увидим ниже, является вообще типичной для ананьинской группы крючков.

Остается добавить, что в Прикамье найдены также крючки первой сюжетной группы. Один из них обнаружен при раскопках городища Грохань, которое, по определению А. В. Збруевой, относится к VII—IV вв. до н. э. (рис. 13) [71].

Он изготовлен техникой литья из великолепной по качеству бронзы. Узкий конец крючка украшен головкой «ушастого грифона» с большим клювом. На другом конце — изображение «фантастического» зверя с симметрично удвоенной головой. Уши его трактованы в виде больших розеток, глаза — как двойные кружки, а в широко открытой пасти видно три больших клыка, занимающих все пространство между челюстями. Край пасти окантован изнутри узкой полоской стилизованных губ, образующих на концах спиральные завитки (ноздри?). На обороте пряжки сделан массивный костылек для прикрепления к ремню. Вплоть до мельчайших деталей совпадает с этим экземпляром оформление железного с золотой обкладкой крючка из кургана 3 в урочище «Частые Курганы», подробный анализ которого давался при разборе воронежской группы. Вряд ли это сходство объясняется простым совпадением. На территории Среднего Дона найдены три аналогичные по устройству и оформлению застежки, и все они первой сюжетной группы. В Прикамье же, несмотря на то что мотив «фантастического» зверя встречается там довольно часто, застежки первого типа, подобные гроханьскому образцу, — редчайшее исключение. Все это заставляет нас прийти к выводу о том, что крючок с городища Грохань или был непосредственно привезен в Прикамье со Среднего Дона, или же был сделан на месте под прямым влиянием воронежских образцов. Относительно другого бронзового крючка, приобретенного В. И. Засайловым близ с. Большая Тояба бывшего Тетюшского уезда Казанской губернии (рис. 14) [72], нет никаких дополнительных сведений. В соответствии с классической схемой застежек первой сюжетной группы узкий конец крючка оформлен в виде головки «ушастого грифона», а бляха широкого конца украшена изображением хищной птицы, клюющей свою лапу. Относительно времени изготовления данного крючка нельзя сказать ничего определенного. Но тот факт, что он принадлежит к первой сюжетной группе, сам по себе представляет интерес. Вероятно, и в данном случае мы имеем дело с влиянием образцов воронежской группы, тем более, что точно такая же фигура птицы изображена на бронзовой прорезной бляхе из «Частых Курганов» (курган 1, IV—III вв. до н. э.) [73].

В собрании ГИМ имеется свыше десятка костяных крючков, часть которых украшена различными зооморфными мотивами (рис. 15). Эти крючки были собраны А. А. Спицыным в 1887—1888 гг. во время исследования им ряда

[70] I. Aspelin. Указ. соч., табл. 473.

[71] А. В. Збруева. Городище Грохань. КСИИМК, вып. XVI, 1952, рис. 21, *1*.

[72] A. M. Tallgren. Collection Zaoussailov. Helsinki, 1919, pl. II.

[73] С. Н. Замятнин. Указ. соч., стр. 19, рис. 6, *1*.

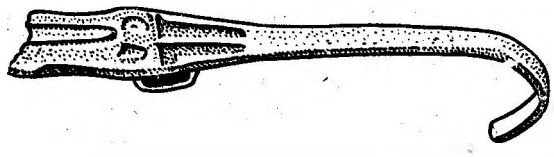


Рис. 12. Бронзовая зооморфная застежка из Ананьинского могильника

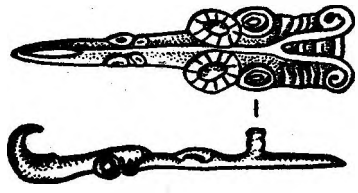


Рис. 13. Бронзовый крючок, найденный на городище Грохань

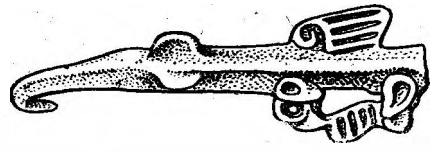


Рис. 14. Бронзовый крючок из Большой Тоябы (случайная находка)

«костеносных» городищ бывшей Вятской губернии [74]. К сожалению, в коллекции А. А. Спицына они все обозначены как происходящие с вятских городищ, без указания, с какого именно городища происходит каждый крючок. Поэтому датировка данной группы костяных крючков сильно затруднена. Известно, например, что в число вятских городищ, исследованных А. А. Спицыным, входили Буйское (IV—III вв. до н. э.) [75], Пижемское (V—III вв. до н. э.) [76] и ряд других. Кроме того, костяные крючки были найдены на Аргыжском городище V—III вв. до н. э. (раскопки Пономарева, 1877 г.) [77]. Все это заставляет нас думать, что костяные крючки ананьинской группы появляются не ранее V в. до н. э. и продолжают существовать вплоть до конца ананьинского периода (III в. до н. э.).

Конструкция костяных крючков чрезвычайно проста и во многом зависела от особенностей материала. Чаще всего это треугольная плоская костяная пластинка с загнутым узким концом, который украшался иногда различными зооморфными изображениями. На широком округленном конце пластины имеется одно или два отверстия для прикрепления к поясу. Наибольший интерес представляет для нас зооморфное оформление узких концов костяных застежек. Чаще всего это головка хищной птицы («грифона»?) с четко выраженными ушами и большим изогнутым клювом — крючком (4 экземпляра). Однако в ряде случаев этот мотив осложняется новыми, не свойственными ему чертами, близкими вкусам местного населения. Так, например, на одной костяной застежке изображение головки «грифона» по трактовке уха, глаза и контурам головы в целом напоминает скорее лося. Подобное усложнение одного мотива элементами другого не является редкостью в зверином стиле камско-уральской области в скифский период.

В заключение следует сказать, что ананьинские костяные застежки — явление сугубо специфичное, характерное только для Прикамья. Местный их колорит, кроме материала, подчеркивается тем, что все они принадлежат ко второй сюжетной группе, встречающейся в других областях очень редко. Не лишним будет напомнить, что из восьми металлических застежек ананьинской группы шесть застежек также принадлежат ко второй сюжетной группе.

Учитывая их большую редкость в других областях, можно предположить, что Прикамье — место происхождения застежек подобного рода и центр их производства. Простые костяные застежки появляются в ананьинских памятниках приблизительно в начале V в. до н. э. или немного раньше. По крайней мере с конца V в. до н. э. они получают зооморфное оформление и в таком виде продолжают существовать до конца ананьинской эпохи. Приблизительно в то же время (конец V — начало IV в. до н. э.) в Прикамье появляются и металлические крючки, украшенные зооморфными мотивами. Вполне возможно, что прототипом для их схемы послужили местные костяные крючки. Во всяком случае сходство их формы поразительно. Однако остается еще вопрос о происхождении зооморфных украшений крючков. Прежде всего бросается в глаза крайне скудный набор мотивов, употреблявшихся для украшения застежек. Если для воронежской группы мы смогли выделить семь или восемь зооморфных мотивов, то здесь мы едва ли наберем больше трех. Зооморфные изображения на крючках прикамской группы тесно связаны с ананьинским звериным стилем. Изображение головки зубастого хищника со специфической трактовкой уха, глаза и зубов встречается в ананьинской культуре на многих предметах V—IV вв. до н. э. (украше-

---

[74] А. А. Спицын. Костеносные городища. МАВГР, вып. 1. М., 1893.

[75] А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху, стр. 299.

[76] Там же, стр. 292.

[77] Там же, стр. 283—284.

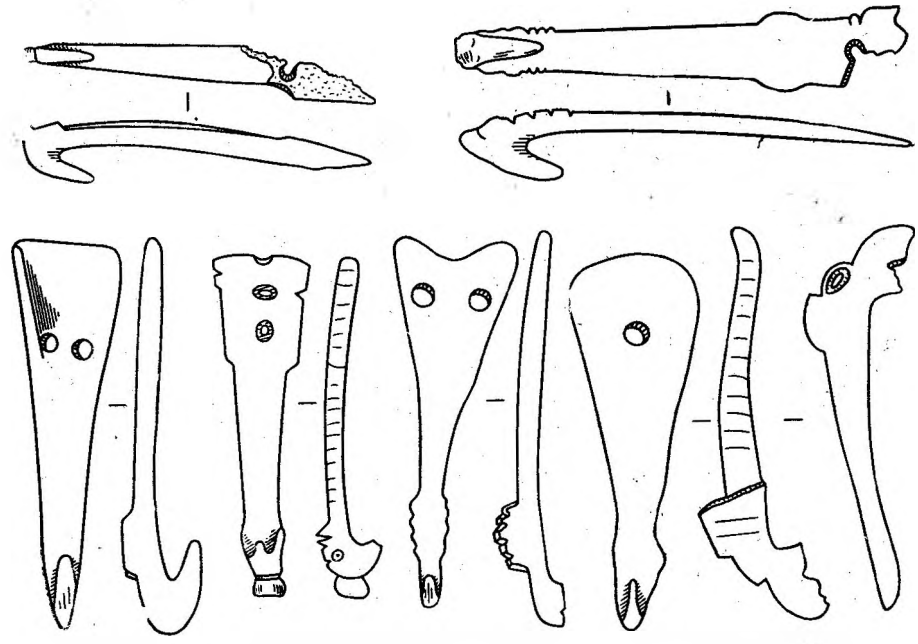


Рис. 15. Костяные застежки с зооморфными изображениями, найденные на городищах Прикамья

ния рукоятей мечей и кинжалов[78], бронзовые нарядные секиры[79], бляшки и т. д.).

Известная самостоятельность звериного стиля ананьинской культуры не исключает совпадений и общих черт с другими областями, особенно с территорией Среднего Дона и савроматами. Подобные совпадения будут более понятны, если принять во внимание общий характер ананьинского звериного стиля и источники его происхождения. Прежде всего следует учитывать, что искусство Прикамья наряду с искусством савроматов и населения воронежской группы входило в область скифо-сибирского звериного стиля, а следовательно, не могло не разделять с последними ряда общих черт.

Известно, что ананьинский звериный стиль сложился главным образом при участии сибирских и савроматских элементов с незначительными влияниями скифского искусства. И здесь будет уместно поставить вопрос о роли воронежской группы лесостепной скифской культуры в развитии ананьинского искусства. До сих пор этот вопрос или не ставился вообще, или решался односторонне. А. В. Збруева приводит ряд общих черт в искусстве племен Среднего Дона и Прикамья, указывая на преобладающую роль ананьинских элементов[80]. Новые археологические исследования памятников воронежской группы позволили совершенно по-новому осветить некоторые проблемы, связанные с этой культурой. На наш взгляд, роль воронежской группы в развитии соседних областей следует оценивать исходя из всей совокупности имеющихся у нас фактов.

Торговые связи Среднего Поволжья и Прикамья с югом (Северное Причерноморье, Приднепровье, Кавказ) в значительной степени должны были проходить через территорию Среднего Дона. Об этом свидетельствует Геродот, указывавший, что торговый путь из Северного Причерноморья на восток проходил через страну будинов, живших в 15 днях пути на север от устья Дона (Herod., IV, 21).

Важная роль воронежских племен в распространении элементов скифской культуры на север не вызывает в свете этих сведений никакого сомнения. Однако этим дело не ограничилось. Прекрасная сырьевая база в виде богатых месторождений железных руд (Липецкое и др.) и обширных дубовых лесов позволили местным племенам значительно преуспеть в выделке различных металлических предметов и в выработке многих специфических форм оружия и орудий труда. Именно

[78] ГИМ. Экспозиция, зал 5, витрина 7, № 9

[79] A. M. Tallgren. The Arctic Bronze Age in Europe. ESA, v. XII. Helsinki, 1937, p. 3, fig. 1.

[80] А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху, стр. 173—174.

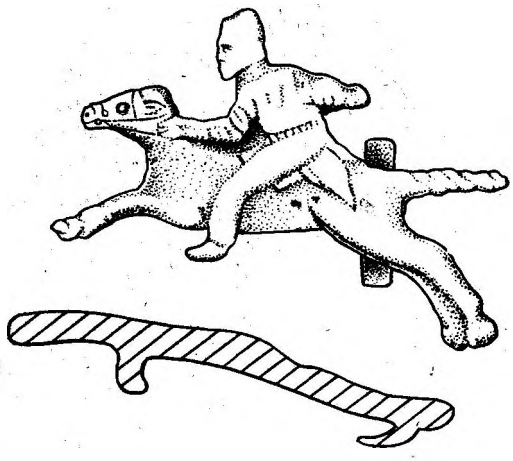


Рис. 16. Бронзовая фигурная застежка из урочища Собачья Балка близ г. Симферополя (случайная находка)

воронежские курганы содержат наиболее богатый и разнообразный набор железного оружия и конской сбруи специфических типов: дротики с жаловидным пером, наконечники стрел с плоским и трехлопастным пером, копья, топоры и т. д. Железные наконечники стрел с плоским треугольным пером до сих пор считались ананьинским изобретением[81]. И действительно, в могильниках Прикамья обнаружено более десяти подобных находок. Но это не идет ни в какое сравнение с количеством таких стрел, найденных на территории Среднего Дона. Только курганные погребения у с. Мастюгино содержали свыше сотни подобных наконечников. Не меньше их и в других курганных группах: «Частые Курганы», у с. Русская Тростянка. Приоритет воронежской группы в этом отношении не вызывает особых сомнений.

То же самое можно сказать и о первой сюжетной группе зооморфных застежек, два образца которых были найдены в Прикамье (на городище Грохань и у Большой Тоябы).

Что же касается мотивов звериного стиля, то сходство ананьинской и воронежской групп поразительно. Конечно, это объясняется частично тем, что обе группы входили в область скифо-сибирского звериного стиля. Но ряд специфических деталей, встречающихся и в Прикамье и на Среднем Дону, можно объяснить, только допуская факт существования культурного обмена между населением обеих областей. Например, образ «фантастического» зверя в сугубо специфичной трактовке, представленный на крючке городища Грохань, не известен ни у савроматов, ни у ананьинских племен, а встречается лишь в воронежских курганах (например, «Частые Курганы»). Конечно, дело не ограничивалось односторонними влияниями племен Среднего Дона на северных их соседей. Существовали взаимные контакты, оказавшие воздействие на обе области (железные пряжки-сюльгамы, бронзовые бляшки поясного набора в виде двух кружков и другие предметы, встречающиеся в воронежских курганах, указывают на ананьинское влияние).

Несколько слов необходимо сказать и о самой схеме «грифон» (хищная птица) + основной зооморфный мотив. Эта схема появляется на территории ананьинской культуры в V в. до н. э., причем не только на крючках, но и на других предметах (например, на бронзовых секирах). Если вопрос о происхождении мотива зубастого хищника пока решить не удается, то мотив головки «ушастого грифона» наверняка не местного происхождения, а принесен откуда-то с юга.

Находки металлических зооморфных крючков из других областей. Кроме двух разобранных выше больших территориальных групп зооморфных застежек, на территории Европейской части СССР, преимущественно в южных ее районах найдено еще несколько крючков. Часть их можно связать с воронежской группой. Другие застежки имеют очень оригинальное оформление, но их слишком мало для того, чтобы образовать новые территориальные группы. Следует тем не менее подчеркнуть своеобразный характер в оформлении указанных застежек, что свидетельствует об их местном производстве.

Интересная бронзовая застежка с изображением скачущего на лошади всадника была найдена при случайных обстоятельствах в урочище Собачья балка близ Симферополя (рис. 16)[82]. Некоторая схематичность изображения лошади, скачущей во весь опор, фигура и костюм всадника (панцирный пояс, узкие шаровары) свидетельствуют о сравнительно позднем возрасте застежки — не ранее III в. до н. э. Об этом же говорит совершенно трансформированная головка «грифона» на конце застежки, превратившаяся по сути дела в простой гладкий крючок.

Особого внимания заслуживает великолепная поясная пряжка из Керчи, хранящаяся в ГИМ[83]. Железная основа пряжки имеет золотую обкладку, на которой изображены два сражающихся всадника-варвара. По характеру

[81] А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.

[82] Н. И. Веселовский. Раскопки в Симферопольском уезде. ОАК за 1889 г., стр. 26, рис. 11.

[83] М. И. Ростовцев. Античная и декоративная живопись на юге России. Атлас. СПб., 1913, табл. 85, *3*.

и трактовке деталей это изображение напоминает бляху из Гермесовского кургана со сценой борьбы всадника и пешего воина [84]. Конструктивная схема застежки из Керчи также носит следы значительных изменений: наличие прямоугольного сплошного щитка с основным изображением, замена длинного стержня с головкой «птицы» коротким крючком, в котором из-за схематизации с трудом можно различить мотив «грифона».

Бронзовая застежка в виде стилизованной фигуры хищной птицы была найдена у с. Кише бывшего Черноярского уезда Астраханской губернии [85]. Конец застежки трактован в виде головки «ушастого грифона» с большим клювом. Интересная особенность этого изделия состоит в наличии определенной композиционной связи изображения на щитке с изображением головки грифона на конце пряжки. Это явление уже отмечалось нами при разборе аналогичных воронежских крючков. По характеру изображения и по конструктивным особенностям экземпляр, найденный у с. Кише, не выходит за пределы IV в. до н. э. К этой же группе относится бронзовая застежка из ст. Казанской в Прикубанье, которая украшена изображением хищника, выполненным в очень условной манере [86]. По ряду признаков можно установить, что хищник — из породы кошачьих, скорее всего лев. Об этом свидетельствуют наличие маленького округлого уха и общие контуры морды зверя, напоминающие изображение льва на бронзовом псалии из кургана близ Смелы [87]. Ноги зверя подогнуты в манере, свойственной скорее травоядным животным, и оканчиваются большими когтистыми лапами. Узкая часть застежки увенчана большим гладким крючком без всяких признаков зооморфного оформления. На оборотной стороне застежки имеется костылек для прикрепления к ремню. Дата предмета остается неопределенной — во всяком случае не ранее начала IV в. до н. э.

* * *

Вопрос о происхождении зооморфных застежек до сих пор не решен. Появление самых ранних образцов в каждой группе как на территории СССР, так и за ее пределами (Северный Китай, Италия) относится к концу V — началу IV в. до н. э. Это не дает возможности говорить о приоритете той или иной области. Основные зооморфные мотивы, употреблявшиеся для оформления застежек (особенно орнаментационная схема, соединяющая грифонью головку с изображением хищного зверя), были довольно широко распространены в области скифо-сибирского звериного стиля. И это дает нам известные основания искать родину зооморфных крючков в тех областях, где они встречаются наиболее часто, т. е. на Среднем Дону и в Прикамье. Утверждение А. В. Збруевой об ананьинском происхождении всех крючков не выдерживает никакой критики (однообразие зооморфного оформления крючков, господство лишь одной из двух известных нам форм). На наш взгляд, Прикамье явилось местом происхождения застежек второй сюжетной группы, прототипы которых известны среди костяных крючков с местных городищ. Однако вопрос о зооморфных мотивах остается открытым. Область Среднего Дона послужила, по всей вероятности, местом происхождения застежек первой сюжетной группы, составляющих там подавляющее большинство всех находок. Но эти выводы носят слишком предположительный характер и могут быть проверены по мере накопления нового материала. Что касается хронологии зооморфных крючков, то они продолжали бытовать в течение сравнительно короткого отрезка времени с конца V до середины III в. до н. э.

Довольно обычные в богатых скифских курганах V—III вв. до н. э. изображения скифов на драгоценных изделиях из золота и серебра позволяют составить ясное представление о вооружении и одежде скифских воинов. Важные сведения по этому вопросу сообщают нам античные авторы, прежде всего Геродот. Обилие археологического материала во многом способствовало появлению специальных исследований почти по всем элементам скифского костюма. Имеется специальная работа А. П. Манцевич и по интересующему нас предмету [88]. Опираясь на большой фактический материал, она убедительно показала, что в Северном Причерноморье, Приднепровье и частично на Кубани в V—III вв. до н. э. господствовал особый тип широкого кожаного пояса с нашивными металлическими пластинами, которые располагались вертикально, накладываясь друг на друга [89]. Совершенно иную картину мы наблюдаем у племен, обитавших к востоку от Скифии. Несмотря на значительное число археологических памятников скифо-сар-

[84] М. И. Ростовцев. Античная и декоративная живопись..., табл. 85, *2*.

[85] К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 221—222; стр. 344, рис. 50, *6*.

[86] ГИМ, кл. 79/49а, № 42380—42382.

[87] А. А. Бобринский. Раскопки в Киевской губернии. ИАК, вып. 54, 1914, рис. 4.

[88] А. П. Манцевич. О скифских поясах. СА, VII, 1941.

[89] Там же, стр. 27.

матского времени, исследованных восточнее Дона, там до сих пор не обнаружено ни одного панцирного пояса, аналогичного скифским поясам. Вряд ли это объясняется случайным совпадением. Антропоморфные изображения, найденные в восточных районах России, позволяют сделать вывод о том, что на востоке была распространена совершенно другая конструкция пояса. Этот вывод хорошо подтверждается изображениями поясов у воинов на воронежском серебряном сосуде, найденном в «Частых Курганах» [90], у бронзовых человеческих фигурок из д. Сапогово Свердловской области [91], у лежащего воина на золотой бляхе из Сибири [92], наконец, у саков на золотой пластинке из Аму-Дарьинского клада [93] и на рельефах Персеполя [94]. Изучение поясов всех видов не входит в задачу данной статьи. Мы ограничимся анализом поясов лишь из двух районов — Среднего Дона и Прикамья, которые представляют большой интерес как центры происхождения двух больших групп зооморфных застежек. В богатых погребениях этих областей наряду с простыми кожаными поясами неоднократно встречаются остатки бронзовых и серебряных поясных наборов в виде различного рода узорных бляшек. Наиболее распространенными среди них были двойные бронзовые бляшки в виде двух соединенных плоских кружков с ушком на обороте. Размеры их колеблются от 1,5 до 3 см. Пояс, украшенный такими бляшками, уже не мог играть роль защитного доспеха (как у скифов), а весь металлический набор служил скорее декоративным целям. Двойные бронзовые бляшки содержатся в большом количестве в инвентарях почти всех ананьинских могильников (Ананьинском, Зуевском и Котловском) [95]. Встречаются они, хотя и в меньшем количестве, среди воронежских древностей [96]. Кроме двойных бронзовых, употреблялось много бляшек других разновидностей: в виде зигзагообразных пластинок с ушком на обороте, в виде тройных плоских кружков и др. Как же производилось скрепление поясов подобного типа? Находки двух-трех бронзовых прорезных наконечников для ремня на территории Прикамья [97] и нескольких железных круглых пряжек с иглой в воронежских курганах [98] позволяют хотя бы частично ответить на данный вопрос. Однако, на наш взгляд, для этой цели употреблялись главным образом зооморфные металлические крючки, основная масса которых совсем не случайно обнаружена именно на территории Среднего Дона и в Прикамье. Связь таких крючков с определенным типом пояса прослеживается в ряде случаев довольно отчетливо. Так, например, в кургане 10 группы «Частых Курганов» на тазовых костях погребенного были обнаружены бронзовые бляшки поясного набора и бронзовый крючок с изображением «фантастического» зверя [99]. В кургане у с. Мастюгино во время археологических исследований 1961 г. был найден бронзовый поясной крючок с изображением птицы. Но его оборотной стороне благодаря действию медных окислов сохранились остатки закругленного конца кожаного пояса шириной 3—4 см [100]. В Ананьинском могильнике в погребении IX—XI среди двойных бронзовых бляшек от поясного набора находился бронзовый крючок с головкой лося на конце [101]. К сожалению, основная масса крючков происходит из потревоженных погребений или случайных находок, так что трудно установить их первоначальное положение при костяке. Однако в двух случаях, когда крючки были зафиксированы in situ, они находились на тазовых костях погребенного [102]. Использование зооморфных крючков в качестве поясных застежек подтверждается также одним интересным антропоморфным изображением. Речь идет о бронзовой человеческой фигурке из Ордоса, хранящейся ныне в Королевском музее г. Торонто (Канада) [103]. На поясе фигурки изображена пряжка-крючок, помещенная таким образом, что широкий ее конец находит-

---

[90] М. И. Ростовцев. Воронежский серебряный сосуд, табл. I—II.

[91] Путеводитель по выставке первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Л., 1955, табл. 16.

[92] М. П. Грязнов. Древнее искусство Алтая. Альбом. Л., 1958, стр. 1.

[93] И. Толстой, Н. Кондаков. Указ. соч., стр. 50, рис. 35.

[94] E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. London — New York, 1941, pl. 79.

[95] Музей антропологии МГУ, кол. 130, 134, 135; ГИМ, кл. 81/236, № 39050, 36495; Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1889 г. Материалы ГАИМК, вып. 2. Л., 1933, табл. IV, *10*, *13*.

[96] Курган 2 у с. Мастюгино (Н. Е. Макаренко. Указ. соч., стр. 63, рис. 59, *5*); курган 11 в урочище «Частые Курганы» (С. Н. Замятнин. Указ. соч., стр. 41); курганы 5, 14 у с. Русская Тростянка (П. Д. Либеров. Отчеты о работе Воронежской экспедиции за 1961, 1963 гг. Архив ИА АН СССР).

[97] I. Aspelin. Указ. соч., табл. 113, *463*, *467*.

[98] С. Н. Замятнин. Указ. соч., стр. 16, рис. 3; стр. 41, рис. 29.

[99] Там же, стр. 38, рис. 3, *7*.

[100] П. Д. Либеров. Отчет о работе Воронежской экспедиции в 1961 г. Архив ИА АН СССР.

[101] К. И. Невоструев. Ананьинский могильник. М., 1871, стр. 82, 84.

[102] Курган 10 группы «Частых курганов» и курган 32/32 у с. Мастюгино (раскопки 1961 г.).

[103] A. Salmoni. Sino-Siberian Art. Paris, 1933, pl. XVIII, *3*.

Рис. 17. Бронзовая статуэтка из Ордоса. Музей г. Торонто, Канада

ся на правой стороне пояса, а сам крючок скрепляется с другим концом кожаного пояса. Отчетливо видно, что крючок прикрепляется к особой петле с левой стороны пояса, цепляясь за нее снизу вверх. Статуэтка датируется А. Салмони самым началом III в. до н. э. (рис. 17) [104].

Использование зооморфных крючков для скрепления поясов не исключает и другого назначения крючков. Вполне возможно, что они применялись иногда в качестве застежек для одежды или для скрепления ремней портупеи. Так, в кургане 15/11 у с. Мастюгино (раскопки 1959 г.) железная застежка с изображением птицы лежала in situ, на правом плече костяка [105]. Под ней сохранились даже остатки кожаного ремня — скорее всего портупеи (хотя меча в могиле не обнаружено).

Возникает вопрос, можно ли по внешнему виду зооморфного крючка судить о его назначении? Оказывается, что в ряде случаев можно. Основанием для подобного вывода служит композиционное расположение зооморфных мотивов на каждом крючке. Нужно мысленно представить себе, в каком положении изображение зверя не будет выглядеть нелепым.

Возьмем, к примеру, группу застежек с изображением фигуры медведя. Медвежья фигура помещена в горизонтальном положении, тогда как стержень с головкой грифона на конце прикреплен почти перпендикулярно к спине зверя. Если предположить, что такая застежка использовалась в качестве поясной пряжки, то фигура медведя будет выглядеть довольно неестественно (вниз головой, ногами в сторону). Единственно возможный способ употребления этих застежек — для скрепления одежды или ремней портупеи (застежки оказывались при этом в вертикальном положении).

К числу застежек для одежды и портупеи относятся, возможно, крючки с изображением птиц (это подтверждается тем, что в кургане 15/11 у с. Мастюгино крючок с изображением птицы лежал на правом плече погребенного).

Не исключено, что в отдельных случаях зооморфные крючки, особенно второй сюжетной группы, могли использоваться для подвешивания к поясу горита. Но чаще всего для этой цели употреблялись простые железные крючки (пластинчатые и из железного дрота).

Таким образом, у племен, обитавших в скифскую эпоху в восточных районах Европейской части СССР, зооморфные металлические крючки имели самое разнообразное употребление.

---

[104] Там же, стр. 51.

[105] П. Д. Либеров. Отчет о работе Воронежского отряда в 1959 г. Архив ИА АН СССР.

В. И. Цалкин

ФАУНА ИЗ РАСКОПОК ГОРОДИЩ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА СРЕДНЕМ ДОНУ

В ранее опубликованных работах [1] мы уже имели случай коснуться некоторых результатов изучения костных остатков животных из раскопок городищ и курганов на Среднем Дону. Однако продолжавшиеся в последние годы раскопки тех же памятников дали новый интересный материал, размерами значительно превышающий ранее имевшийся в нашем распоряжении. Это обстоятельство позволяет вновь заняться изучением домашних животных и животноводства у племен скифского времени на Среднем Дону на новой и более широкой основе.

В настоящее время мы располагаем результатами изучения костных остатков животных из раскопок семи городищ, произведенных П. Д. Либеровым, и одного городища (Титчихинского), раскопанного А. Н. Москаленко. В общей сложности на этих восьми археологических памятниках удалось определить свыше 7 тыс. костей, причем минимальное количество особей, от которых они происходят, более 600.

Центральное место среди рассматриваемых памятников по обилию костных остатков занимает, несомненно, городище Большое Сторожевое. Из раскопок этого памятника было определено более половины исследованных нами костных остатков. Значительный материал дали также Кировское и Волошинское городища. Что же касается всех остальных, то мы располагаем немногими сотнями, а чаще всего десятками костей. Сведения о видовом составе костных остатков, найденных на отдельных городищах, приведены в табл. 1.

Состав костных остатков из раскопок рассматриваемых археологических памятников отличается значительным разнообразием: они принадлежат 15 видам млекопитающих, в числе которых 6 видов домашних и 9 — диких животных.

Хотя дикие животные по количеству обнаруженных видов явно преобладают над домашними, они представлены, однако, лишь небольшим числом костных остатков. На памятниках, из раскопок которых имеется наиболее значительный материал (городища Большое Сторожевое, Кировское и Волошинское), дикие животные образуют от 2 до 3,5% общего количества костей и примерно 11,5% минимального количества особей. Встречающийся в отдельных случаях более высокий процент диких животных, так же как и полное отсутствие последних, представляет явление случайное, определяющееся ограниченностью исследованного материала.

В среднем по всем восьми городищам Среднего Дона на долю диких видов приходится всего 2,2% общего количества костей и 11,1% минимального количества особей. Эти цифры наглядно свидетельствуют о весьма ограниченной роли охоты в экономической жизни местных племен. Они существенно отличались в этом отношении от племен более северных районов лесостепи, населявших в конце I тысячелетия до н. э. территорию современных Орловской и Курской областей, у которых охота была важной отраслью хозяйства. Но установленный малый процент диких животных на городищах Среднего Дона очень сближает эти памятники с городищами других племен

[1] В. И. Цалкин. Домашние животные Восточной Европы в раннем железном веке. Бюллетень Московского общества испытателей природы, отд. биологии, 1964, № 3; он же. Животноводство и охота у племен восточноевропейской лесостепи в раннем железном веке. МИА, № 135, 1966.

Таблица 1

Видовой состав костных остатков

Вид	Городища															
	Кировское		Большое Сторожевое		Волошинское		Стрелецкое		Русская Тростянка		Мостище		3 в урочище «Частые Курганы»		Титчихинское	
	кости	особи	кости	особи	кости	особи	кости	особи	кости	особи	кости	особи	кости	особи	кости	особи
Крупный рогатый скот	595	37	1640	93	423	30	12	1	164	9	1	1	65	7	19	2
Мелкий рогатый скот	151	31	343	47	78	18	—	—	16	5	1	1	11	4	4	1
Свинья	96	29	277	49	34	14	2	1	23	5	—	—	7	3	1	1
Лошадь	733	31	1478	53	591	31	13	1	274	9	6	2	11	4	13	1
Собака	22	7	11	11	10	5	—	—	—	—	1	1	—	—	2	1
Лось	7	5	24	8	9	5	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—
Благородный олень	—	—	8	3	—	—	—	—	2	1	—	—	—	—	—	—
Косуля	1	1	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кабан	23	8	30	12	28	7	3	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Медведь	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Лисица	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Барсук	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Бобр	6	2	11	7	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Заяц	—	—	2	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

восточноевропейской лесостепи, например племен скифского времени на Северном Донце, Правобережной Украине, Ворскле, в Среднем Поволжье, в Молдавии, у которых охота была второстепенным занятием, сильно уступающим в этом отношении животноводству.

Насколько позволяет судить имеющийся материал, основными охотничьими видами у населения Среднего Дона были кабан, лось и бобр. Все остальные виды, представленные незначительным количеством костных остатков, иногда даже единичными находками, добывались, видимо, гораздо реже. Почти 80% особей диких животных, найденных в исследованных нами материалах, принадлежат копытным (лось, благородный олень, косуля и кабан), так что охота имела преимущественно мясное направление.

Обратимся теперь к обзору домашних животных, которым принадлежит основная масса костных остатков из культурного слоя городищ Среднего Дона.

КРУПНЫЙ РОГАТЫЙ СКОТ

Крупный рогатый скот относится к числу видов, остатки которых очень многочисленны на рассматриваемых городищах, и уступает в этом отношении только лошади. Примерно около 30% определенных костей приходится на долю именно этого вида. В общей сложности было определено и исследовано более 2900 костей крупного рогатого скота, происходящих минимально от 180 особей (табл. 1).

При изучении всего этого обширного материала обращает на себя внимание обилие остатков молодых животных. На это указывает как состояние системы коренных зубов у обнаруженных экземпляров верхних и нижних челюстей, так и часто встречающиеся кости конечностей, еще свободные от тех или иных эпифизов. Интересующее нас явление можно иллюстрировать несколькими конкретными примерами.

Так, в частности, у 65 изученных нижних челюстей было установлено следующее состояние коренных зубов:

M_1 отсутствует (возраст до 5—6 месяцев) . . . . . 4 экз., или 6%

M_1 прорезался — M_2 отсутствует (возраст от 5—6 до 15—18 месяцев) 11 экз., или 18%

M_2 прорезался — M_3 отсутствует (возраст от 15—18 до 24—28 месяцев) 11 экз., или 18%

M_3 прорезался (возраст старше 24—28 месяцев) . . . . . 39 экз., или 58%

Мы можем констатировать, таким образом, что более 40% всех нижних челюстей принадлежало молодым животным, примерно до двухлетнего возраста.

К аналогичному заключению приводит и изучение некоторых костей конечностей: из 64 пригодных для исследования пяточных костей 48 экземпляров, или 75%, оказались еще свободными от tuber calcanei. Поскольку этот пос-

ледний срастается, как известно, с телом кости в возрасте около трех лет, представляется очевидным, что основная масса пяточных костей крупного рогатого скота происходит от животных, еще не достигших трехлетнего возраста.

Несомненно, таким образом, что большинство костей крупного рогатого скота, встречающихся в культурном слое городищ Среднего Дона, принадлежит молодым особям, использованным в пищу в возрасте до двух-трех лет. Этот факт представляется нам конкретным указанием, что крупный рогатый скот племен Среднего Дона разводили для добывания мясной пищи.

Как обычно, когда приходится иметь дело с остатками животных, мясо которых было использовано в пищу, кости крупного рогатого скота из городищ Среднего Дона характеризуются плохой сохранностью. Это обстоятельство весьма затрудняет изучение морфологических особенностей скота и прежде всего его краниологической структуры, поскольку черепа животных в силу ряда причин подвергаются особенно сильному разрушению и представлены лишь небольшими фрагментами.

В этих условиях стремление установить хотя бы самые элементарные краниологические особенности древнего скота заставляет обратиться к рассмотрению состава костных его остатков.

Хотя серии костей крупного рогатого скота, которыми мы располагаем из раскопок ряда городищ, довольно обширны, при изучении их обращает на себя внимание наблюдающаяся в них малочисленность костных стержней рогов. Представление об этом дают приводимые ниже данные:

Городища	Количество костей крупного рогатого скота	% костных стержней рогов
Большое Сторожевое . . .	1640	—
Кировское	595	0,67
Волошинское	423	0,95
Русская Тростянка	164	0,61
3 в урочище «Частые Курганы»	65	—
Титчихинское	19	—
Стрелецкое	12	—
Мостище	1	—

Мы видим, что при раскопках большинства городищ костные стержни рогов не были обнаружены вовсе. Характерно, что это относится не только к городищам, раскопки которых дали вообще лишь незначительное количество костей скота, но и к наиболее крупному из них — городищу Большое Сторожевое. Костные стержни рогов были встречены в сериях из раскопок трех городищ, но предствлены они в них лишь незначительным процентом экземпляров (от 0,61% в Русской Тростянке до 0,95% в Волошинском).

В общем итоге из 2919 костей крупного рогатого скота, которые определены в настоящее время из раскопок городищ Среднего Дона, костных стержней рогов оказалось всего девять экземпляров, или 0,31%. Поскольку исследованный нами материал достаточно велик, решительно нет оснований считать это явление случайным.

Нет сомнения, что процент костных стержней рогов, обнаруживаемый при изучении обширных серий костей из раскопок, находится в зависимости от того, имеем ли мы дело с рогатой или комолой популяцией животных. В первом случае процент стержней рогов должен быть более высок, чем во втором, когда костные остатки происходят от животных, у которых большинство или по крайней мере очень значительная часть особей вообще лишена этих элементов скелета. Так, например, установлено, что в остатках скота из раскопок античных городов, городищ и поселений местных племен в Северном Причерноморье, отличавшегося, как известно, комолостью, костные стержни рогов составляют всего лишь 0,34%. Невелик процент их и в сериях из раскопок памятников скифского времени в лесостепной части Украины (0,55%), где в ту эпоху население также разводило, видимо, комолый скот. Но среди костных остатков скота, среди которого комолость сколько-нибудь широкого распространения не имела, костные стержни рогов образуют значительно более высокий процент (например, в остатках скота из городищ дьяковской культуры — 1,27%, из памятников древней Руси — 1,35% и т. д.).

Если мы вспомним, что у скота из раскопок городищ на Среднем Дону костные стержни рогов составляют всего 0,31% от общего количества костей, то станет совершенно очевидным практически полное сходство между ним и скотом из Северного Причерноморья. Поэтому есть достаточно оснований считать, что население скифского времени на Среднем Дону разводило комолый скот, не отличаясь в этом отношении от других современных ему племен восточноевропейской лесостепи и степи.

Нам остается еще рассмотреть некоторые наиболее интересные находки костей крупного рогатого скота. К ним принадлежат, в частности, немногие экземпляры костных стержней рогов, встреченные в культурном слое городищ на Среднем Дону и оказавшиеся пригодными для измерений (табл. 2). Четыре из них (1—4) обнаружены при раскопках

Таблица 2

Измерения костных стержней рогов

Признак	1 (бык)	2 (корова)	3 (бык ?)	4 (бык)	5 (корова)
Длина по большой кривизне, мм . . .	280	220	—	—	—
Обхват у основания, мм	210	155	190	210	170
Большой диаметр у основания, мм . .	76	55	64	76	61
Малый диаметр у основания, мм . . .	58	41	54	58	47
Индекс массивности, %	75,0	70,5	—	—	—
Индекс уплощенности, %	76,3	74,5	84,4	76,3	77,0

Кировского городища и один — на Волошинском городище.

Из Кировского городища мы располагаем двумя хорошо сохранившимися экземплярами костных стержней рогов. Один из них (1), длиной по большой кривизне достигающий 280 мм, отличается значительными размерами обхвата у основания, что заставляет рассматривать его как происходящий от быка. В строении упомянутого экземпляра обращают на себя внимание сравнительно слабая скрученность вокруг продольной оси и легкие спирально проходящие борозды, достаточно хорошо заметные на поверхности кости; жемчужный венчик у основания отсутствует. По-видимому, той же особи принадлежит экземпляр 4, представленный лишь фрагментом проксимального отдела. Другой хорошо сохранившийся экземпляр (2) отличается меньшей длиной по большой кривизне и особенно сильно уступает предшествующему в размерах обхвата у основания, как это обычно свойственно рассматриваемым костям коров; это отражается и на индексе массивности, величина которого у экземпляра 2 значительно меньше, чем у стержня 1. Скручивание вокруг продольной оси выражено еще слабее. Спиральные борозды на поверхности отсутствуют, хотя экземпляр принадлежит взрослому животному. Трудно сказать что-нибудь определенное об экземпляре 3. Этот довольно значительный фрагмент стержня рога обнаруживает значительные размеры обхвата у основания, лишь немного уступая в этом отношении стержню 1; костная ткань у него пористая в гораздо более сильной степени, чем у остальных. Видимо, он происходит от быка, но еще довольно молодого. Насколько позволяет судить имеющийся костный материал, встречавшиеся на Среднем Дону среди скота рогатые особи отличались довольно значительной длинноротостью.

Несомненный интерес представляют также серии хорошо сохранившихся метаподий, найденных в культурном слое городищ Большое Сторожевое, Кировское, Волошинское и Титчихинское (табл. 3). Изучение их не только открывает возможность конкретно представить рост животных, но и позволяет судить о составе популяций древнего скота.

Анализ общих размеров имеющихся целых пястных и плюсневых костей, абсолютных и относительных размеров ширины их эпифизов и диафизов устанавливает, что в большинстве случаев они принадлежат коровам. Пясть 1 и плюсна 10 из городища Большое Сторожевое, а также пясть 5 из Кировского городища, отличающиеся большой массивностью, должны рассматриваться как принадлежавшие быкам. Своеобразна пясть 8 из раскопок Титчихинского городища. Она значительно превосходит по общим размерам другие одноименные кости из городищ Среднего Дона. Вместе с тем по относительной ширине эпифизов и диафиза она превосходит пясти коров, но заметно уступает костям быков. Подобное сочетание признаков характеризует обычно кастратов и дает основание рассматривать пясть из Титчихинского городища как происходящую из вола.

Если мы попытаемся использовать те скромные возможности, которые сейчас имеются, для установления количественных соотношений между животными разного пола в популяции крупного рогатого скота у племен Среднего Дона и сравним полученные результаты с аналогичными данными по другим популяциям скота скифского времени, то перед нами возникнет весьма интересная картина (табл. 4).

Характерной особенностью состава скота у племен Среднего Дона в сравнении с Северным Причерноморьем и лесостепной частью Украины представляется весьма незначительное количество волов — примерно в три раза меньшее, чем в стадах, распространенных южнее археологических культур скифского времени. В то же время состав стада на Среднем Дону оказывается совершенно сходным с тем, который обнаружен в лесной полосе у населения городищ дьяковской культуры.

Установленное сходство состава стада крупного рогатого скота на Среднем Дону и у племен дьяковской культуры, занимавшихся мотыжным земледелием, вряд ли случайно. Есть основания рассматривать этот факт как отражение сходства в использовании скота упомянутыми племенами. По-видимому, земледелие на Среднем Дону было в скифское время еще

Таблица 3

Измерения метаподий крупного рогатого скота

Городище	Название и № кости	Общая длина, мм	Ширина верхнего конца, мм	Ширина нижнего конца, мм	Ширина диафиза, мм	Индекс ширины верхнего конца, %	Индекс ширины нижнего конца, %	Индекс ширины диафиза, %	Пол
Большое Сторожевое . .	Пясть 1	179	61	61	37,5	34,1	34,1	20,9	Бык
Там же	» 2	177	—	55,5	29	—	31,1	16,4	Корова
» »	» 3	184	60	60,5	32,5	32,6	32,9	17,7	»
Кировское	» 4	197	62,5	65	33,5	31,7	33,0	17,0	»
Там же	» 5	182	60	64,5	36,5	32,9	35,4	20,1	Бык
» »	» 6	191	57,5	66,5	32,5	30,1	34,8	17,0	Корова
Волошинское	» 7	170	49,5	—	27	29,1	—	15,9	»
Титчихинское	» 8	203	67	68	37	33,0	33,5	18,2	Вол
Большое Сторожевое . .	Плюсна 9	202	46	51,5	24	22,8	25,5	11,9	Корова
Там же	» 10	211	—	61	23,5	—	28,9	13,7	Бык
Кировское	» 11	200	46,5	57,5	25,5	23,2	28,8	12,8	Корова
Там же	» 12	211	47	57	25,5	22,3	27,0	12,1	»
» »	» 13	189	41	47,5	22	21,7	25,1	11,6	»
» »	» 14	197	44,5	53,5	24,5	22,6	27,2	12,9	»
Волошинское	» 15	206	41,5	47,5	21,5	20,1	23,1	10,4	»
Там же	» 16	201	50	53	25	24,9	28,9	12,4	»
» »	» 17	203	495	—	27	23,8	—	13,0	»

мотыжным, что естественным образом ограничивало потребность населения в рабочих животных. Скот разводился всеми этими племенами мотыжного земледелия почти исключительно для мясных целей (что не исключает, разумеется, также молочного его использования). Подобное заключение полностью соответствует результатам изучения возрастного состава использованных в пищу животных, приведенным в начале статьи.

Остается дополнить сведения о крупном рогатом скоте на Среднем Дону данными, касающимися роста животных. Определение его производилось при помощи разработанных нами[2]

Таблица 4

Состав популяций крупного рогатого скота, %

Территории	Коровы	Быки	Волы	Всего
Северное Причерноморье .	75,2	7,9	16,9	100,0
Лесостепная часть Украины	75,7	5,7	18,6	100,0
Средний Дон	76,5	17,5	6,0	100,0
Дьяковская культура . . .	76,2	18,2	6,0	100,0

[2] В. И. Цалкин. Изменчивость метаподий и ее значение для изучения крупного рогатого скота древности. Бюллетень Московского общества испытателей природы, отд. биологии, 1960, № 1.

коэффициентов и дало следующие результаты. Высота в холке у коров могла, по-видимому, варьировать от 101 (определена по плюсне 13 из Кировского городища) до 118 см (определена по пясти 4 из того же городища), в среднем составляя около 109 см. Для определения роста в холке у быков в нашем распоряжении имеются только три экземпляра метаподий. Вычисляя на их основании высоту в холке, мы устанавливаем, что она могла быть у быков в пределах 112—118 см, в среднем около 115 см. Что же касается вола, представленного единственным экземпляром пясти, то рост его в холке был, вероятно, около 124 см.

Подобные же результаты были получены нами и при изучении роста скота из раскопок многих других археологических памятников скифского времени. Они свидетельствуют о значительной однородности средних размеров роста животных в различных частях Восточной Европы — от Северного Причерноморья на юге вплоть до бассейна Оки и Верхней Волги на севере.

Подводя итоги обзору костных остатков крупного рогатого скота, мы можем констатировать следующее:

1. Население Среднего Дона в скифское время, подобно другим племенам лесостепной и степной полосы Восточной Европы, разводило комолую породу скота.

2. Использование скота имело преимущественно мясное направление; в качестве рабочих животных для земледелия население Среднего Дона скотом, видимо, не пользовалось, хотя кастрация быков была уже известна.

МЕЛКИЙ РОГАТЫЙ СКОТ

Костные остатки овец и коз встречены в культурном слое всех городищ Среднего Дона. Единственным исключением является Стрелецкое городище, но это, несомненно, объясняется малочисленностью материала из раскопок упомянутого памятника. Тем не менее по количеству костных остатков овцы и козы сильно уступают крупному рогатому скоту. В общей сложности из всех восьми городищ было определено всего 604 кости, происходящие минимально от 107 особей. Более половины всех имеющихся в нашем распоряжении костей мелкого рогатого скота получено из раскопок Кировского городища.

Весьма значительная часть костных остатков принадлежит молодым животным, на что указывает обилие костей конечностей с еще не сросшимися эпифизами и челюстей с еще не завершенным развитием системы коренных зубов. Так, например, на основании анализа 66 имеющихся экземпляров нижних челюстей овец и коз возраст использованных в пищу животных представляется в следующем виде:

M_1 отсутствует (возраст до 3 месяцев) . . . . . 1 экз., или 1,5%
M_1 прорезался — M_2 отсутствует (возраст от 3 до 9—12 месяцев) . . 11 экз., или 16,7%
M_2 прорезался — M_3 отсутствует (возраст от 9—12 до 18—24 месяцев) 15 экз., или 22,7%
M_3 прорезался (возраст старше 18—24 месяцев) . . . . . 39 экз., или 59,1%

Приведенные цифры во многом напоминают цифры, полученные при изучении нижних челюстей крупного рогатого скота. В обоих случаях не может вызывать сомнения широкое использование в пищу молодых особей. Следует при этом иметь в виду и то обстоятельство, что челюсти молодых особей, еще очень хрупкие, сохраняются в культурном слое особенно плохо, а к тому же часто сильно повреждаются в самом процессе раскопок. Вероятно, фактически количество их значительно больше, чем удается констатировать при изучении костных остатков.

Сохранность костей овец и коз в материале из памятников Среднего Дона очень плоха, что является обычным результатом использования мяса животных в пищу, тем более в молодом возрасте. Поэтому возможность остеометрической характеристики обоих этих видов крайне мала, и мы ограничимся лишь немногими замечаниями.

Из 12 фрагментов костных стержней рогов, которые были встречены в исследованных костных остатках, 9 экземпляров, или 75%, принадлежали козам (2 самцам и 7 самкам). Стержней рогов овец оказалось всего три, причем все принадлежали самцам. Самки местных овец были, видимо, комолыми, и это подтверждается также найденным в Кировском городище фрагментом лобной кости.

Однако при изучении более многочисленных костей конечностей, поддающихся видовому определению, выясняется, что бóльшая часть их (около 70%) принадлежит овцам. Последние, вероятно, на Среднем Дону численно преобладали над козами.

Мы уже имели случай отметить [3] относительно крупные размеры овец, разводившихся в скифское время племенами, обитавшие в лесостепи. Это наблюдение подтверждается новой интересной находкой хорошо сохранившейся пястной кости в остатках из раскопок городища Большое Сторожевое. О ее размерах дают представление приводимые ниже цифры (в мм):

Общая длина кости	143
Ширина верхнего конца . . .	28
Ширина нижнего конца . . .	27,5
Ширина диафиза наименьшая	14,8

Поскольку можно судить на основании установленных соотношений между длиной пястных костей и высотой в холке у овец [4], рассматриваемая кость могла принадлежать животному ростом около 70 см. Такие крупные овцы вовсе не встречались в скифское время в лесной полосе Восточной Европы, были сравнительно редки в Северном Причерноморье, но довольно обычны в лесостепи.

СВИНЬЯ

Хотя кости свиней найдены в остатках из раскопок всех городищ Среднего Дона (за исключением городища Мостище), они немногочисленны. В количественном отношении рассматриваемому виду принадлежит среди сельскохозяйственных животных последнее место. Количество исследованного материала по этому виду ограничивается 440 костями, происходящими минимально от 102 особей. Бóльшая

[3] В. И. Цалкин. Животноводство и охота у племен восточноевропейской лесостепи в раннем железном веке.

[4] В. И. Цалкин. Изменчивость метаподий у овец. Бюллетень Московского общества испытателей природы, отд. биологии, 1961, № 5.

часть их найдена в городище Большое Сторожевое, отчасти — в Кировском городище; находки же в остальных памятниках обычно не превышают нескольких десятков костей.

Если при рассмотрении остатков крупного и мелкого рогатого скота нам приходилось констатировать обилие костей молодых животных, то в еще большей степени это относится к костным остаткам свиней. Приведем результаты определения возраста животных по состоянию коренных зубов в найденных нижних челюстях:

M_1 отсутствует (возраст до 6 месяцев)	2 экз., или 3,1%
M_1 прорезался — M_2 отсутствует (возраст от 6 до 12 месяцев)	14 экз., или 21,5%
M_2 прорезался — M_3 отсутствует (возраст от 12 до 20 месяцев) . . .	26 экз., или 40,0%
M_3 прорезался (возраст старше 20 месяцев)	23 экз., или 35,4%

Мы видим, что только около трети животных, которым принадлежали рассматриваемые челюсти, достигало возраста старше полутора лет, все остальные были использованы в пищу в более раннем возрасте. Характерно, что из 13 пяточных костей, найденных в городищах Среднего Дона, 11 экземпляров, или около 85%, оказались еще свободными от tuber calcanei. Срастание последнего с телом кости происходит у свиней в возрасте 24—30 месяцев, и, таким образом, видимо, лишь немногие животные доживали до более старшего возраста. Подобное же положение наблюдается, впрочем, на очень многих археологических памятниках всех времен и на разных территориях и, конечно, находится в непосредственной связи с тем, что свинья повсеместно является животным, разводимым только для получения мяса.

В силу немногочисленности и плохой сохранности костных остатков свиней из раскопок городищ на Среднем Дону возможность остеометрической характеристики их крайне ограничена. По-видимому, подобно свиньям из других памятников скифского времени в лесостепной полосе, изучаемые нами животные несколько уступали по размерам лесным, но заметно превосходили к этом отношении степных.

ЛОШАДЬ

По количеству костных остатков, встречающихся в культурном слое городищ Среднего Дона, лошади принадлежит первое место среди сельскохозяйственных животных. Остатки лошадей найдены во всех изученных памятниках. В материале из раскопок некоторых городищ (например, Большое Сторожевое, Кировское, Волошинское, Русская Тростянка) лошадь представлена крупными сериями костей. Всего было определено 3119 экземпляров, происходящих минимально от 137 особей.

Как и в ранее рассмотренных случаях, среди костных остатков лошадей наблюдается значительное количество костей молодых животных. К сожалению, сохранившихся верхних и нижних челюстей, которые позволили бы дать на основе анализа состояния коренных зубов картину возрастного состава животных, использованных в пищу, мало. Однако ряд других признаков скелета не оставляет сомнения, что использование в пищу молодых животных было широко распространено. В частности, из 50 имеющихся экземпляров пяточных костей 33, или 66%, лишены tuber calcanei и, следовательно, происходят из особей, еще не достигших трехлетнего возраста. Не составляют редкости метаподии, свободные от нижних эпифизов, и первые фаланги конечностей без верхнего эпифиза, т. е. принадлежащие особям до 12—15 месяцев. Вместе с тем попадаются остатки если еще и не старых животных, то во всяком случае имевших уже вполне зрелый возраст. В частности, серия фрагментов нижних челюстей из раскопок Кировского городища с хорошо сохранившимися аркадами резцов позволяет установить, что они принадлежали лошадям в возрасте от 2,5 до 12 лет. Возможно, что один экземпляр из городища Русская Тростянка мог принадлежать животному в возрасте 15 лет.

Следует остановиться еще на одном любопытном наблюдении. Из 18 имеющихся в нашем распоряжении фрагментов передних отделов верхних и нижних челюстей 14 имеют клыки и только 4 лишены их. Как известно, клыки имеются у жеребцов и обычно отсутствуют у кобыл. Если основываться на этих данных, то следует признать, что основную массу (около 80%) лошадей, использованных в пищу, составляли жеребцы, а кобылы — лишь 20%. По-видимому, кобыл сохраняли для воспроизводства поголовья и избегали использовать на мясо.

Сохранность костей лошадей довольно плохая, как и у крупного рогатого скота. Огромное большинство длинных трубчатых костей конечностей разрушено в области диафиза. Однако были обнаружены все же девять хорошо сохранившихся пястных костей и две плюсны. Поскольку кости эти имеют весьма существенное значение для изучения древних лошадей, мы приводим их измерения в табл. 5.

Обращает на себя внимание широкий диапазон изменчивости длины пястных костей, которая колеблется в пределах от 192—193 (экземпляры из городищ Волошинское и Большое Сторожевое) до 238 мм (из Волошинского городища). Существенно, однако, что минимальные и максимальные размеры длины пястных

Таблица 5

Измерения метаподий лошади

Городище	Название и № кости	Общая длина, мм	Ширина верхнего конца, мм	Ширина нижнего конца, мм	Ширина диафиза, мм	Индекс ширины верхнего конца, %	Индекс ширины нижнего конца, %	Индекс ширины диафиза, %
Волошинское	Пясть 1	238	51,5	51,5	35,5	21,7	21,7	14,9
Там же	» 2	193	—	45	30,5	—	23,3	15,9
Кировское	» 3	215	47,5	47,5	30	22,1	22,1	13,9
Там же	» 4	216	46,5	48,5	34	21,1	22,4	15,3
» »	» 5	209	45	47	32,5	21,5	22,5	15,5
Большое Сторожевое	» 6	224	51	51,5	33,5	22,7	23,0	15,0
Там же	» 7	192	43	43	28	22,4	22,4	14,6
Русская Тростянка	» 8	211	51,5	50,5	35	24,4	23,9	16,6
Кировское	Плюсна 9	266	—	49,5	30,5	—	18,6	11,5
Русская Тростянка	» 10	266	—	49	32	—	18,4	12,0
Там же	» 11	246	45,5	44,5	—	18,5	18,1	—

костей встречены в остатках из раскопок одного городища, что позволяет рассматривать их как проявление индивидуальной изменчивости.

Наряду с различиями в общих размерах отчетливо выражены также различия в строении пястных костей. Так, например, у кости 3 из Кировского городища ширина диафиза всего 13,9% общей длины, что свойственно тонконогим лошадям. С другой стороны, у кости 8 из городища Русская Тростянка относительная ширина диафиза 16,6%, достигая нижних пределов изменчивости этих костей у полутолстоногих лошадей. Различия, как видим, очень существенны. Что же касается большинства найденных экземпляров, то они характеризуются шириной диафиза в пределах 14,5—15,5% общей длины и происходят от полутонконогих лошадей.

Отмеченные различия в общих размерах метаподий отражают серьезные различия в росте, существовавшие у лошадей на Среднем Дону. Среди них были животные и очень мелкие (высота в холке лишь немного превышала 120 см), и сравнительно крупные (рост не менее 145 см). Пользуясь предложенной В. О. Виттом[5] схемой дифференциации субфоссильных лошадей на основании длины метаподий, мы получаем следующие результаты для популяции лошадей на Среднем Дону:

	Высота в холке, см	
Мелкие	120—128	2 экз., или 18,2%
Малорослые	128—136	5 экз., или 45,5%
Средние	136—144	3 экз., или 27,3%
Рослые	144—152	1 экз., или 9,0%

[5] В. О. Витт. Лошади Пазырыкских курганов. СА, XVI, 1956.

Насколько можно судить на основании изучения имеющейся лишь небольшой серии метаподий, почти две трети поголовья лошадей, разводившихся в скифское время на Среднем Дону, имело высоту в холке 128—144 см, т. е., иными словами, принадлежало к малорослым и средним. Средний рост у этих лошадей — около 134 см.

Все сказанное выше относительно костных остатков лошадей не представляет какой-либо специфической особенности городищ Среднего Дона. Те же размеры костей и тот же примерно рост в холке наблюдаются у лошадей из раскопок самых различных памятников лесостепной и степной полосы Восточной Европы.

Заканчивая на этом обзор остатков сельскохозяйственных животных, обратимся к вопросу о количественных соотношениях между этими видами, характеризующих состав стада у племен Среднего Дона. Наиболее важны, естественно, те памятники, раскопки которых дали большое количество остатков, т. е. городища Большое Сторожевое, Кировское и Волошинское.

Рассматривая количественные соотношения между видами сельскохозяйственных животных на памятниках Среднего Дона (табл. 6), легко заметить, что первое место принадлежит крупному рогатому скоту. Исключения редки и, как можно думать, случайны. В среднем крупный рогатый скот составлял, видимо, около трети общего поголовья сельскохозяйственных животных.

Видное место по количеству особей принадлежит лошади, которая была, несомненно, одним из важнейших объектов животноводства у племен Среднего Дона.

Таблица 6

Соотношения между видами сельскохозяйственных животных

Городища	Всего		В том числе особей, %			
	кости	особи	крупный рогатый скот	мелкий рогатый скот	свинья	лошадь
Большое Сторожевое	3738	247	37,7	19,0	19,8	23,5
Кировское	1575	128	28,9	24,2	22,7	24,2
Волошинское	1126	93	32,2	19,4	15,1	33,3
Русская Тростянка .	477	28	32,2	27,8	17,8	32,2
3 в урочище «Частые Курганы» . .	95	18	38,9	22,2	16,7	22,2
Титчихинское . . .	37	5	40,0	20,0	20,0	20,0
Стрелецкое	27	3	33,4	—	33,3	33,3
Мостище	8	4	25,0	25,0	—	50,0
Всего . . .	7082	526	34,2	20,4	19,4	26,0

Что же касается мелкого рогатого скота и свиней, то они заметно уступали обоим предшествующим видам и были представлены одинаковым процентом особей. Если мы учтем, что в сравнении с крупным рогатым скотом и лошадью размеры овец, коз и свиней были относительно невелики, то станет совершенно очевидным второстепенная роль, которую играли эти виды не только в составе стада, но и в мясном питании населения скифского времени на Среднем Дону.

Таблица 7

Соотношения между видами сельскохозяйственных животных по количеству особей в остатках из раскопок памятников скифского времени в различных частях лесостепи

Территории	Всего		В том числе особей, %			
	памятники	особи	крупный рогатый скот	мелкий рогатый скот	свинья	лошадь
Средний Дон	8	271	34,2	20,4	19,4	26,0
Орловско-Курская лесостепь	7	340	35,9	10,9	22,1	31,1
Среднее Поволжье .	2	197	35,0	9,7	19,3	36,0
Северный Донец . .	13	559	29,2	25,9	23,9	21,0
Правобережная Украина	11	578	32,0	25,5	20,6	21,9

Картину, во многих отношениях сходную, мы обнаруживаем и при изучении животноводства у других племен лесостепной полосы (табл. 7). Как показывают приведенные данные, количество крупного рогатого скота повсюду выражается довольно близкими цифрами. Процент особей его колеблется лишь в пределах от 29 до 36%, и значения этих различий, установленных на количественно неравноценном материале, преувеличивать, конечно, не следует. По-видимому, у всех рассматриваемых племен крупный рогатый скот составлял примерно треть общего поголовья сельскохозяйственных животных. Довольно стабильным (19—24%) представляется на основании наших данных и процент особей свиней. В животноводстве у всех рассматриваемых племен домашние свиньи образуют около 20% общего поголовья стада.

Гораздо более отчетливо намечаются локальные особенности животноводства по тому значению, которое имела в нем лошадь и, тем более, мелкий рогатый скот. Именно количество остатков мелкого рогатого скота колеблется в памятниках лесостепных племен Восточной Европы сильнее всего: если в городищах Среднего Поволжья и Орловско-Курской лесостепи мы находим 10—11% особей мелкого рогатого скота, то в памятниках Правобережной Украины и Северного Донца они достигают почти 26%. Характерно, что малому количеству овец и коз неизменно соответствует высокий процент лошадей. И, наоборот, в городищах, где количество лошадей относительно мало, процент особей мелкого рогатого скота возрастает в два или даже почти в три раза.

Рассматривая именно в подобном аспекте средние данные по составу стада сельскохозяйственных животных у племен Среднего Дона, мы легко обнаруживаем, что животноводство местных племен несет как бы промежуточные черты. Мелкого рогатого скота у них значительно больше, чем у населения Орловско-Курской лесостепи и Среднего Поволжья, но меньше, чем на Северном Донце и на Правобережной Украине. Лошадей же на Среднем Дону определенно меньше, чем на памятниках северных районов лесостепи и Среднего Поволжья, но больше, чем у племен, распространенных южнее. В целом же, пожалуй, животноводство на Среднем Дону оказывается более близким к тому, которое установлено у племен Северного Донца и Правобережной Украины.

Е. Н. Черных, Т. Б. Барцева

ИССЛЕДОВАНИЯ МЕТАЛЛИЧЕСКОГО ИНВЕНТАРЯ ИЗ МАТЕРИАЛОВ ВОРОНЕЖСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

За период 1960—1965 гг. во время работы Воронежской экспедиции в лабораторию спектрального анализа Института археологии АН СССР для исследования химического состава поступили разнообразные металлические материалы, добытые экспедицией при раскопках. Общее количество исследованных предметов достигло 45. Находки эти разновременны и разнохарактерны в отношении основы своего сплава. Из 45 предметов 43 относятся к погребальным памятникам и поселениям скифского времени IV—III вв. до н. э. Один нож добыт из погребения катакомбной культуры (ан. 1) [1], другой — из могилы, которую П. Д. Либеров относит к абашевской культуре (ан. 2).

Из 43 предметов, датируемых автором раскопок скифской эпохой, 26 изготовлены, как показал спектральный анализ, из сплавов на медной основе. К этой группе инвентаря относятся: пять наконечников стрел скифского типа (ан. 4—8), поддон (ан. 3), крючок (ан. 9), гидрия (ан. 10) из Мастюгина, наконечник стрелы (ан. 11), три бляшки (ан. 12—14) и неопределенная капля-сплеск (ан. 15) из Русской Тростянки, два котла (ан. 16, 17), три бляшки (ан. 18—20), две бусины-обоймочки (ан. 21, 22) из Дуровки, четыре обломка котла (ан. 23—26), слиточек (ан. 27) и спекшиеся куски меди (ан. 28) с Кировского городища.

Семь изделий изготовлены из сплавов, основой которого было серебро (табл. 1, ан. 29—35). К ним относятся две бляшки в виде стилизованных изображений медведей (ан. 29, 30) и ритон (ан. 31) из Дуровки, ритон (ан. 32) и три пряжки (ан. 33—35) из Мастюгина.

Наконец, десять предметов изготовлены из сложных сплавов. В некоторых из них роль основы играет золото, у других (в восьми случаях) концентрация серебра близка к 50%. Это относится к браслету (ан. 36), обкладке (ан. 37) и бляшке (ан. 45) из Дуровки.

Как видим, материал слишком мал, чтобы можно было сделать далеко идущие выводы в области технологии и особенно происхождения исследованной меди. Ограниченность материала усугубляется и тем, что металл скифского времени Восточной Европы практически не исследуется в современных спектральных лабораториях сколько-нибудь полно, чтобы иметь широкое полотно для сравнений. В распоряжении нашей лаборатории имеются крайне немногочисленные данные о составе скифского металла с единичных памятников. Все это заставляет нас ограничиться предварительной характеристикой химического состава металла памятников лесостепной зоны скифского времени. Интересно вместе с тем отметить, что гораздо больше мы можем сказать о металле ножей из погребений катакомбной и абашевской культур. Здесь сказывается значительно более полная изученность меди и ее сплавов памятников эпохи раннего металла Восточной Европы, Кавказа, Урала.

Нож, найденный в погребении 3 кургана 2 у д. Ильмень Воронежской области, отнесен П. Д. Либеровым к катакомбной культуре. Острое лезвие имеется лишь на самом конце ножа, черенок расклепан, средняя часть не имеет заостренных краев. Спектральный анализ показал, что нож изготовлен из мышьяковистой бронзы; концентрация мышьяка 2,3% (ан. 1). Мышьяк и прочие примеси (висмут, серебро, никель и др.), а также их концентрации позволяют

[1] Здесь и ниже при указании номера анализа см. табл. 1.

Спектральный анализ металлических предметов *

Таблица 1

Номер анализа	Шифр лаборатории	Название предметов	Памятник, местонахождение и шифр	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au	P
1	4551	Нож	Д. Ильмень — 65, кв. 2, п. 3	Осн.	0,0017	?	—	0,0006	0,01	—	2,3	0,03	0,018	—	0,006	—	—
2	4550	То же	Старая Тойда, кв. 132, п. VIII	Осн.	0,0025	0,007	—	0,002	0,003	0,009	0,37	0,23	0,009	—	—	>0,003	<0,1
3	2318	Поддон	Мастюгино — 62, кв. 34/39, яма 1	Осн.	6,50	7,00	—	0,0014	0,005	—	0,01	0,007	0,025	0,008	—	0,001—0,003	—
4	2321	Наконечник стрелы	Мастюгино — 62, кв. 16/36	Осн.	9,50	>20,0	—	0,009	0,04	0,06	0,3	0,35	0,02	0,03	—	0,001—0,003	—
5	2322	То же	То же	Осн.	12,0	>25,0	—	0,0035	0,035	0,025	0,13	0,02	0,25	0,03	—	—	—
6	2323	» »	» »	Осн.	10 0	>20,0	—	0,0045	0,035	0,03	0,22	0,01	0,025	0,025	—	0,001—0,003	?
7	2324	» »	» »	Осн.	11,0	1,6	—	0,08	0,012	0,025	1,3	0,18	0,023	0,01	—	0,001—0,003	—
8	3433	» »	Мастюгино — 61, кв. 22/5, мог. яма	Осн.	0,007	0,18	0,045	0,1	0,35	5,0	4,0	3,5	0,02	0,047	0,001—0,003	~0,001	—
9	3434	Крючок	Мастюгино — 61, кв. 47/30, мог. яма	Осн.	15,0	13,0	0,025	0,11	0,14	0,12	1,3	0,007	0,05	0,07	—	0,01—0,03	—
10	4875	Гидрия	Мастюгино — 60, кв. 29/21	Осн.	11,0	0,005	—	0,001	0,05	0,045	0,05	0,025	0,005	—	0,001	?	0,1
11	2320	Наконечник стрелы	Русская Тростянка — 61—62, кв. 9, центр. мог. яма	Осн.	11,0	>15,0	—	0,0015	0,005	0,018	0,22	0,001—0,003	0,011	0,009	—	0,001—0,003	?
12	2319	Бляшка	Там же	Осн.	~20,0	1,6	—	0,0009	0,003	0,011	0,15	0,08	0,012	0,017	—	0,001—0,003	—
13	3431	То же	Русская Тростянка — 61, кв. 5	Осн.	17,0	6,5	0,008	0,065	0,007	0,065	0,13	0,5	0,009	0,001—0,003	~0,001	<0,003	—
14	3432	» »	Русская Тростянка — 61, кв. 6	Осн.	18,0	11,0	0,016	0,09	0,028	0,16	0,4	0,32	0,02	0,006	~0,001	~0,003	—
15	3435	Капля	Русская Тростянка — 60, тр. 2/3, № 381	Осн.	0,26	1,8	—	—	0,024	0,045	0,14	0,001	0,012	—	—	—	—
16	3807	Котел	Дуровка — 64, кв. 4	Осн.	2,1	5,0	?	0,013	0,04	0,2	0,2	0,007	0,009	~0,003	—	>0,001	—
17	3808	То же	Там же	Осн.	0,08	0,9	—	0,015	0,09	0,045	0,03	—	0,007	—	—	0,003—0,01	—
18	4607	Бляшка в виде головы лошади	Дуровка — 65, кв. 9	Осн.	17,0	5,0	—	0,006	0,005	0,016	—	0,025	0,014	~0,004	0,1	>0,003	—
19	4608	Бляшка в виде головы зверя	Там же	Осн.	18,0	3,7	—	0,008	0,4	0,037	0,2	0,003	0,018	0,007	—	<0,01	—
20	4609	Бляшка в виде цветка	» »	Осн.	9,0	~20,0	—	0,008	0,006	0,014	0,09	0,004	0,007	0,04	—	>0,001	—
21	4610	Обоймочка в виде бусины	» »	Осн.	9,0	3,5	0,006	0,006	0,07	0,032	0,23	0,02	0,007	0,006	—	<0,01	—
22	4611	То же	» »	Осн.	12,0	3,5	0,007	0,006	0,01	0,055	0,35	0,005	0,007	0,005	0,008	<0,01	0,1

* Сокращения: Г-ще — городище; кв.— квадрат; р — раскоп; тр.— траншея; мог.— могильная; осн. — основа; сл.— следы; сл.сл.— слабые следы; п.— погребения; шт.— штык.

Таблица 1 (окончание)

Номер анализа	Шифр лаборатории	Название предметов	Памятник, месторахождение и шифр	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au	P
23	4552	Обломки котла	Г-ще Кировское — 65, р. II, кв. 4, шт. 2	Осн.	1,8	1,3	0,13	0,025	0,25	0,4	0,45	0,016	0,011	—	0,006	>0,003	~0,1
24	4553	Венчик котла	Г-ще Кировское — 65, р. II, кв. 6, шт. 3	Осн.	0,55	6,5	0,02	0,018	0,07	0,65	0,7	0,18	0,011	—	0,02	~0,001	—
25	4554	То же	Г-ще Кировское — 65, р. II, п/мат.	Осн.	0,6	2,5	—	0,0025	0,004	0,045	0,13	0,003	0,018	—	—	>0,003	—
26	4555	Обломок котла	Г-ще Кировское — 65, р. II, кв. 9, шт. 5	Осн.	—	2,5	—	0,002	0,03	0,06	0,06	0,003	0,015	—	?	~0,003	—
27	4876	Слиток	Г-ще Кировское — 61, р. I	Осн.	0,18	7,0	—	0,003	0,004	0,004	0,03	0,002	0,004	—	—	—	—
28	80/III	Спекшиеся куски меди	Г-ще Кировское — 65, р. II, кв. 5, шт. I	Осн.	1,5	20,0	?	0,005	0,05	0,6	0,5	0,25	0,0009	—	0,05	<0,01	Много
29	4605	Бляшка в виде стилизованного медведя	Дуровка — 65, кв. 9	~1,0	Мало	Мало	—	Есть	Осн.	—	—	—	?	—	—	Много	—
30	4606	То же	Дуровка — 65, кв. 9	~1,0	Мало	Мало	—	Есть	Осн.	—	—	—	?	—	—	Есть—много	—
31	3809	Ритон	Дуровка — 64, кв. 1	⩾1,0	Сл.	~1,0	—	Есть много	Осн.	—	—	—	—	—	Мало	Есть—много	—
32	3425	То же	Мастюгино — 60, кв. 29/21	Много	Мало—есть	Много	—	Много	Осн.	—	—	Есть	Сл.	—	?	Есть	—
33	3426	Пряжка-морда	Там же	Много	Сл.	Сл.	—	Есть	Осн.	—	—	0,001	—	—	—	Есть	—
34	3428	Пряжка	» »	Много	Есть	Много	—	Много	Осн.	—	—	Сл.	—	—	—	Есть	—
35	3430	Пряжка-медведь	» »	Много	Мало	Есть	—	Есть	Осн.	—	—	Мало	—	—	—	Есть	—
36	3427	Браслет	Мастюгино — 61, кв. 32/32	>1,0	0,001—0,003	<1,0	<0,01	<0,003	>50,0	—	—	0,003—0,01	>0,001	—	—	<50,0	—
37	3429	Обкладка	Там же	>1,0	~0,001	Много	<0,01	~0,01	>50,0	—	—	0,003—0,01	~0,001	—	—	<50,0	—
38	4874	Бляшка	Мастюгино — 60, кв. 11/16	Есть	?	Сл.	—	Сл.	~50,0	—	—	Мало	—	—	—	⩽50,0	—
39	3806	Бляха	Дуровка — 64, кв. 1	1—3	Очень мало	Мало	—	Мало	~50,0	—	—	Мало	—	—	—	~50,0	—
40	3841	Бляшка с оленем	Там же	Есть	?	Мало	—	—	Есть	—	—	Мало	—	—	—	Осн.	—
41	3842	Бляха-бантик	» »	Есть—много	—	Мало	—	—	<50,0	—	—	Сл.	—	—	—	>50,0	—
42	3843	Бляха вихревая	» »	Есть	Мало	Мало	—	—	Есть	—	—	Мало	—	—	—	Осн.	—
43	3844	Бляха прорезная	» »	<1,0	Мало	Есть	—	Есть	⩾50,0	—	—	Мало	—	—	—	⩽50,0	—
44	3845	Бляха с дырочками	» »	⩽1,0	Мало	Есть	—	Есть	⩾50,0	—	—	Мало	—	—	—	⩽50,0	—
45	3846	Кольцо в семь оборотов	Дуровка — 64, кв. 4	Есть	—	Мало	—	—	~50,0	—	—	Сл.	—	—	—	~50,0	—

уверенно отнести нож к «мышьяковистой» группе меди катакомбной культуры, выделенной нами ранее [2]. Эта группа преобладает в катакомбной культуре (97% всех изделий). Набор примесей в сплаве позволил определись эти вещи как импорт с Кавказа. Таким образом, нож из кургана близ д. Ильмень был изготовлен из кавказской мышьяковистой меди. Естественно, что место его изготовления указать трудно. Наличие собственной металлообработки у племен катакомбной культуры несомненно. Однако немало точных копий этому типу имеется и в синхронных памятниках северокавказской культуры, которая была передатчиком металла от Кавказа степному населению во II тысячелетии до н. э.

П. Д. Либеров считает, что комплекс из погребения 8 кургана 132 у ст. Тойда относится к абашевской культуре. В этом погребении найден нож с характерным ромбическим концом черенка. Такие черенки довольно часто на ножах сочетаются с намечающимся перекрестием, но на этом ноже такого перекрестия нет. Частичные аналогии ему можно указать в памятниках абашевской культуры Поволжья (Алгаши) и Башкирии (Нижне-Чураевский могильник). Однако основные аналогии ножу находятся в памятниках срубной культуры и Сейминском могильнике. Это сопоставление подтверждается при рассмотрении химического состава ножа. Отлит он из меди с некоторым количеством примесей, главной из которых является мышьяк, но в низкой концентрации (всего 0,37%). Общий набор примесей свидетельствует о том, что медь, ножа соответствует группе металла, получившей у нас условный индекс ТК. Эта группа широко распространена преимущественно на памятниках баланбашской культуры Южного Урала и отчасти абашевской культуры Поволжья [3]. Изделия из мышьяковистой меди этой группы составляют также бо́льшую часть металлического инвентаря Турбинского могильника. Имеются единичные находки и в курганах срубной культуры. Рудное месторождение Таш-Казган, откуда происходит медь этой группы, находится в Южном Зауралье, в самых верховьях реки Уй [4].

26 изделий (ан. 2—28), изготовленных из разнообразных сплавов меди, отнесены П. Д. Либеровым к скифскому времени. Число анализов еще слишком мало, чтобы сделать хотя бы предположительные заключения об исходных рудных районах для исследованных нами изделий.

Поэтому мы остановимся лишь на характере сплавов, употреблявшихся в то время племенами Среднего Дона.

По категориям инвентарь разделяется на посуду (котлы и гидрия), украшения (бляшки, крючок), оружие (наконечники стрел). Некоторые анализы относятся к неопределенным предметам (капля, спекшиеся куски меди). Все изделия изготовлены из искусственных сплавов, в которых, как правило, присутствуют совместно олово и свинец (22 анализа).

Наконечники стрел, бляшки и крючок (ан. 9) образуют как бы единую по характеру сплава группу и изготовлены из высокооловянистой бронзы (6,5—20,0% олова) с постоянной и иногда очень высокой примесью свинца (1,6—25,0%). Поэтому правильнее будет назвать эту группу сплавов оловянно-свинцовистыми бронзами. Исключение из этой технологической схемы представляет состав металла наконечника стрелы из кургана 22/10 в Мастюгине (ан. 8). Здесь вместо свинца и олова добавлены мышьяк (4,0%) и сурьма (5,0%). Высокие содержания серебра (0,35%), висмута (0,1%), железа (3,5%), низкая концентрация олова (0,007%) заставляют рассматривать данное изделие особо.

Котлы изготовлены из несколько иных сплавов. В их составе концентрации искусственных примесей резко понижены. Олово зафиксировано от «не обнаружено» (ан. 26) до 2,1% (ан. 16), свинец — от 0,9 до 6,5%. Гидрия из Мастюгинских курганов четко отличается от котлов по характеру металла. Она изготовлена из высокооловянистой бронзы (11% олова) с крайне незначительной примесью свинца (0,005%), что подчеркивает ее чуждый для этих сплавов характер.

Анализ капли (ан. 15) показал близость ее металла по концентрациям олова и свинца к металлу котлов (рис. 1). Металл спекшихся кусков отличен от последних повышенным содержанием свинца (20%).

Различия между характером основных сплавов у наконечников стрел и мелких бляшек, с одной стороны, и у котлов — с другой, понятны. Олово придавало меди большую твердость, текучесть и легкоплавкость, свинец делал бронзу более вязкой, уменьшая хрупкость изделия. Для котла повышенная твердость и хрупкость были вредны. Поэтому древние литейщики обходились здесь без заметных примесей олова. Спектральное изучение металла гидрии следовало бы

---

[2] Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, стр. 130—133, табл. XI.

[3] Е. Н. Черных. О металле абашевской культуры. Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1964.

[4] Е. И. Черных. Обследование древних рудников Южного Урала. Сб. Археологические открытия 1967 года. М., 1968.

дополнить металлографическим для выяснения способов изготовления этого изделия.

Возможностей для сравнения изучаемых изделий с изделиями из одновременных памятников Восточной Европы, как мы уже писали, у нас чрезвычайно мало. Мы знаем лишь находки из сарматских памятников Оренбургской области (Мечет-Сай, хутор Барышников, Новый Кумак, раскопки К. Ф. Смирнова и М. Г. Мошковой). Кроме того, нами проанализировано 42 наконечника стрел из скифского кургана «Козел» Мелитопольской области, раскопанного в 1865 г. (хранятся в ГИМ, инв. № 54766). Несмотря на различия металла по общему набору примесей во всех этих изделиях, в них есть определенные и важные детали, позволяющие установить сходство между ними.

Сравнение мы проведем, однако, только по характеру сплавов наконечников стрел, так как данных о составе металла других вещей из собственно скифских памятников у нас нет. Из Оренбургских сарматских памятников происходят 30 исследованных нами наконечников стрел, из воронежских — 6. Различия между скифскими наконечниками стрел из кургана «Козел» и сарматскими хорошо заметны. Если все скифские стрелы изготовлены из оловянно-свинцовистых бронз, где олово и свинец достигают концентраций 20—25%, то среди сарматских наконечников мы знаем лишь один, который очень условно можно сближать со скифскими. Больше половины сарматских наконечников стрел отлито из меди без искусственных примесей. Более трети их изготовлено из сложных мышьяко-сурьмянистых сплавов и на медной основе.

Из шести наконечников стрел из курганов у сел Мастюгино и Русская Тростянка пять соответствуют скифской традиции, отмеченной нами на материалах кургана «Козел» (оловянно-свинцовистые бронзы), а один, отлитый из мышьяко-сурьмянистой бронзы,— сарматской. Конечно, это лишь предварительные наблюдения, основанные на крайне незначительном материале. Однако они представляют, по нашему мнению, определенный интерес.

Еще меньше можно сказать по поводу анализов серебряных и золотых вещей, поскольку проведен лишь качественный анализ металла, а сравнительного материала почти не имеется. Мы ограничимся поэтому их самой общей характеристикой. Изделий, где серебро отмечено в качестве основы, проанализировано всего семь (ан. 29—35). В исследованном серебре присутствуют примеси меди (в целых долях процента), олова (от следов до 1%), висмута и золота («есть» — «много», т.е. сотые — целые доли процента). Характерно постоянное отсутствие мышьяка, сурьмы и почти во всех случаях — никеля. Для меди, свинца и отчасти золота мы можем предполагать их частичный искусственный ввод в серебро исследованных изделий.

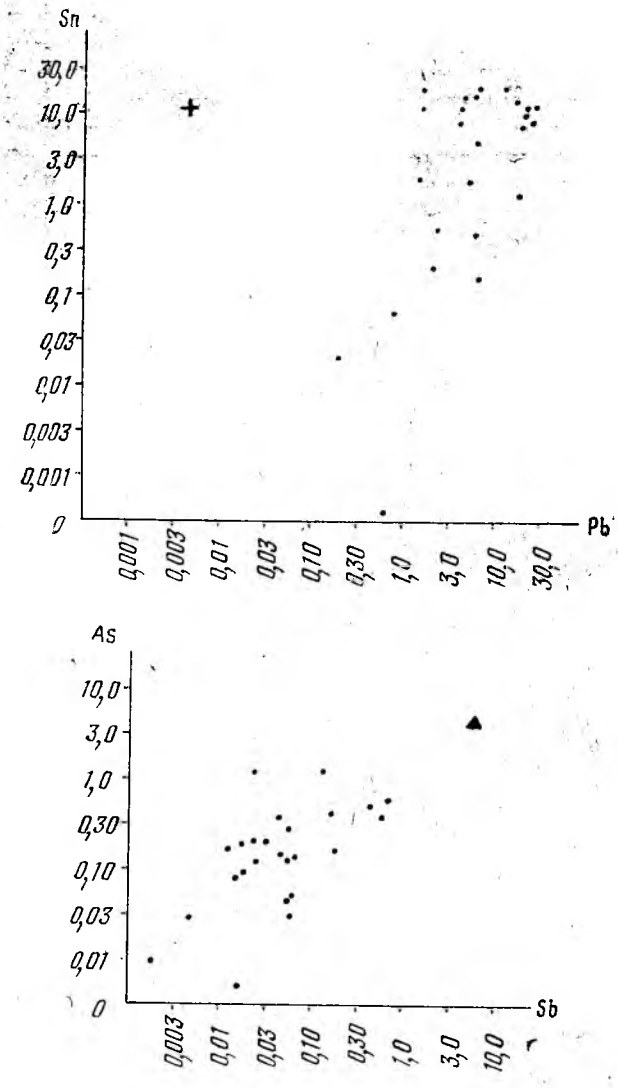


Рис. 1. Корреляция между концентрациями олова и свинца, мышьяка и сурьмы в сплавах скифского времени

Крестиком отмечено положение анализа металла гидрии (анализ 10), треугольником — наконечника стрелы (анализ 8)

Так называемых золотых предметов проанализировано десять (ан. 36—45). Однако только в двух случаях золото является бесспорной основой сплава (ан. 40, 42). В остальных восьми случаях примеси составляют больше половины сплава. Основная лигатура здесь серебро, концентрация которого часто приближается к 50%. При отсутствии в лаборатории надлежащих эталонов установить, однако, истинное содержа-

ние примесей в золоте и в серебре невозможно. Тем не менее наш анализ позволяет утверждать, что перед нами не чисто золотые предметы, а электрум, т. е. сплавы золота и серебра. Кроме того, в него постоянно вводилась в качестве примеси медь в концентрации до целых долей процента.

Основной набор примесей в золоте близок к тому, который указан нами для серебра, однако, как правило, он характеризуется заметно сниженной концентрацией: олово (от «не обнаружено» до тысячных долей), свинец (от тысячных до целых долей), висмут (от «не обнаружено» до «есть»), редко встречаются примеси цинка и никеля, отсутствуют примеси мышьяка и сурьмы (рис. 1).

Анализы показывают, что чисто золотые вещи применялись сравнительно редко. Золото сплавлялось обычно с большим количеством серебра и отчасти меди. Единственным условием такой лигатуры было, по-видимому, сохранить «золотой» цвет сплава.

Таковы довольно краткие комментарии к проанализированному материалу, которые можно сейчас сделать. К этому хотелось бы добавить, что наш опыт должен убедить читателя, что массовое спектральное изучение металла скифского времени необходимо. Только тогда смогут быть разрешены такие вопросы, как происхождение металла того времени, реальные металлургические связи отдельных культур, развитие металлургических знаний и навыков, ареалы металла различных горных центров и т. д.

Г. Н. Лисицына

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА РАСТИТЕЛЬНЫХ ОСТАТКОВ ИЗ КУРГАНОВ И ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Воронежская область расположена в зоне современной лесостепи. На значительной части ее, особенно в южных и юго-восточных районах, господствующая роль принадлежит степям, хотя в экстразональных условиях сохраняются значительные массивы лесов. В северных и северо-западных районах области леса встречаются гораздо чаще. Наиболее характерная лесная формация — широколиственные, преимущественно дубовые леса. Основная порода их — дуб черешчатый, с ним вместе произрастают ясень, липа, клен остролистный, ильм, вяз и берест.

Как отмечают ботаники, в настоящее время естественный растительный покров области сильно нарушен вмешательством человека. Особенно пострадали участки степей, которые почти сплошь распаханы. Леса меньше подверглись уничтожению, но на всех участках, где они были истреблены, на их месте появились вторичные березовые и осиновые заросли, в южных районах — исключительно осиновые. Сложные по флористическому составу широколиственные леса отмечены по рекам Осколу, Тихой Сосне, Хопру и Вороне, на границе между северными и южными степями [1].

Для голоцена лесостепной зоны, по данным спорово-пыльцевого анализа, выделяется два периода: ранний — степной с березово-сосновыми колками — и более поздний — период распространения широколиственных лесов. По-видимому, широколиственные леса в Воронежской области существуют очень давно, по крайней мере с IV—III тысячелетий до н. э. [2] Этот последний период без каких-либо существенных изменений продолжается вплоть до настоящего времени, но рассматривать его следует с учетом влияния антропогенового фактора. Те, хотя еще и немногочисленные, палеоботанические исследования, которые были проведены на территории лесостепной зоны, не отметили каких-либо существенных изменений климата и растительности на протяжении последних 5 тыс. лет.

В этой связи весьма интересны данные определения дерева и углей из курганных могильников и городищ Воронежской области эпохи бронзы и более поздних исторических этапов, полученные в палеоботанической лаборатории Института археологии АН СССР и суммированные в табл. 1 (всего 189 образцов).

Несмотря на то, что образцы на определение были взяты с различных в возрастном и территориальном отношении памятников, для них характерно следующее:

1. Все образцы, за исключением трех, о которых будет сказано особо, были взяты либо из могильных сооружений (обкладки и перекрытия могильных ям), либо из строительных конструкций городищ. Преобладающей породой был дуб, а кроме того, липа, клен, береза и тополь — породы, которые входят в состав современных широколиственных лесов и были типичны, что устанавливается по другим палеоботаническим данным, для широколиственных лесов второй половины голоцена. Совершенно очевидно, что для хозяйственных целей люди эпохи бронзы и железа использовали древесные растения, непосредственно произраставшие близ поселений. Состав определенных пород позволяет еще раз отметить относительную стабильность флоры широколиственных лесов лесостепной зоны и подтвердить, что во II — I тысячелетиях до н. э. в Воронежской области произрастали те же древесные породы, что и сейчас, т. е. никаких существенных изменений в растительности, а следовательно, и в климате, констатировать нельзя.

---

[1] Н. А. Прозоровский Очерк растительного покрова центрально-черноземных областей. Вопросы географии, 1949, № 13.

[2] К. К. Марков и др. Взаимоотношения леса и степи в историческом освещении. Вопросы географии, 1950, № 23; В. Н. Сукачев. К истории растительного покрова Европейского лесостепья. Вопросы географии, 1951, № 24.

Таблица 1

Результаты определения дерева и углей с памятников Воронежской области

Определение породы	Курганный могильник у д. Ияьмень	Мастюгино	Курганный могильник у с. Дуровка	У с. Старая Тойда	Курганный могильник у с. Левашовка	Городище у с. Большое Сторожевое	Курганный могильник у с. Левая Россошь	Курганный могильник у с. Русская Тростянка
Дуб (Quercus sp.)	12	37	62	7	5	13	8	25
Тополь (Populus sp.) . . .	—	5	—	—	2	—	—	2
Клен (Acer sp.)	—	1	—	—	—	—	—	—
Липа (Tilia sp.)	—	5	—	—	—	4	—	—
Береза (Betula sp.)	—	1	—	—	—	—	—	—

2. Из приведенной таблицы совершенно ясно, что наиболее употребительной для хозяйственных целей породой является дуб, древесина которого меньше, чем какая-либо другая, подвержена гниению, обладает большой прочностью и ценными поделочными качествами. И в настоящее время древесина дуба считается лучшим строительным материалом. Очевидно, что уже во II—I тысячелетиях до н. э. люди были хорошо знакомы с механическими свойствами древесины. Этому имеются многочисленные подтверждения. В частности, среди образцов древесины, переданных на анализ, находились три деревянных предмета: рукоятка меча, гребень и древко копья. Рукоятка меча была сделана из березы, гребень — из клена, древко — из тополя. Из березы, клена и тополя, а также липы и вяза в разные эпохи изготовлялись многочисленные бытовые предметы. Для подобного рода поделок эти породы деревьев используются и сейчас. Указанные находки еще раз свидетельствуют о хорошем знании свойств древесины древними жителями нашей страны.

3. Метод определения дерева и углей, в последнее время широко используемый при археологических раскопках, имеет большое значение особенно для южных районов — за пределами лесной зоны, где другие палеоботанические методы не дают желаемых результатов. Это особенно важно для периодов II тысячелетия до н. э.— I тысячелетия н. э., для которых практически отсутствуют данные спорово-пыльцевого анализа. Именно поэтому результаты палеоботанических определений образцов Воронежской экспедиции в какой-то степени заполняют имеющийся пробел и позволяют с достоверностью судить о флористическом составе лесов. Эти работы начаты лишь в недавнее время. Дальнейшие исследования в этой области несомненно дадут много новых и интересных фактов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АП УРСР — Археологічні пам'ятки УРСР
БЧ — Библиотека для чтения
ВРГО — Вестник Русского географического общества
ВУАК — Воронежская ученая архивная комиссия
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ДГС — Древности Геродотовой Скифии
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИА АН СССР — Институт археологии АН СССР
ИАК — Известия археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчеты археологической комиссии
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
Тр. АС — Труды Археологического съезда
ТОИИК ГЭ — Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
ТРГО — Труды Русского географического общества
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua

92 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА